

81.1-0
С28

А.П. СЕДЫХ

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЭТНОС

**национально-культурные
особенности
коммуникативного
поведения
русских и французов**

монография

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

81.1-0 710802

С28 Сергеев А. П.

Дружеская помощь
и т.п.

2004

120-00

173.2006

Новинка

Новинка

Б0102

КОНТРОЛЬНАЯ
ЭКЗЕМПЛЯР

0000201561

А.П. Седых

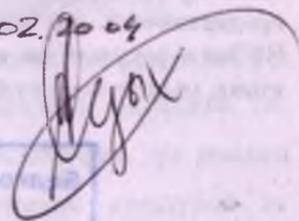
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЭТНОС

(национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов)

В Д А Р
Монография

Дорогой Татьяне Михайловне,
с уважением и признательностью
от автора.

20.02.2004

КОМПАНИЯ
ИНТЕРНЕТ

Москва 2004

УДК 804
ББК 81.2Фр
С 28

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Белгородского государственного университета

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Л.М. Минкин*;
доктор филологических наук, профессор *В.К. Харченко*

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор *В.Т. Клоков*

Седых А.П.

С 28

Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов). – М.: Компания Спутник+, 2004. – 269 с.

ISBN 5-93406-615-3

В Д А Р

от Давыденко Л.М.

В монографии исследуются этнокультурные особенности коммуникативного поведения русских и французов с целью выявления закономерностей формирования национально-культурной языковой личности.

Монография подготовлена на кафедре французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета и предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей филологических ВУЗов и факультетов, а также для интересующихся проблемами изучения связи языка, мышления и культуры.

210802
Белгородский государственный
университет
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

УДК 804
ББК 81.2Фр

Отпечатано с оригинал-макета автора.

ISBN 5-93406-615-3

© Седых А.П., 2004

ВВЕДЕНИЕ

Национально-культурные ценности любой этнопсихологической группы отражаются в языке, обслуживающем реально существующую общность людей. Особенности мировидения того или иного национального коллектива находят свое выражение в лексико-грамматической системе языка.

Язык как виртуальная структура реализует свои потенциальные возможности в речевом поведении носителей данного языка, которое обусловлено типологическими особенностями коллективного сознания того или иного общественного организма. Так, Ю.М. Лотман отмечает тяготение западно-европейского способа мышления к знаковому (семиотическому) типу и тенденцию российского - к символическому (неконвенциональному) типу ментальности (Лотман 1999, 357-379).

Известно, что различные культуры и различные языки устроены по-разному: "Культуры, как и языки, могут быть и более открытыми (как, например, русская), и более "закрытыми" (например, французская). Национальная самобытность, национальная психология отражаются в языке, в характере его отношений с другими языками" (Скворцов 1996, 16).

О. Мандельштам, говоря о рационализме западных культур (языка) и о "безбрежной" стихии русского языка, пишет: "Русский номинализм, т.е. представление о реальности слова как такового, животворит дух нашего языка и связывает его с эллинской филологической культурой не *этимологически* и не *литературно*, а через принцип внутренней свободы, одинаково присущей им обоим" (Мандельштам 1987).

Каждый язык всякий раз по-своему (и по-новому) членит реальность, то есть реальность по-разному опосредуется разными языками: “Люди (...) в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. (...) “Реальный мир” в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы ... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом потому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения” (Сепир 1993).

Ввиду неоднозначности термина “норма”, следует уточнить его употребление в данной работе. В одном понимании это понятие связывается с литературной нормой, в смысле высокого образца применения языка, как правильная, чистая речь образованных людей, к соответствию которой необходимо стремиться.

В данном исследовании этот термин употребляется в более конкретном смысле - это то постоянное, общее в языке, благодаря чему люди понимают друг друга, “норма в этом аспекте совершенно объективна, всегда с нами, хотим мы того или не хотим. Это реальность, достаточно однородная для того, чтобы говорящие чувствовали ее единство. Это *внутриязыковой атрибут*” (Шапошников 1998, 8).

Понятие языковой нормы связано с особенностями риторического идеала каждой нации. Так, по мнению А.К. Михальской, главной отличительной чертой русского риторического идеала является “диалогичность по содержанию (...) в которой между говорящим и адресатом реализуются подлинные субъект-субъектные отношения”. Тогда как “западный тип культуры характеризуется индивидуальной отъединенностью и соревновательностью суверенных индивидов, а мотив индивидуализма непременно образом связывается с рационализмом, с приматом логики” (Михальская 1996, 173-174).

Лексико-семантическая структура естественного языка обуславливает определенную картину мира для каждого языка и не сводится к простому

отношению между знаками и внешним миром. Значения подавляющего числа слов и грамматических единиц связаны с речевыми ситуациями и носителями языка. Нельзя не согласиться с мнением А. Вежицкой и Е.В. Падучевой о том, что значение в естественном языке *антропоцентрично*, т. е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно *этноцентрично*, т. е. ориентировано на данный этнос (Wierzbicka 1991, Падучева 1996). Семантика языка, таким образом, концентрирует в себе определенные национально-культурные черты.

В данном исследовании выявляются соответствия между языком конкретных социумов (русским и французским) и их культурными ценностями, системой восприятия и особенностями поведения. Для выявления специфики языкового поведения каждого национально-культурного сообщества проводится сопоставительный анализ языковых употреблений, связанных с определенной системой языковых форм. Последние, по нашему мнению, являются культураносными компонентами в структуре языка и “воздействуют вполне предсказуемым и определимым образом на языковое поведение членов коллектива, оставаясь, как правило, в области под - или надсознания. Регулярность этого “влияния” настолько велика, что лингвист может построить описание языковой структуры на базе довольно ограниченного количества наблюдений” (Бок 1999, 116).

Следует указать на то, что в настоящей работе не только учитываются объективные факты языка и речи, но и элементы невербальной коммуникации и ее интерпретации с точки зрения мотивации высказывания и коммуникативного намерения, иными словами, при анализе речевого материала используются методы, связанные с психологией и прагматикой.

Процесс коммуникации рассматривается как активный, творческий процесс ее участников. Речевое высказывание представляет собой сложное единство, декодирование которого обусловлено наличием как языковой, так и общей модели поведения. Интерпретация сообщаемого в данном ключе не может обойтись без учета *коннотативных* значений речевого сообщения.

Наиболее удачным представляется определение термина *коннотация*, данное Р.К. Потаповой, которая рассматривается как “сумма эмоционально-оценочных компонентов, сопровождающих денотативное значение в реальном речевом акте и влияющих на конечный смысл воспринимаемого высказывания” (Потапова 1998, 6).

Важность учета коннотативных значений при декодировании речевых высказываний усиливается в силу того, что они часто имеют национально-культурную специфику. Поскольку коннотация проявляет себя чаще всего как речевой, а не языковой феномен, выделение и интерпретация ее обусловлены моделью поведения языковой личности конкретной лингвокультурной общности, в частности, русского и француза.

Языковая личность рассматривается как категория дискурса, то есть, как “реальность речи” (Бенвенист 1974, 293). Эта реальность функционирует в рамках абстрактной модели, во всех своих частях определенной и определяемой по модели употребления национального языка в акте речи. Тенденции речевого употребления рассматриваются в рамках так называемого “симптоматического” метода (*больше/ меньше; чаще/ реже*), когда знание *разговорного узуса* позволяет выделить наиболее характерные черты языкового поведения представителей двух этносов. Для выявления этнокультурных характеристик в работе используется метод контрастивного описания как в плане обнаружения соответствующих сем (компонентный анализ), так и на уровне текстового употребления двуязычного языкового материала (контекстуальный анализ).

В задачу данного исследования не входит описание полной и исчерпывающей системы употреблений языкового материала русского и французского языков. Цель работы - на базе контрастивного анализа приблизиться к пониманию механизмов коммуникативного поведения русских и французов в процессе практического использования ими родного языка.

Предполагается, что выделенные модели языкового поведения будут способствовать достижению практической цели овладения навыками адекватного и корректного использования двух языков как русскоязычными, так и франкоязычными реципиентами.

Часть I

Глава I

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И СОЦИУМ

1.1. ЭТНОС, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК

(РУССКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ СУПЕРЭТНОСЫ)

Между историческим развитием этноса, национальной культурой и языком со всей очевидностью прослеживается глубинная аналогия. Можно сказать, что этнос и национальная культура существуют пока существуют значения слов национального языка, специфика национального речевого узуса, литература, написанная на национальном языке. Приведенные компоненты с необходимостью замыкаются на языковой личности, субъекте речи и носителе определенных черт национального характера.

Личность “говорящая” при всей своей индивидуальности неотделима от этнокультурных параметров нации. Даже если человеку пришлось, в силу тех или иных обстоятельств, жить вдали от этнической родины, связующим звеном с истоками, как правило, служит язык. Языковая компетенция в данном случае необязательно должна быть оптимальной, достаточно внутреннего ощущения сопричастности с национальными корнями. Неслучайно следующие речения подчеркивают почти физиологическое единение с этносом, культурой, языком: “Россия (Франция) течет в наших жилах”, “Я впитал французский (русский) с молоком матери”, “Культура есть нервная система нации” и пр.

Россия и Франция относятся к так называемым *суперэтносам** (в работе используются основные положения концепций Л.Н. Гумилева и Ф. Броделя). Современное состояние коллективного сознания русских и французов рассматривается как результат исторического развития в соответствии с определенной *фазой этногенеза*. Каждая фаза этногенеза есть четко фиксируемый этап развития этноса, характеризующийся

определенным уровнем *пассионарности* (пассионарного напряжения) и соответствующим ему *стереотипом поведения* людей.

Итак, *суперэтнос - этническая система*, состоящая из нескольких *этносов*, возникших в одном ландшафтном регионе, и проявляющаяся в истории как мозаичная целостность. Речь идет о так называемом “*кормящем ландшафте*” (*Terre-Mère*), который для России и Франции трудно сопоставим, также различны и климатические условия, связанные с определенным для эволюции каждого суперэтноса типом ландшафта.

Как известно, Европа разделена воздушной границей по изотерме января от Прибалтики до Черного моря. К западу от этой границы, в частности, во Франции климат морской, влажный с малыми колебаниями температуры воздуха со средней температурой января выше нуля и влажной теплой зимой. К востоку от воздушной границы, соответственно, в России средняя температура января отрицательная, зима холодная, морозная, климат континентальный со значительными колебаниями температуры воздуха, меньшей влажностью, облачностью и количеством осадков по сравнению с морским климатом. Само собой разумеется, что из особенностей климатических условий нельзя непосредственно выводить черты национального характера, тем не менее, ландшафтно-климатические параметры не следует сбрасывать со счетов, тем более, что *доминантные природные особенности* среды обитания каждого этноса со всей очевидностью отражаются в языковом творчестве его представителей (“береза” для русских, “омела” для французов).

События и явления и их восприятие в коллективном сознании связаны с определенными пространственно-временными координатами (*хронотопом*), специфическими для каждого этноса. При этом, *национальный хронотоп* представляет собой ядерную структуру постижения, организации и категоризации действительности. В рамках субъективного отношения к пространству и времени проявляются типологические черты

восприятия национального сообщества, к которому принадлежит отдельная личность.

Культура является цементирующим элементом (супер) этноса. Следует сказать о том, что в научной литературе существует бесконечное множество определений культуры, иными словами, в мировой гуманитарной мысли нет единого понимания культуры и методов ее исследования. Мы понимаем культуру в широком смысле как **семнотическую систему с исторически сложившимися правилами кодировки и идентификации, освоенными большинством носителей национального языка**. Вслед за Ю.С. Степановым, мы считаем, что культура есть “совокупность концептов и отношений между ними” (Степанов 2001, 40). Языковое поведение (язык в процессе функционирования) как часть культуры и как “один из способов формирования концептов в сознании человека” (Попова, Стернин 1999, 4) в свою очередь формирует языковую картину мира, ядерная структура которой обладает ярко выраженными идиозтническими характеристиками.

Стереотипы поведения - специфические правила, стандарты поведения членов *этнической системы*, передаваемые потомству путем научения. Сюда могут быть отнесены *императивы поведения* как принципы отношения коллектива к индивиду и наоборот. Господствующие для каждой нации принципы очевидно также различны в ядерных структурах коллективного сознания. Путем научения формируется определенное аксиологическое поле, специфическая шкала ценностей - то, что для одной нации существенно, для другой находится на периферии ценностных приоритетов. Аксиология и язык нераздельны - нельзя научить ценностям, не говоря на языке, так как с помощью языка люди не только мыслят, но и управляют своим поведением. Язык напрямую не связан с всплесками социальной активности, вместе с тем в периоды социальных потрясений языковой узус наиболее динамичен и его элементы отражают специфические для каждой нации модели коммуникативного взаимодействия и модификаций языковых структур.

Пассионарность (как характеристика поведения) - избыток биохимической энергии живого вещества, проявляющийся в способности людей к сверхнапряжению. Уровень пассионарности неравномерен и зависит от способности людей впитывать избыток энергии из окружающей среды и реализовываться с наибольшей отдачей в социально приемлемых / неприемлемых действиях. Речь идет об этнокультурных параметрах информационного поля, так называемой **конструктивной / деконструктивной ауры**. По нашему мнению, Россия и Франция обладают несовпадающим, с точки зрения системных параметров, информационным полем.

Фазы этногенеза - четко фиксируемый этап развития этноса, характеризующийся определенным уровнем пассионарного напряжения и соответствующим ему *стереотипом поведения* людей. По нашему мнению фазы этногенеза российского и французского суперэтносов имеют различные полюсы напряжения и не совпадают по уровню и хронологии пассионарности.

Каждая фаза связывается с определенным для каждой нации "набором" культурных событий. Духовная культура делится на обиходную и событийную. По словам А.М. Панченко: "Небывалость - вот неперменный признак культурного события. Совокупность таких событий - плоть и кровь эволюции, неиссякаемого потока новизны. (...) То, что некогда было культурным событием, переходит в разряд культурного обихода. (...) Обиходный слой составляет фундамент слоя событийного. Обиход слагается из "прописей", из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации" (Панченко 1984, 3-4).

Таким образом, ключевые этнокультурные события как "вечные спутники" формируют уникальный концептуальный багаж нации, народную культурную память.

Основываясь на упомянутом принципе “событийности” и синтезируя результаты исследования отечественных и зарубежных ученых, представляем сводную таблицу этапов развития рассматриваемых суперэтносов:

РОССИЯ

IV в. - Великое переселение народов, возникает новая христианская держава **Византия** - суперэтнос, состоящий из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян и просуществовавший до XV в.

Восточные славяне (русские, украинцы, белоруссы), болгары, сербы, румыны - единая письменность, единый литературный (церковнославянский) язык, общая иконопись, музыка, церковный обряд,

Slavia orthodoxa.

VI-VIII вв. - Рождение Киевской державы - **фаза подъема**.
Образование славяно-русской этнической общности. Варяги, Рюрик в Новгороде.

988 г. - Владимир Красное Солнышко (? - 1015), выбор веры, православие (умеренность Византийской империи, искренность патриархов, очарование греческой литургии, отсутствие идеи

ФРАНЦИЯ

52 в до н.э. - битва при Алезии, завершается завоевание Галлии Римом. На 500 лет Галлия становится римской провинцией. Римская империя - самая передовая по тому времени цивилизация (каменные храмы, театры, стадионы, бани, акведуки).

II в н.э. В Галлию проникает христианство.

IV-V вв. Галлию завоевывают франки
496 г. - Хлодвиг (из рода Меровингов) принимает христианство в Реймсе, христианство окончательно вытесняет языческие верования.

Фаза подъема.

Карл Великий (768-814) король франков, создаст обширную империю, которая распадается вскоре после его смерти.

X в. - **Фаза акматическая** (предельный для системы уровень пассионарного напряжения).
987 г. - Капетинги на престоле, через феодальные усобицы и войны Франция идет к национальной и

предопределения - "грешник сам в ответе за свои грехи").

Фаза акматическая.

XI в. - Ярослав Мудрый (ок. 978-1054), мудрость компромисса. Фаза инерционная (плавное снижение уровня пассионарного напряжения). 1054г. - окончательный

раскол христианской церкви на западную (римско-католическую) и восточную (греко-православную).

XII- XIII вв. - Распад Киевской Руси, трагическая гибель. Александр Невский - братание с Ордой. Фаза обскурации (самый низкий уровень пассионарности, либо исчезновение этноса как системы, либо превращение ее в реликт).

XIII-XIV вв. - Пассионарный толчок. На развалинах Киевской Руси строится новая Московская Русь, которая с конца XV века стала называться Россией. Возникновение великорусского этноса, лейтмотивом этнической целостности становится **действенное православие.**

Иван I Калита (? - 1340) - заложил основы политического и экономического могущества Москвы. 1380 г. - Куликовская битва - новая

государственной консолидации.

XI в. - депрессия акматической фазы (Вильгельм Завоеватель 1066), пассионарность французов смещается к границам суперэтнического ареала.

XI-XIII вв. - Париж фактически становится столицей Франции, крестовые походы, "сжигание" пассионарности, становление национального самосознания.

Население Франции около 17 млн. человек.

XIV- XV вв. - Начало фазы надлома.

Столетняя война, Жанна д'Арк, коронация в Реймсе Карла VII.

Северная и Южная Франция объединяется в единое государство с центром в Париже.

Слово "нация" употребляется как обозначение всех французов, имеющих общее отечество. Входит в употребление слово "патриот", которое обозначает "соотечественник"

этническая общность становится реальностью, фактом всемирно-исторического значения.

Фаза подъема.

XV-XVI вв. - Иван III, Иван IV Грозный (1547 - 84) первый русский царь.

Начало акматической фазы.

Императив поведения - человек, занявший первое место ("первач"), чрезмерное количество пассионариев, очаги пассионарности, консорции и субэтноты (казаки). Опричнина (кромешники), Борис Годунов.

XVII-XVIII вв. - Завершение акматической фазы. Лжедмитрий, Смутное время. Победа Великодержавии. Дворяне и казаки - разные субэтноты.

Минин и Пожарский. - спасители Отечества (польская интервенция).

Выборы царя, с 1613 г. - династия Романовых. Богдан Хмельницкий - воссоединение Украины с Россией, единая суперэтническая принадлежность.

Раскол Церкви. Степан Разин.

Стрелецкий бунт. Хованщина.

Петр I Великий (1672-1725) - создатель могущественного абсолютистского государства,

XVI в. - фаза надлома, гражданские войны Реформации, Европа разделяется на протестантскую и католическую. Гугеноты и католики, **24 августа 1572 - Варфоломеевская ночь.**

Генрих IV (1594-1610) - конец религиозным войнам, декрет о веротерпимости.

XVII-XVIII вв. - Инерционная фаза. Людовик XIV (1643-1715) - гений французского абсолютизма ("Государство - это я"). Франция - единое централизованное государство. Колонизация Канады, Антильских островов, укрепленные поселения на побережье Индии и Африки.

Население Франции - 26-27 млн. жителей. Французский язык становится языком образованного европейского общества, дипломатии международного общения.

признание за Россией странами Западной Европы авторитета великой державы ("Европа нам нужна лет на сто, а потом мы повернемся к ней задом").

XIX-XX вв. - Фаза надлома.

Декабристы. Аристократия, православие, малые народы, 90 % бесправных крестьян, барин и мужик.

Экономическое отставание, поражение

в Крымской войне. **Реформы**

Александра II (1818-1881), 1861 г. -

отмена крепостного права, русско-

турецкая война, народовольцы,

рождение терроризма. Экспансия на

Кавказе и в Средней Азии.

1905, 1917 гг. - революции, к власти

приходят большевики, отделение

Церкви от Государства. Красный

террор, гражданская война, сталинские

репрессии, **Великая Отечественная**

(1941-1945), разоблачение культа

личности Сталина **(1956), короткая**

оттепель.

Годы брежневского застоя, перестройка,

распад СССР, всеобщие выборы

(1991), Борис Ельцин - первый

президент Российской Федерации,

новая Конституция и парламент.

Владимир Путин - второй президент

XIX - нач. XX вв. - Фаза надлома.

1789 г. - Великая Французская революция, "Свобода, Равенство, Братство".

Наполеон Бонапарт (1769 - 1821) -

Первая империя. Череда революций,

Парижская коммуна. Французские

республики, дело Дрейфуса,

многочисленные социальные

конфликты.

1905 г. - отделение Церкви от

Государства.

1918 г. - Перемирие, Версальский

договор. **1940 -1944 - Вторая Мировая**

война. Маршал Петен, призыв генерала

де Голля к сопротивлению,

коллорабационизм и движение

Сопротивления.

Национализация основных отраслей

промышленности. Распад

колониальной системы, падение

престижа страны на международной

арене.

Шарль де Голль (1890-1970) - Пятая

республика. Франция становится

Российской Федерации, попытка объединения суперэтнических сил (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан).

XXI в. - Завершение фазы надлома. Фаза подъема?

ядерной державой.

1981-1995 гг. - Правление Ф.

Миттерана, отмена смертной казни, оплачиваемый отпуск, продолжение социально-экономического кризиса.

Жак Ширак - президент Французской Республики.

Вторая половина XX начало XXI вв.

- Фаза мемориальная (*гомеоста*
- устойчивое состояние этнической системы, при котором колебания количества биохимической энергии-пассионарности – незначительны этнонадшафтное равновесие и отсутствие фаз этногенеза).

Объединение Европы.

Данная таблица не претендует на всеобъемлющее отображение фаз этногенеза, цель - схематично представить основные, по нашему мнению, этапы эволюции для определения поведенческих стереотипов и культурных доминант каждого этнокультурного сообщества. На основе выявления стереотипов и доминант, предполагается проследить пофазное возникновение и функционирование ключевых концептов русской и французской пассионарности и их языковых экспонентов.

Пассионарность - явление планетарное, тем не менее, хронологически она может не задеть (частично задеть) тот или иной этнос, иначе говоря, периоды колебания пассионарного напряжения суперэтносов совпадают не полностью, что несомненно отражает специфику этнокультурного развития каждой нации. Так, российский суперэтнос возникает почти на 500 лет позже

французского. Христианизация Франции начинается также на 500 лет раньше чем на Руси. Таким образом, российский суперэтнос гораздо моложе французского и уровни пассионарности каждого из них предполагают различные императивы поведения.

Вместе с тем, следует отметить и *качественные отличия фаз этногенеза*. Качественные особенности русской и французской пассионарности прослеживаются в процессе этногенеза ключевых национальных концептов, отраженных в языковых структурах. Попытаемся проследить их эволюцию и языковую репрезентацию.

Начнем с определения операциональных границ термина **“ключевой национальный концепт”**. Концепт понимается, с одной стороны, как **“глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания”** (Попова, Стернин 1999, 4), с другой стороны, как **“сгусток культурной среды в сознании человека (...) основная ячейка культуры в ментальном мире человека”** (Степанов 2001, 42-43).

Мы определяем термин **“ключевой национальный концепт”** следующим образом: **приоритетный способ рационального и чувственного освоения действительности, специфический для (супер)этнoса и индуцируемый общенациональным языком.**

Функционирование ключевых национальных концептов связано с культурпсихологическими моделями, характерными для определенного (супер)этнoса. Архаические социокультурные модели являются базовой структурой для формирования концептуального поля национального сознания.

Наряду с идиоэтническими схемами освоения действительности существуют и универсальные парадигмы восприятия, которые рознятся на уровне ядерных функций и могут совпадать на периферии. Так, универсальный концепт, вербализуемый словом “Бог” имеет различную амплитуду семантических колебаний и сферу функционального взаимодействия в русском и французском языковых сообществах.

Сопоставим функционирование концепта в двух языковых культурах на разных фазах этногенеза *(В работе используются некоторые положения диссертационного исследования Е.А. Алексеевой – Саратов 2001).

Как известно, древние кельты, в последствии, галлы поклонялись языческим божествам. На территории Руси было распространено поклонение языческим - Перуну, Белбогу, Ладе, Световиду, Чернобогу. Позднее язычество сменилось христианской религией (Франция - 496 г., Русь - 988 г.). Лингвистическая разница восприятия божественной литургии состояла в том, что славяне начали молиться на родственном древнерусскому древнеболгарском языке, тогда как предки современных французов воспринимали Слово Божие на латинском языке, что требовало специальной языковой подготовки.

XI век приносит разделение христианства на православие и католицизм, Русь выбирает восточную (греко-православную) версию христианства. В отличие от католицизма / протестантизма, православие не добавило ни одного догмата к своему вероучению. Неизменными остаются: троичность Бога, боговоплощение и искупление. Для католической традиции характерно выдвижение на первый план понятия личности и ее прав. Следует отметить также, что во Франции главный религиозный, ставший почти светским, праздник - Рождество, в России - Пасха. Можно сказать, что Рождество устремлено к успехам цивилизации, "радости жизни", а Пасха - к работе душевных сил по образу и подобию Всевышнего.

До революции 1917 года в России святые обозначения следовало писать с заглавной буквы (Бог, Господь, Творец, Всевышний, Спаситель, Святой Дух, Богородица, Св. Троица, Провидение, Промысел, Небо, Церковь). В современном речевом употреблении используются наименования, основанные на антропоморфных чертах Бога (Око Божие, Слово, Голос Божий, Рука Божия, Белый цвет). В русском языке Бог часто соотносится с понятием справедливой *Кары*: Неправого Бог покарает, За правду Бог и добрые люди, Бог любит праведника, а черт ябедника. Для

французской религиозной традиции идея *Кары* не принципиальна, Бог - прежде всего *Вечный* (*l'Éternel*). Главное - заслужить спасение после смерти, свободу.

Этимологически в русском языке слово Бог происходит от индоевропейского архетипа, означающего "дар" (распределение судьбы, благ), во французском от другого архетипа *duo* "два", что соотносится с легендой о создании Вселенной путем расщепления Хаоса (Маковский 1996, 46-50).

Французское выражение *image de Dieu* - образ Божий, помимо понятий о нравственности и морали, включает дополнительную символическую сему: "свобода прав личности", французская культура и здесь направлена на юридически-правовой аспект. В русской культуре образ Божий соотносится только с символом нравственности и духовности, а в последнее время с духовным возрождением нации.

В целом можно говорить как о сходстве, так и различии в представлениях о Боге у русских и французов. Сходство проявляется в общих идеях о добре, любви, милосердии, спасении, судьбы, связанных с рассматриваемым концептом. Различие сказывается в связи с приоритетными для русского национального сознания идеями о Боге как о Каре, Справедливости, Возмездии, в противовес французским представлениям о Спасении, Праве и Свободе. С данными приоритетами связаны императивы поведения и некоторые стереотипы языкового мышления представителей двух суперэтносов.

Развивая концепцию Е.А. Алексеевой, следует сказать о том, что на актуализацию концепта влияют основные события этногенеза, иначе говоря, то какое значение имеет вера людей в Бога в разные времена. Парadoxальным образом идея Бога и его "оппонента" Дьявола, Черта преломляется, например, в современных русских и французских ругательствах.

В русских ругательствах слово “Бог” употребляется очень редко, а если употребляется, то носит характер безобидный, шуточный и часто ироничный. Многие выражения имеют помету *устар.* :

Бог весть - неизвестно, никто не знает.

Бог [черт] знает что - нечто невообразимое.

Бог обидел - с изыянами, обделенный талантами.

Бог [боже] ты мой - выражение радости, удивления, восторга, негодования.

Убей меня бог - 1. Клятвенное заверение в чем-либо.

2. Выражение невозможности понять что-либо.

Богом убитый - Глуповатый, малосообразительный, умственно неполноценный человек.

Ради бога - Пожалуйста; очень прошу. Выражение усиленной просьбы, мольбы.

Эмоциональный накал приведенных речений высок, но их нельзя отнести к грубому стилю речи. В современном русском языке грубые ругательства скорее связаны с именем *черта* и его функциональными синонимами *бес*, *дьявол*, *шут*, *леший*, *пес*, *ляд*, *хрен*, *прах*, а также их производными:

На кой черт - Зачем, для чего?!

Ни один черт - Абсолютно никто.

Сам черт не разберет [ногу сломит] - Никто, кто бы ни пытался.

Черт возьми [побери]! - Восклицание, выражающее негодование, возмущение, удивление, восхищение.

Черт дернул меня за язык - Неизвестно зачем понадобилось сказать что-либо.

Черти [нелегкая, нечистая сила] принесли - Кто-либо приходит некстати, не вовремя.

Черт [бес, леший, шут, пес, хрен, прах] с ним - Пусть будет так;
можно оставить без
внимания и пр.

Во французском языке также имеется набор речений со словом *Diable* (черт), но на современном этапе французского этногенеза, француз скорее использует для ругательства слово *Dieu* (Бог), нежели *Diable* (черт):

Dieu! Ah, mon Dieu! Pour l'amour de Dieu! Tonnerre de Dieu! Nom de Dieu! Bon Dieu! Bon Dieu de Bon Dieu! Dieu(x) de Dieu(x)! Vingt Dieux! Bordel de Dieu! Morbleu, palsambleu, sacrebleu, scrogneugneu, tudieu, ventrebleu, vertubleu. Все эти выражения можно перевести одним высказыванием на русском: Черт поberi! со всеми вытекающими отсюда синонимами. Следует отметить, что выделенный суффикс *bleu* является завуалированным *Dieu* (Бог) и все приведенные речения относятся к вульгарным.

Вышесказанное не означает полной девальвации концепта “Бог” во французской культуре, вместе с тем, современные тенденции вербализации говорят о его модификации. Для современной русской парадигмы восприятия характерна относительная реабилитация данного концепта после периода официального атеизма.

Подобное употребление языкового материала регулируется так называемым национальным *коммуникативным этосом*, обусловленным определенной фазой развития этногенеза, о чем речь пойдет в следующем разделе.

1.2. ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассмотрим национальную специфику вербального / невербального взаимодействия русских и французов, иначе говоря, этнопсихологические особенности общения представителей двух языковых сообществ, начиная с пространственных характеристик и некоторых поведенческих особенностей коммуникации. Известно, что различные культуры относятся к пространственно-временным параметрам по-разному. Пространство, например, для араба и японца качественно не совпадает с пространством русского и француза. В то же время, при сходной для араба и японца важности физического контакта, последний стремится сохранить довольно жесткие межличностные границы, тогда как представитель арабского мира делает все для того, чтобы эти границы разрушить.

Пространство вокруг русского чрезмерно разрежено (достопадные русские просторы) и он стремится к его заполнению за счет других, участвующих в коммуникации личностей: частые похлопывания по плечу, традиционные обнимания при встрече и прощании и пр. В русском социуме громкий разговор на улице не вызывает возмущение окружающих, если, конечно, речь не идет о хулиганских выходках. В замкнутом пространстве, например, в ресторане, русские обычно ведут себя шумнее своих французских собратьев. Здесь следует отметить разницу в целевых установках: русские ходят в рестораны не столько для того, чтобы вкусно поесть, а в основном, чтобы весело провести время, репутация же французов-бонвиванов и гурманов общеизвестна.

У русских подобное обращение с пространством возможно вызвано желанием компенсировать чрезмерную межличностную дистанцию между жителями далеко не перенаселенной страны. Иными словами, пространство оценивается в аспекте его неселективной социально-психологической наполняемости.

Французы также ценят пространство, но используют его с учетом ценностных характеристик каждой отдельно взятой личности. Например, в традиционных французских кафе довольно тесно: столики стоят близко друг к другу, размеры их минимальны (как правило, для двоих), завсегдатаи часто толпятся у барной стойки. При этом никто не мешает другому вести беседу, хотя все разговаривают достаточно громко и создается впечатление "пчелиного улья". Интересно заметить, что шум в кафе монотонен и к нему быстро привыкаешь и не чувствуешь себя скованно.

Замкнутое пространство ресторанов очевидно представляет для французов санкционированное поле для определенного типа отношений, в частности, доверительного личного и социального контакта. На улице вы вряд ли услышите громкую беседу, выяснять отношения на виду у всех не принято.

В общественных местах (в транспорте, очередях) русские довольно легко и непринужденно вступают в беседу с незнакомыми людьми. Могут обсуждаться самые разнообразные проблемы от политических, до сугубо личных, например, состояние здоровья, уровень зарплаты и пр. Прямой взгляд на соседа в транспорте не расценивается как агрессивный, вас рассмотрят оценивающим взглядом, а затем отвернутся, занявшись более занимательными объектами за стеклом.

Заговорить на улице (в метро, автобусе, поезде и тд.) с незнакомым человеком во Франции уместно лишь в случае необходимости. Установление контакта должно предваряться этикетным блоком вежливых выражений. В общественном транспорте французы обычно молчат и прямо не смотрят в глаза соседям.

Соматика беседы также национально специфична. Так, во время разговора француз, как правило, внимательно смотрит собеседнику прямо в глаза. Создается впечатление, что он изучает вас, пытается понять, но это не означает, что он спешит сблизиться с вами, напротив, француз скорее моделирует возможные грядущие ситуации, связанные с вами, в плане их

наименьшего вреда для себя. Француз кажется говорит собеседнику: "Между нами существует дистанция, необходимая мне для того, чтобы у меня было время просчитать степень опасности, связанной с вашим присутствием (зона "опасности")". Несмотря ни на что, на лице у француза всегда этикетная улыбка, жестикауляция сдержанная, движения рук не отличаются резкостью, голова как правило слегка наклонена (вправо, влево или вперед, в зависимости от индивидуальных черт характера). Русский также смотрит в глаза собеседнику, но характер взгляда несколько иной, чем у француза: устойчивость взгляда менее постоянна, глаза могут скользнуть по одежде, частям тела.

Роль разговора / беседы в двух культурах имеет также специфические национальные черты. При этом, следует отметить, что и русские и французы любят поговорить, но отношение к разговору разнится. Так, для русских важен так называемый "разговор по душам", иными словами, понимание и сострадание, что отражается в наборе следующих речений: душевно поговорили, отвести душу разговором, душа-человек, как на духу, душа нараспашку и пр. Именно такой тип разговора наиболее импонирует русским.

Предпочтительные пространства для "излияния души" - баня, кухня, вагон. Все они могут быть метонимически соотнесены с русской печкой, которая для русского народа имеет особое значение. Баня и кухня непосредственно связаны с теплом, а вагон - с теплом человеческого общения, к тому же в русских поездах традиционно подают горячий чай. Особенным русским типом разговора, непонятным иностранцам, является беседа дворовых бабушек, которые все знают обо всем и обо всех.

Застольные беседы русских также отличаются от бесед французов: разговоры часто идут о проблемах как личных, так и общественно-политических. Характерно высказывание самих русских о застольных темах: "Мы всегда, после второго стакана задаем вопрос - Что же будем делать с Конгой?". Специфически русской чертой поведения за столом

отсутствующей у французов, является провозглашение тостов и рассказывание анекдотов, часто пикантного содержания.

Французы очень чувствительны к форме общения, красноречию, эстетическому аспекту разговора. Беседы французов похожи на игру словами, даже в современном разговоре простых французов слышны отголоски салонных бесед времен “бэль-эпок” начала XX века. Излияний души не услышишь, данная слабость неуместна. Во французских высказываниях, которые функционально можно перевести как “излить душу”, “*vider son sac*” - букв. ‘опустошить свой мешок’, “*déballer*” - букв. ‘распаковаться’, “*confesser*” - букв. ‘исповедаться’, нет упоминания о душе.

Если спросить француза: Как здоровье? (*Ça va, la santé?*), в ответ рискуешь услышать: А ты что, врач? (*T’es medecin ou quoi?*). Вообще говорить о здоровье во французском обществе не принято. Как видно, русские, и французы любят поговорить, но модальности коммуникации в двух этнолектах во многом различны.

Невербальное межличностное общение русских и французов также рознится. При начале и конце разговора французы обмениваются поцелуями, которые не имеют ничего общего с интимной или родственной близостью (количество “бизушек” зависит от региона Франции, например в Париже их количество доходит до четырех раз). Данный жест, который, по сути дела состоит в легком прикосновении щеками, - чистая формальность, но обязательная. Французы к тому же пожимают руки (при встрече и прощании) всем присутствующим, включая женщин.

Для русских подобные жесты непривычны, если целуются, то с близкими родственниками (часто, в губы). Русским импонируют “телесные соприкосновения”, которые выливаются в крепкие объятия (например, между друзьями, которые долго не виделись), похлопывания по плечу, спине, долгие пожимания рук с заглядыванием в глаза, особенно начальнику. Женщинам рук не подают, если только они не подадут их сами - тут мужчины часто приступают к целованию рук.

Различные модальные установки наблюдаются при употреблении в речи обращений. Русские чаще обращаются на “вы”, например, к коллегам по работе (не следует забывать о почтительном употреблении отчеств, не знакомых французам). Французы быстрее, чем русские переходят на “ты”. Русские чаще употребляют уменьшительно-ласкательные суффиксы при обращении (Ванечка, Оленька, Натусь, мамуль, бабуль, Маркуша, Гришенька).

Следует отметить некоторые особенности жесткого иерархического поведения русских начальников по отношению к своим подчиненным: начальник может перейти на “ты”, а подчиненный продолжает употреблять “вы”, что во французском общении не возможно.

Таким образом, мы подходим к национальной концепции вежливости в рассматриваемых культурах. В этом аспекте следует отметить соотношение понятий **вежливость / искренность** в коллективном сознании русских и французов.

Правила вежливости (“политеса” во времена Петра Великого) сформировались в России относительно поздно, часто по западным моделям, которые изначально казались русским “заумными” и неестественными, отсюда выражения “лицемерный этикет” и “притворная вежливость”. Одним из ключевых русских концептов является концепт “правда / истина”. Не случайно в русском языке часто употребляются речения “правда-матка”, “правда глаза колет”. Русские часто высказывают резкие оценочные суждения, не щадя собеседника, при этом, оценочные высказывания, как правило, начинаются словами: “Ты только не обижайся, но ...”.

Просьба по-русски часто формулируется при помощи глагола в повелительном наклонении, смягченного словами “пожалуйста” или “будьте добры”. Для французов эти вежливые просьбы звучат как приказы. Ярким примером различия модальных параметров просьбы в русском и французском речевом узусе могут считаться следующие формулировки:

Merci de bien vouloir téléphoner au directeur (букв.) Спасибо за желание позвонить директору.
Будь добр, позвони директору.

Merci de me tenir informé (букв.) Спасибо за то, что будете держать меня в курсе, пожалуйста.
Держите меня в курсе.

Merci de faire acheter les billets d'avion (букв.) Спасибо за покупку билетов на самолет, пожалуйста, купите билеты на самолет.
Пожалуйста, купите самолет.

Penser à commander les chaussures d'hiver (букв.) Подумайте о том, чтобы заказать зимнюю обувь, пожалуйста.
Не забудьте заказать зимнюю обувь, пожалуйста.

Il y a des invités dans la chambre, évite d'y aller (букв.) В комнате гости, избежи ситуацию, пожалуйста, не ходи туда.
В комнате гости, ситуация, пожалуйста, не ходи туда.

Как видим, с формально-грамматической и прагматической точек зрения, французские просьбы представляют собой псевдо-приказы, они апеллируют к субъективному желанию реципиента сообщения. Русские формулировки соотносятся с повелительным наклонением, смягченным вежливыми оборотами.

В данном ракурсе интересны появившиеся недавно надписи-просьбы в отечественных маршрутках: *Думай не думай, сиди не сиди, будь ты хоть Путин, проезд оплати!* (смысл очевиден - оплатите за проезд); *Хочешь выйти? Кричи!!!* (об остановках предупреждайте заранее); *Водитель сам знает, кого и когда в машину сажает, ему одному известно, когда и как трогаться с места* (не отвлекайте водителя разговорами); *Остановок "тута" и "здеся" нет!* (автобус останавливается только на остановках) и пр.

Подобные “шедевры” невозможно увидеть во французских автобусах. Вместе с тем, они могут быть рассмотрены как частично косвенные высказывания, имеющие одновременно сильные директивные составляющие, характерные для общих тенденций употребления в русском этнолекте.

Продолжая тему вежливости / искренности, соотносимых с национальными концептами “истина” и “солидарность”, можно констатировать наличие широкой гаммы ритуальных речевых действий, распространенных в большей степени в русском межличностном взаимодействии, нежели во французском: пословицы, поговорки, народные присказки, литературные цитаты, изречения, высказывания великих людей. Французы пословиц почти не употребляют, употребление цитат им также не свойственно.

Для русских характерно более частое, чем для французов, упоминание Бога (Боже мой! Ну, и бог с ним! Вот вам Бог, а вот и порог!), при этом продолжают быть популярными высказывания, связанные с языческими суевериями: Сплюнь через левое плечо! Не свисти - денег не будет! Что-то рука левая зачесалась, видать, к деньгам! Нос чешется, значит, морду набьют и пр. Французские речевые действия менее ритуализированы и оставляют довольно большое поле для индивидуальной вербальной импровизации. Так, формулировки пожеланий при прощании статистически составляют более разветвленную группу во французском, чем в русском языке. Они в большей степени учитывают контекстную информацию о собеседнике при пожелании успешных действий, практически, для любого вида деятельности: *Bonne coupe! Bonne douche! Bonne bourre! Bonne lecture! Bonne continuation!* (соответственно: Хорошей стрижки! Счастливого помыться! Хорошей тебе формы [в сексуальных делах]! Хорошего чтения! Счастливого оставаться!).

Приведенные различия “коммуникативного этикета” объясняются не только различием языков, но социокультурными и историческими особенностями развития каждой нации. Два этноса находятся на разных

этапах функционирования концепта "вежливость". Если для француза понятия "быть вежливым" является неотъемлемой частью коммуникативного взаимодействия, одной из форм адекватного общения, своеобразным способом защиты своего личного (интимного, внутреннего, частного) мира, то для русского важнее быть "компанейским", "своим в доску", "нашим парнем". Для русских фраза: "Он вежливый", не всегда комплимент, часто она соответствует синонимическому ряду холодный, лицемерный, неестественный, неискренний, расчетливый, неживой, формалист, редиска, отталкивающий, высокомерный, сноб, ледышка, "не чувствую я его" и пр.

Следует сказать о том, что в задачи данного раздела в целом не входило выяснение вопроса "какая из наций более вежливая - русская и французская? Одна из целей - описать специфику национального характера через язык. выявить и проанализировать национально-культурные особенности языкового поведения, так как национальный дух проявляется в наиболее яркой форме именно в речевой деятельности.

1.3. СЕМАНТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СЛЕДЫ

В данном разделе рассматривается логико-семантический и логико-коммуникативный аспекты построения высказывания, которые являются важными структурными элементами анализа лингвистического знака в динамике его реализации и отражения этнокультурных черт речевого поведения национальной языковой личности. Иными словами, предлагается интерпретировать *модус*, *диктум* и *пропозицию*, которые являются основными составляющими семантико-смысловой структуры высказывания, в русле обнаружения в них этнокультурных стратов.

Если модус, передающий отношение говорящего к содержанию высказывания (коммуникативная функция, условия и цель общения), и “диктум”, обозначающий *событийную рамку высказывания* (номинативная функция, предметные отношения между объектами), по определению этноцентричны, то пропозиция как универсальная логическая структура высказывания, кажется, не способна передать национально-специфичного мировидение. Рассмотрим в этом плане каждое понятие в отдельности и во взаимосвязи.

Начнем с понятия “пропозиция”, его статуса в способе интерпретации частей высказывания и возможности выявления в пропозициональной структуре элементов этнострата.

Следует сказать о том, что некоторые ученые отождествляют понятие диктума и пропозиции (Гак 2000, 557). В данной работе эти понятия разведены, что объясняется задачами и методикой исследования: диктум рассматривается в качестве одного из способов номинации, пропозиция - как семантический формат высказывания, связанный с образным элементом последнего.

Современная лингвистика, вслед за логикой, часто прибегает к понятию пропозиции. У. Куайн писал: “Нужда в пропозиции ощущалась столь остро потому, что речь шла о некоторой ключевой категории, по отношению к которой осмыслялись другие логические понятия. Так, например, синонимия предложений обычно определяется через идентичность пропозиции”(Quine 1960, 206).

Существуют различные истолкования и определения этого понятия относящегося к области значения предложения. Если ранее среди лингвистов и логиков преобладало представление о значении предложения как совокупности значений входящих в него слов, то теперь значение слова рассматривается уже не как семантически автономная категория, а как *функция значения предложения*. По мысли Л.Витгенштейна “только

предложение имеет смысл, только в контексте предложения имя обладает значением” (Витгенштейн 1958, 39).

Постепенно в лингвистике внимание исследователей переключается с коммуникативной структуры предложения на проблемы его семантического строения. В лингвистических работах предпочтение отдается изучению предложений с относительными (многовалентными) предикатами. Как пишет С.Д.Кацнельсон, в силу своей одноместности абсолютные предикаты не представляют большого интереса для семантико-синтаксического исследования (Кацнельсон 1972, 178).

Л.Витгенштейн сформулировал принципиальное различие между простой функцией имени и пропозиционального знака: “Положения вещей могут быть только описаны, но не названы. (...) Объекты я могу только называть. Знаки замещают их. (...) Предложение может только сказать, как существует предмет, но не *что* он такое”(Витгенштейн 1958, 38).

Понятие пропозиции составляет основу пропозитивной семантики. В данной работе понятие пропозиции понимается прежде всего в *смыслообразующей функции*, как один из генераторов этнокультурных смыслов. В соответствии с целью исследования пропозиция определяется как семантическая структура речевого знака, объединяющая денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит ведущая роль.

Определяя термин “пропозиция”, мы исходим из концепции С.Д.Кацнельсона. “... Пропозиция выражает определенное событие или состояние как отношение между логически равноправными предметами ... *содержит в себе момент образности* и в этом отношении более непосредственно отражает реальность, чем предложение. Подобно картине, она изображает целостный эпизод, не предписывая направления и порядка рассмотрения отдельных деталей” (Кацнельсон 1984, 3-12).

Таким образом, пропозитивная структура - это картинка определенным образом соположенных “предметов мысли” и “предметных

ситуаций”, отражающих фрагмент *реальной или психологической картины мира* в виде конфигураций семантических компонентов.

Многие исследователи, говоря о необходимости увязывать проблему специфики способов номинации с коммуникативным предназначением словесных знаков, отмечают неизбежность выдвижения задачи исследования механизмов номинации на фундаменте логико-синтаксической организации предложения и формирования его смысла из актуализованного понятийно-языкового содержания словесных значений, приведенных в смысловую связь в соответствии с *избираемой структурой пропозиции* (Арутюнова 1976, 21-81).

Исходным понятием для определения пропозиции, в данной работе служит речевой акт и, следовательно, данное понятие может использоваться для интерпретации различных “языковых игр” (Витгенштейн 1994). Каждая номинация в силу специфического подхода к конструированию пропозициональных схем по-разному варьирует языковыми средствами в процессе обслуживания игровых ситуаций.

Избираемая пропозициональная структура, по нашему мнению, имеет определенные этнокультурные черты, так как разные языки отражают собственные “индивидуальные” *предпочтения* в плане логики, семантики и стратегии достижения целей коммуникации. Это выражается в специфике конфигураций семантических компонентов высказывания в национальных языках, в частности русском и французском. Пропозиция служит структурной основой реализации модальных отношений в речевом поведении.

Модус как часть высказывания, осуществляющий базовую коммуникативную функцию, связан с модальными значениями составляющих высказывание единиц. В первую очередь речь идет о модальных словах: *возможно, может быть - il est possible, peut-être* (модусы допущения); *сомнительно, вероятно - il est douteux, il est probable* (модусы полагания); *видно, слышно - on voit, on entend* (перцептивные модусы) и пр.

Вместе с тем, модальная рамка высказывания не сводится к непосредственному функционированию дескриптивной семантики ментальных предикатов и предикатов чувственного восприятия. Перцептивные глаголы, например, могут развивать эпистемические смыслы и вводить пропозицию.

Как отмечает Н.Д.Арутюнова: “Способность к приобретению когнитивных значений различна у разных перцептивных глаголов. Она зависит от первичного значения глагола, в частности его семантического типа, а также от *специфики конкретных языков*” (Арутюнова 1988, 113). В национальных языках это происходит по-разному и в разной степени. Так, в русском языке, скорее всего, наиболее эпистемичны глаголы *слышать* и *чувствовать* (слышишь, как пахнет; чувствуете, как звучит). Для французского языка, по-видимому, эпистемически наиболее активны глаголы зрительного восприятия (*regarde que c'est bon; tu vois je n'ai pas oublié*).

Следует отметить, что в русском языке модальность часто связана с глагольным наклонением и как правило вводит оппозицию *реальность / ирреальность*. Во французском языке модальность скорее отражает *субъективное отношение* говорящего к событию (действию). Об этом свидетельствует, например, отсутствие в русском языке специального субъективного наклонения (*Subjonctif*), в следствие чего отношение коммуникантов к предмету речи передаются при помощи лексических средств.

Модальности регулируют порождение речевых актов представителями каждого национально-культурного сообщества, то есть имеют онтологический статус выбора модели языкового поведения. Выбор модальности часто связан с эмотивной стороной коммуникации: “Эмоции имеют под собой когнитивную основу: они базируются на знаниях и предположениях. Когнитивный компонент в них первичен относительно эмотивного” (ibid. 112).

Различают шесть типов модальностей:

1. Алетические модальности (объективно - необходимо, возможно, невозможно).
2. Деонтические модальности (субъективно - должно, разрешено, запрещено).
3. Эпистемические модальности (субъективно - достоверно, вероятно, исключено).
4. Аксиологические модальности (субъективно - хорошо, нейтрально, плохо).
5. Модальности времени (объективно - прошлое, настоящее, будущее).
6. Модальности пространства (объективно - здесь, там, нигде).

Все модальности связаны с коммуникативной направленностью высказывания и передаются в разных языках разными языковыми средствами. В нашем случае речь идет о разноструктурных лингвистических системах - аналитическом французском и синтетическом русском языках, где национальный диктум, выполняющий номинативную функцию, отражает специфику способов номинации, в которых может быть обнаружен этнокультурный след. Речь идет, в первую очередь, о несовпадении техники вторичной номинации.

Вторичная номинация практически не может быть смоделирована и зафиксирована в словарных статьях, так она тесно связана с контекстными условиями, и первостепенная роль здесь принадлежит прежде всего коммуниканту (автору сообщения), а не общему узусу.

В процессе анализа фактического материала в данной работе учитывается концепция семантической системы, предложенная С.Д.Кацнельсоном, непосредственно связанная с функционированием вторичной номинации в речи, тем более что в основе всех видов вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. Вследствие этого значения языковых единиц представляют в сознании

нежесткое, вероятностное образование. В тезисном изложении эта система может быть представлена следующим образом:

а) основными единицами семантической системы языка являются лексические значения (семемы), по своему объективному содержанию стремящиеся совпасть с формальными понятиями;

б) между лексическими и семантическими единицами нет прямой корреляции;

в) лексические значения своеобразно, противоречиво и неполно отражают предметы и отношения, открывающиеся людям в процессе познания объективной действительности. В известных пределах содержание слов может быть модифицировано под влиянием формальных факторов и обратного воздействия форм языка на их содержание;

г) непосредственным проявлением мысли является не система языка, а конкретный речевой акт и его продукт - определенный отрезок речи (текст);

д) инвентарь семантических единиц не произволен, и в своей основе он детерминирован познанием объективного мира и уровнем развития мышления. В семантической системе языка господствует вероятностный детерминизм, допускающий ряд возможных реализаций основной закономерности развития (Кацнельсон 1965, 107-108). Таким образом, сущностные характеристики диктума определяются национальным способом восприятия мира и своеобразием мыслительных операций этнокультурных сообществ.

Как известно, при формировании смысла высказывания мысль движется от коммуникативного замысла к номинации события, отображая его в том или ином ракурсе на основе выбранной структуры пропозиции и коммуникативной перспективы высказывания. Выбор (комбинация) оптимальных номинативных единиц связан с процессом формирования смысла предложения, в результате которого происходит корректировка значения последних. Каждое значение языковой единицы участвует в номинации события и может рассматриваться как функция смысла

предложения. Тем самым в языке запрограммированы и возможности отклонения от регулярных правил интеграции, которые имеют специфические этнокультурные конфигурации.

Идея о необходимости связать проблему номинации с содержанием и целью коммуникативного акта была разработана В.Матезиусом, который подчеркивал: "Изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности и изучение средств и способов объединения этих названий в предложение должно рассматриваться в рамках той или иной конкретной ситуации (Матезиус 1967, 228-229).

Стремление увязать проблему лексических значений с коммуникативными ролями словесных знаков выдвигает задачу исследования принципов функционирования лексических единиц на базе логико-синтаксической организации предложения и формирования его смысла. Эти проблемы касаются взаимодействия механизмов именования и их логико-синтаксического фундамента - пропозиции, внутри которой формируются различные типы непрямых наименований. В связи с этим возрастает актуальность изучения лексической особенно метафорической номинации, тесно связанной с проблемами референции имени и предложения. Метафорическая номинация, как известно, носит ярко выраженный национальный характер.

Известно, что номинативный аспект значения слова - это прежде всего его динамическое развертывание в форме отношения наименования, а структура отношения наименования - это способ отнесенности имени к смыслу и смысла имени к обозначаемой действительности, называемой данным именем. При прямой номинации формируются значения, направленность которых на мир имеет такой же характер, как направленность на мир основных, по терминологии В.В.Виноградова, значений слов. Однако значения слов, являясь средством хранения внеязыковой информации, т.е. сведений, знаний, данных о мире одновременно служат и *средством языкового мышления* (Виноградов 1953).

12). В самом отношении именованя и заложена возможность переосмысления и формирования вторичных знаковых функций слов, поскольку "вторичная лексическая номинация - это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения.

Все вторичные наименования формируются на базе того значения слова, чье имя используется в новой для него функции называния, что находит выражение в несамостоятельной номинативной функции таких косвенно-производных значений слов и проявляется в синтагматической обусловленности их выбора и комбинации в ходе построения предложения (Гак 1972, 373). При этом не прямое отображение действительности преломляется под воздействием содержательной стороны опорного наименования. Таким образом, косвенная (тропная) номинация может быть рассмотрена как особый тип именованя.

В языке постоянно протекают спонтанные процессы вторичной номинации, и они не столь случайны по выбору мотивирующих признаков и результату. Эта мотивированность проявляется в наличии у вторичных наименований внутренней формы, выступающей как посредник между новым смыслом и его отнесенностью к действительности. Переосмысляемое значение словесного знака не только приспособливается к выражению нового для него внеязыкового содержания, но и опосредует его в самом процессе отражения.

Необходимо отметить, что мотив выбора языковой формы может далеко отойти от ядра опосредующего значения, что характерно для нетипизированной сферы номинации. Таким образом, определенный объем сигнификативного содержания переосмысляемой языковой формы выступает как *внутренняя форма нового значения*. Именно внутренняя форма языковой единицы является носителем асимметричных признаков, положенных в основу национальных способов актуализации пропозиции и модуса в диктуме.

Таким образом, этнокультурные след в логико-семантической синтаксической структурах высказывания может быть выявлен в результате анализа *специфики соотношения* пропозиции, модуса и диктума в национальных языках. Выявление этнострата высказывания предлагается строить по следующим позициям-предпочтениям:

1. Структура пропозиции (выбор конфигурации, формата пропозиции).
2. Характер модуса (предпочтительная модальность).
3. Специфика номинации (характеристики диктума).

Каждая позиция рассматривается по отношению к коммуникативным целям речевого акта, которые универсальны по содержанию и национальны по способам достижения.

Следующим важным элементом структуры высказывания, как отмечалось выше, является его дейктическая составляющая. Способа выявления особенностей национального дейксиса посвящен следующий раздел.

1.4. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Как известно, дейктическими являются идентифицирующие единицы языка, референтная соотнесенность которых устанавливается в рамках контекстного функционирования высказывания. Дейктики в логике носят название индексалов. Основной функцией индексалов является функция указания, соотнесения с внеязыковым объектом или ситуацией. Самыми яркими представителями данного типа единиц выступают местоимения и родовые термины.

По мысли Е.В. Падучевой, дейксис составляет ядро эгоцентрических единиц языка, семантика которых существенным образом ориентирована на говорящего (Падучева 1996). Иными словами, личностные характеристики субъекта речи определяются, в частности благодаря наличию / отсутствию дейктиков или элементов их замещающих.

К дейктическим категориям не относятся: наклонение, модальность, прагматические параметры высказывания (иллюкуция, перлокуция и пр.). Отличительная особенность дейксиса - идентификационная соотнесенность с объектом, временем, элементами пространства, иными словами, степень языковой тождественности с элементами внеязыковой реальности.

Кроме местоимений (указательных и личных) и родовых терминов дейктическую функцию могут выполнять:

- а) лицо глагола (1-е, 2-е);
- б) наречие;
- в) дейктический определенный артикль;
- г) глагольное время;
- д) значение глагола (*ça fait trois jours que je ne l'ai pas vu* - семантика глагола указывает на временную соотнесенность с моментом речи);
- е) кванторные слова (все были счастливы - не все представители человечества, а выделенная контекстом группа людей).
- ж) некоторые модальные слова, употребление которых обусловлено набором презумпций говорящего, его представлениями о социально значимых и индивидуально реализуемых возможностях (возможно, необходимо).
- з) предлоги соотносимые с понятием пространства (русский - "в", французский - "sur").

Приведенные компоненты высказывания, выполняя дейктическую функцию, выступают в несвойственной им роли идентификаторов референции. Индексилы имеются во всех языках, но используются по-разному. Так, исследователи отмечают общую тенденцию в использовании

дейктиков в русском и французском языках: французский язык чаще обращается к местоименным и родовым терминам там, где русский язык использует собственные имена или видовые термины (Гак 1998, 561).

Этноцентричность семантики дейктических слов проявляется, например, в степени использования личных местоимений для называния участников коммуникативного акта (ср. во французском языке возможность употребления местоимения *je* по отношению к адресату: *de quoi je me (= tu te mêles) mêle?*, *je* вместо *tu*, исключенную для соответствующего русского местоимения). Эмоциональный французский синтаксис также предполагает употребление местоимения *je* вместо местоимений *tu, elle, il*. В устах матери по отношению к своему ребенку: *Est-ce que j'aime (= tu aimes) toujours les gâteaux?* - (букв.) Я по-прежнему люблю печенье? Русское местоимение первого лица единственного лица исключает подобное употребление. В обоих случаях русским эквивалентам может быть местоимение "мы": "Куда это мы свой нос суем?"; "Кто это у нас любит печенье?".

Для французского языка характерно избыточное употребление местоимений в функции имени (именного сказуемого): *Tu es heureux? - Je le suis* - Ты счастлив? - Да (я счастлив); *T'es con, toi! - Et je le reste* - Ну и придурок же ты! - И это надолго. По семантическим и грамматическим законам французского языка имя здесь не может быть употреблено. Во французском высказывании говорящий находится в центре речевой ситуации, семантика замещающего местоимения полностью зависит от коммуникативного контекста. Для русского высказывания подобное употребление избыточно, так как говорящий, с точки зрения использования языковых средств, противопоставлен своему собеседнику. Логически и грамматически русские высказывания разорваны и контекстуально более автономны, нежели их французские эквиваленты.

Для французского речевого употребления также характерна "неустранимость" лица, что выражается в специфике функционирования безличных местоимений *il, ça, on*: *Ça baigne!* (Класс!); *On y était, on connaît*

(Плавали, знаем); *Il se peut* (Вполне возможно). Русские эквиваленты не имеют формальных соответствий, местоимения отсутствуют. Французские высказывания с помощью местоимений как бы “привязываются” к пространству коммуникативной ситуации, они сохраняют долю определенности, тогда как русские - подразумевают ее.

Наречия времени также имеют этнокультурные особенности функционирования. Так, наречие “сейчас” имеет более широкие возможности интерпретации в трех режимах - речевом, нарративном и синтаксическом, нежели его французские эквиваленты: *maintenant, actuellement, présentement*.

Специфика употребления дейктиков связана с понятием пространства (географического, геометрического, эстетического, этического, психологического и пр.) как одной из форм контурирования мира в сознании человека. Данная категория изменчива и исторична и контуры ее зависят от общих моделей мира. Вместе с тем, пространственное восприятие отмечено яркими национальными чертами и проявляется в особенностях лексикализации топологических характеристик отражаемой в языке реальности. Наиболее яркими носителями пространственных параметров являются русский предлог “в” и французский - “sur”.

В русском языке предлог “в” употребляется (в первом и наиболее распространенном значении) при обозначении предмета, места, пространства, внутрь или в пределы которого направлено действие, движение (Толковый словарь русского языка конца XX века 1998).

Во французском языке предлог “sur”, используется (в первом значении) для обозначения пространственного размещения чего-либо на горизонтальной или вертикальной поверхности, что соответствует топологии употребления русского предлога “на” (*je l'ai rencontré sur le pont, il monta sur le toit, presser sur un bouton etc.*).

Русские, изучающие французский язык, сталкиваются с определенными трудностями в употреблении французского предлога, так как

он часто передает непривычные для них отношения между предметами и явлениями.

В этом плане проанализируем несколько французских примеров необычного для русской языковой модели использования предлога "sur":

<i>sortir <u>sur</u> l'Internet</i>	- выйти <u>в</u> Интернет
<i>céder <u>sur</u> ce point</i>	- уступить <u>в</u> этом вопросе
<i><u>sur</u> ce plan-là</i>	- <u>в</u> этом плане
<i>des doutes <u>sur</u> sa sincérité</i>	- сомнения <u>в</u> его искренности
<i>j'habite à Bourges, mais je travaille <u>sur</u> Lyon</i>	- я живу в Бурж, а работаю <u>в</u> Лионе
<i>il se dirige <u>sur</u> Paris</i>	- он направляется <u>в</u> Париж
<i>sa chambre donne <u>sur</u> le jardin</i>	- его (ее) комната выходит <u>в</u> сад
<i>mettre, coucher, inscrire, lire, etc, <u>sur</u> un registre</i>	- записать, вписать <u>в</u> журнал (прочитать в журнале)
<i>être (demeurer, se trouver, tomber) d'accord <u>sur</u> qqch</i>	- быть согласным, договориться прийти к соглашению <u>в</u> чем-л.
<i>ne pas tirer <u>sur</u> le pianiste</i>	- не стрелять <u>в</u> пианиста (перен. быть жестоким, проявить снисходительность)
<i>embrasser <u>sur</u> la bouche</i>	- целовать <u>в</u> губы

Как видим, во всех случаях предлог "sur" переводится предлогом "в", но изучающему французский язык как иностранный бывает трудно употребить предлог "sur" при переводе фраз данного типа с русского языка на французский. Вот типичные неточности в употреблении предлогов: 'sortir dans l'Internet', 'céder dans cette question', 'dans le plan', 'des doutes dans sa sincérité', 'sa chambre donne au jardin', 'mettre, coucher, inscrire, lire, etc, dans un registre', 'être d'accord dans qqch', 'tirer au pianiste', 'embrasser à la bouche' etc.

Несомненно, что данный способ употребления французских предлогов связан с перенесением опыта родного языка на изучаемый, что в лингвистике обозначается термином "интерференция". Вместе с тем, национальные языки членят экстралингвистическую реальность по-разному и активным образом воздействуют на метод постижения последней представителями каждой из этнокультурных групп.

С точки зрения структурно-семантических признаков, эти неточности употребления обусловлены несовпадением *топологических характеристик концептуального поля* данных предлогов в русском и французском языках. Иными словами, несоответствием их ядерной и периферийной зон.

Предлог "в", как указывалось выше, имеет спонсорский семантический признак 'внутри (предмет, место, пространство, внутрь или в пределы которого направлено действие)', для которого существенными являются границы объекта, так что ядром здесь являются ситуации нахождения внутри замкнутого пространства. Спонсорский признак втягивает в категорию дополнительные элементы: 'действие через что-л', 'превращение в результате действия', 'ради, в качестве, в виде', 'сходство', 'количественные признаки', 'момент, срок совершения чего-л' и т.д. Каждый дополнительный признак тем не менее находится под воздействием спонсорского семантического признака 'внутри'.

Французский предлог "sur" имеет спонсорский признак 'сверху, на' (ядерные ситуации, связанные с нахождением поверх определенного пространства) и периферийные признаки: 'на - действие и место, куда оно направлено', 'около - временные отношения', 'по - действие и его условие', 'в, к, о - речь или мысль и ее содержание' и пр., которые также находятся под влиянием ядерного признака.

Как видим, некоторые периферийные признаки французского предлога совпадают с ядерным признаком русского предлога ('в, к - речь или мысль и ее содержание'), но "топологические схемы" (Langacker 1982, Faucoupiet 1985) не совпадают, что и является одной из причин неточности

употребления предлогов у изучающих французский язык. Следует отметить, что французский предлог менее дифференцирован в плане передачи пространственных и временных отношений.

С точки зрения ядерного признака ближе всего к русскому предлогу “à” находятся предлоги “à”, и “dans”. Это дополнительная причина и неправильного использования в приведенных типах фраз.

Говоря о топологических схемах употребления предлогов, сравним их проекционные возможности в изображении действительности. Во фразе типа: *sortir, naviguer sur l'Internet* (букв. выйти, путешествовать на Интернетe) предлог “sur” актуализирует периферийный семантический признак ‘действие и место, куда оно направлено’.

Характерно, что на профессиональном жаргоне программистов компьютер называют, по-французски *bécane* - (букв. велосипед, мопед, мотоцикл), а по-русски - “железка”. В основу наименований положены разные признаки предмета: у французов - то, *на чем* можно ездить, путешествовать, у русских - материал или *что-то* бездушное.

Таким образом, для французов Интернет (компьютер) есть инструмент или возможность бегства (*évasion*) из каждодневной реальности, а для русских - реальность, которая представляет собой замкнутое пространство с ограниченным доступом, в которое надо проникнуть с целью его освоения и дальнейшего овладения (у хакеров взлома).

Для выявления семантических ролей и образов рассматриваемых предлогов в “народно-лингвистическом употреблении” (Демьянков 2000, 197) сопоставим их с точки зрения функционирования внутренней формы в конструкциях со словом “язык”:

- инструментальная конструкция (язык-инструмент): говорить на русским, французским языком;

- специальная наречная конструкция: говорить по-русски - ‘*parler en le russe*’ (такая конструкция недопустима во французском языке);

- двухмерный локатив (язык-сцена) с предлогом типа русского **на** (**на** французском языке); во французском языке употребляется предлог **en** (**en français, en russe**), конструкция '**sur le français**' не возможна;

- трехмерный локатив с гипотетическим русским предлогом **в**: *Tout était en français, mais elle savait qu'il écrivait dans cette langue*. По-русски такая конструкция невозможна, так как она используется в указании на роль языка как хранилища: во французском языке существуют артикли.

- объектная конструкция (без предлога), допустимая во французском языке, но не используемая в русском (*parler plusieurs langues* - говорить **на** многих языках).

Как видим, синтаксические конструкции и соотношения между ними рознятся в двух языках. Иначе говоря, семантические и синтаксические роли рассматриваемых предлогов различны, что связано с "семантикой" образов в системе тематического и образного строя топологических конструктов каждого языка.

Национальные особенности употребления индексиалов прослеживается в стратегии так называемой "дейктической проекции" (Lyons 1978, 579). Суть данного способа интерпретации состоит в том, что дейктический элемент якобы ориентирован на говорящего как на точку отсчета, а функционально предназначен для реципиента (читающего или слушающего). Реализация дейктической проекции прослеживается в лозунгах, объявлениях, плакатах, рекламных слоганах: *Здесь не курят - Défense de fumer*; *Берегись автомобиля - Sortie des véhicules*; *Осторожно, окрашено - Peinture fraîche etc.*

С данной точки зрения, в приведенных высказываниях могут быть выделены следующие этнокультурные составляющие. Русские высказывания в большинстве своем прямо ориентированы на адресата, актантом выступает "виртуальный говорящий". Запретительную функцию выполняет глагол. Пространственные отношения адресант-реципиент сужены.

Во французских высказываниях адресат как правило отсутствует, актанта как такового нет, коммуникативная дистанция безгранична. Запретительная функция подразумевается в основном наличием предупредительной надписи. Констатирующий характер фраз предоставляет реципиенту альтернативу исполнения директивы.

Итак, рассматривая функционирование дейктических элементов в русском и французском языках, можно отметить следующие особенности:

а) большие субституционные возможности французского местоимения *je*, по сравнению с русским местоимением *я*;

б) избыточное употребление местоимений в функции имени во французском языке;

в) “неустрашимость” лица во французском и необязательность его употребления в русском языке;

г) в рамках дейктической проекции *вовлеченность* адресата в пространство коммуникации для русского языка, *отстраненность* адресата для французского.

д) несовпадение топологических схем употребления пространственных предлогов и их семантических ролей.

е) различие возможностей интерпретации временных предлогов.

Соотнесение высказываний с реальностью можно проследить и в “языковых играх”, которые в качестве “форм жизни” (Витгенштейн 1994) имеют национальные особенности вербализации. Термин “языковая игра” подчеркивает тот факт, что говорение есть компонент деятельности, речевой акт: исполнение, описание, размышление, предоставление информации и пр.

Исследование любого вида языкового поведения начинается с лингвистического анализа составляющих высказывание языковых единиц.

1.5. ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ЭТНОЭЙДЕМ.

Как отмечалось во введении, этноэйдемами называют культурно-закрепленные *лейтмотивы* суждений, реакций и поступков в отношении различных предметов и явлений окружающего мира, на основе которых у представителей определенного этноса возникают стабильные устойчивые ассоциации. К этноэйдемам относятся специфические для каждой нации *способы обозначения* экстралингвистической реальности (цвета, звука, вкуса), фразеологические и идиоматические выражения, пословицы, этикетный коммуникативный комплекс, формы невербального общения, поведенческие стереотипы и пр.

Рассмотрим национально-культурные особенности цветообозначения. По мнению В.Г. Гака: "Даже такое объективное, общее для всех людей ощущение, как цвет, в разных языках отражается по-разному, наименования красок составляют в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают *показательные расхождения*" (Гак 1977, 198).

По своей природе понятие цвета лежит на *границе* фоновых и собственно языковых знаний, что дает возможность исследовать цветообозначения с привлечением этнографических, этнокультурных и социолингвистических факторов. Цветовые восприятия в меньшей степени индивидуально обусловлены, чем это обычно представляется на первый взгляд. Здесь мощный, веками формировавшийся *диктат национально обусловленной цветовой символики* и вместе с тем - независимо от национальности человека - биологически обусловленные общечеловеческие цветовые предпочтения.

Национально-культурная специфика употребления цветообозначений находит отражение во фразеологических оборотах, которые, будучи *квинтэссенцией* народной мудрости, фиксируют стереотипы мышления, результаты накопленного культурно-языковой общностью

коммуникативного опыта (Колтавская 1999, 44). Особенности цветовой символики берут начало в культурно-исторических традициях нации, в ее мифологии и религиозных представлениях.

Мы считаем, что все значения слов (кроме прямого, указывающего на цвет и не требующего участия образного аппарата мышления, когда значение языковой единицы механически соотносится с конкретным цветом) при употреблении в составе фразеологизмов ассоциативно связываются в сознании говорящего с представлением об определенном цвете на уровне архетипа. Иными словами, носитель языка, используя в речи "цветовые" идиоматические выражения, ясно представляет о чем идет речь, но сема цветообозначения активизируется *параллельно* с актуализацией семантико-смысловой структуры высказывания. Национально обусловленная формула **цвет-значение** продуктивно функционирует в языковом поведении этноса и непосредственно связана с его культурным симболярием.

Итак, к русским доминантным цветовым этноэйдемам относятся "красный", "черный", "белый", "голубой" (отчасти "синий"), к французским - *bleu, blanc, rouge* (синий, белый, красный). Проанализируем их функционирование в идиоматике двух языков.

Фразеология русской цветовой символики отражает следующие особенности:

КРАСНЫЙ:

отвага (на миру и смерть красна);

государственная служба (под красную шапку);

остроумие (красное словцо, красноречие);

праздник (красная горка);

наивысшая ценность (красная цена, красный зверь, красная дичь);

красота, гостеприимство (красна девица, не красна изба углами, а красна пирогами);

высший предел (красное каление);

основная идея (красной нитью проходить);
огонь (красный петух);
почет (красный угол, красное крыльцо);
советскость (красное знамя, красная доска, красный уголок).

По мнению Н.М. Шанского, в свободном употреблении, слово “красный” имеет сейчас только одно - цветовое значение, которое, напомню, является исконным и собственно русским, возникшим уже в эпоху раздельного существования восточно-славянских языков. Что же касается его фразеологически связанного употребления, то здесь мы наблюдаем целую гамму значений: 1) “красный”, 2) “красивый, хороший”, 3) “почетный”, 4) “революционный, связанный с советским строем”, 5) “ясный, светлый” и др. (Шанский 1985, 228-229).

Следует отметить, что красный цвет несет в себе не только указанные выше значения, но и согласно русским поговоркам имеет дополнительный смысл глупый, полоумный (дикий): “В красной шапке узнаешь дурака”, “Рад дурак красному”, “Всякий дурак любит красненькое”, “Рад, как дурак красной шапке”.

ЧЕРНЫЙ:

вульгарность (черные слова);
сглаз (черный глаз);
воздержание, суровое обращение (черное духовенство, держать в черном теле);
мрачное настроение (черная меланхолия);
болезнь (черная смерть, черная немочь);
тайная деятельность (черная биржа, черный рынок, черный нал);
колдовство (черная магия, черная кошка);
ясность (черным по белому);
незнатность происхождения (черная кость);
необеспеченность (черная изба, черная баня);

неудачное стечение обстоятельств (черная полоса);
неизвестность, таинственность (черный ящик, черная дыра);
опасность (черный человек).

БЕЛЫЙ:

исключительность (белая ворона, белое духовенство, белая изба, белая кость);
болезнь (белая горячка);
неисследованность (белые места, белые пятна);
неумело скрытое (шито белыми нитками);
мир, земля (белый свет);
нерифмованные стихи (белые стихи);
дневное время (среди бела дня);
бесконечное повторение (сказка про белого бычка);
исступление (довести до белого каления);
снег (белые мухи).

ГОЛУБОЙ (СИНИЙ):

аристократизм (голубая кровь);
болезненность (синева под глазами, синяки - алкоголики или наркоманы);
недостигаемость (голубая мечта);
близость, навязчивость (синь порошок в глазу).

Надо сказать, что несмотря на достаточно ограниченный круг идиом с компонентом "синий" (голубой), данный цвет занимает в сознании русского заметное место - это цвет мечтательного, созерцательного настроения романтически манящих просторов вселенной, что вообще является специфической чертой русского характера. Так Ф.М. Достоевский писал о "задумчивых" созерцателях лазурных небесных далей: "Впечатления же эти ему дороги, и он, наверно, их копит, (...) зачем, конечно, тоже не знает, может, вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в

Иерусалим, скитаться и спасаться, а может, и село родное спалит, а может быть, случится и то и другое вместе. Созерцателей в народе довольно” (Достоевский *Братья Карамазовы*).

Вспомним “цветные” стихи С. Есенина, где синий цвет имеет особую значимость:

Воздух прозрачный и синий.

Выйду в цветочные чащи.

Путник, в лазурь уходящий,

Ты не дойдешь до пустыни.

Воздух прозрачный и синий (*Персидские мотивы*)

В живописной эстетике Марка Шагала очень важным цветом выступает “синий” (синий цвет для него - голубые цветы родных полей и голубое небо). В стихотворении А. Вознесенского “Васильки Шагала” создается в основном сине-голубой васильковый колорит: *Но его синий не знает соперников; Их витражей голубые зазубрины; Непобедимо синий завет; Ах, Марк Захарович, Марк Захарович, Все васильки, все васильки.*

Интересно, что в дальних деревнях старые люди могут смешивать “синий” и “черный”. Для них “синий” - это блестящий черный, черный цвет с блеском. Иными словами “синий” не цвет, а степень яркости темного цвета (все равно какого). Отсюда “сизый ворон”, “синее море”, “синица”.

По поводу других цветов - оранжевый и фиолетовый довольно поздно попали в русский язык (Колесов 1982, 29).

К французским этноэйдемам, как указывалось выше, относят *bleu, blanc, rouge*. Французская фразеология говорит о следующих особенностях данных цветов:

BLEU - синий:

романтическая мечта, грезы, сентиментальность (*voyager [nager] dans le bleu, cultiver la petite fleur bleue, être très fleur bleue*);

наивность (*voir tout en bleu, contes bleus, bibliothèque bleue, n'y voir que du bleu*);
естественность (*naturel comme le bleu du ciel*);
чрезмерность чувств (*colère bleue, envie bleue, peur bleue*);
неопытность (*brimer les bleus, n'être plus un bleu*);
льготы, преимущество (*zone bleue, période bleue, carte bleue*);
элитарность (*cordon-bleu*);
недосягаемость (*oiseau bleu*);
забвение, сокрытие (*passer au bleu, faire la bleue*);
педантичность (*bas-bleu*);
море (*col bleu, houille bleue*);
вино, сыр (*gros bleu, truite au bleu, bleu d'Auvergne, bleu de Bresse*);
ругательство (*nom de bleu, corbleu, morbleu, parbleu, palsambleu, sacrebleu, ventrebleu*).

BLANC - белый:

неопытность, неведение (*blanc-bec*);
известность (*connu comme le loup blanc*);
чрезмерность (*ivresse blanche, blanc de peur, colère*);
невинность, чистота (*être blanc comme un cygne, comme la neige, page, copie blanche, salle blanche, âme toute blanche*);
несоответствие последствий, слабость признака (*examen blanc, mariage blanc, nuit blanche, voix blanche*);
болезненность, незагорелость (*être blanc, blanc comme un cache d'aspirine, être blanc comme un linge*);
пустота, холостое действие, неудача (*tirer à blanc, saigner à blanc, chèque en blanc, faire chou blanc, voter blanc, élection blanche*);
наркотики (*fée, dame blanche*);
смерть (*blanc comme un mort*).

ROUGE - красный:

изысканность (*talon rouge*);

стыд, смущение (*rougir comme un coq, une écrevisse, un coquelicot, une tomate, être rouge jusque derrière les oreilles*);

недоступность (*être sur la liste rouge*);

опасность (*être dans le rouge*);

обращение внимания (*marquer à l'encre rouge*);

свежесть, здоровье (*rouge comme un chérubin*);

черезмерность, высший предел (*pousser au rouge*);

ярость (*se fâcher tout rouge, voir rouge*).

NOIR - черный:

смерть (*le noir traget, onde noir, prendre le noir*);

опасность (*point noir*);

ненависть (*bête noire*);

невезение, провал (*billet noir, boule noire, four noir*);

непогода (*froid noir*);

чрезмерность неприятного чувства (*peur noire, chagrin noir, colère noire*);

колдовство (*messe noire, magie noire*);

меланхолия (*idées noires, papillons noirs, mélancolie noire*);

мрачность (*faire un tableau noir*);

злость, гнусность (*âme noire, regard noir, noire ingratitude*);

опьянение, наркотик (*être noir, le noir*);

тайная деятельность (*marché noir, travail au noir*);

ясность (*noir sur blanc*).

Примечательно, что популярность первых трех цветов отражается в выражении **En bleu, blanc, rouge** (Всех цветов, любого цвета): "*Je me tombe deux beautés athéniennes en moins d'une plombe et voila qu'elles s'appellent toutes deux Alexandra. Y a de quoi se la faire peindre en bleu, blanc, rouge*"

[...]” (San-Antonio, *Salut, mon pope!*). Сборную команду Франции по футболу называют *Les Bleus* - букв. ‘синие’, по цвету футболок команды. В 1998 году французы стали чемпионами мира по футболу, что несомненно способствовало устойчивому положению синего цвета в картине мира, отражаемой во французском языке.

Как видим, цветовая палитра этноэйдем в русском и французском языковом сознании в общих чертах совпадает, но их семантическое поле, лексический и коннотативный фон структурированы по-разному.

1. Для русской языковой картины мира красный цвет представляется ключевым, так как является носителем ярко выраженных национально-культурных коннотаций: отвага; остроумие; праздник; наивысшая ценность; красота, гостеприимство; почет; советскость. Для французской национальной парадигмы ключевым очевидно будут синий и белый цвета, включающие в свой коннотативный фон характерные национальные концепты: льготы, преимущество; элитарность; недостижимость; неопытность; вино, сыр; забвение, сокрытие; педантичность; ругательство.

2. На современном этапе в ассоциативно-образном ключе синий цвет для русских близок к голубому, а исторически к черному. У французов отсутствует лексическая дифференциация “синий/ голубой”, цвета различаются лишь на уровне эпитетов.

3. Черный цвет имеет примерно одинаковый коннотативный ассоциативный фон в двух языках, что выражается в наличии общих обозначаемых: смерть (болезнь); опасность; меланхолия (мрачность); чрезмерность неприятного чувства; тайная деятельность (неизвестность, таинственность, сглаз); колдовство; неудачное стечение обстоятельств (невезение, провал); вульгарность (гнусность, злость, ненависть); опасность; ясность.

Вместе с тем, во французском употреблении отсутствуют: воздержание, суровое обращение; незнатность происхождения; необеспеченность.

4. Белый цвет совпадает лишь частично: иступление - чрезмерность; неумело скрытое - неопытность; болезнь - болезненность, незагорелость.

Частота употребления обозначений цвета в двух языках также различается, в русском отмечается последовательность: **белый - красный - черный - зеленый - синий - желтый**; во французском: **noir - blanc - rouge - vert - bleu - jaune** (Гак 1977, 193).

Данная статистика отражает символическую роль наиболее часто употребляемых наименований и иллюстрирует с дополнительной стороны национальный тип отношения к определенным цветам. У русских *белый цвет* - источник божественного чуда, цвет чистоты и бессмертия (Маковский 1996, 83; Колесов 1982, 31), у французов *черный цвет* - (кроме совпадающего с русским цветом траура) символ мудрости, наук, осторожности. *Зеленый цвет* у французов - цвет чести, вежливости, уважения, надежды, жизненной силы, радости. Для русских *зеленый цвет* символизирует одновременно и болезнь, и жизненную силу, незрелость и дьявольскую силу.

Национально-культурную информацию в речевом акте могут также нести жесты, позы, мимика, движения тела, выражения лица, то есть соматический язык. Нередко участники коммуникации выражают свои мысли только неречевыми сигналами, когда последние берут на себя лингвистические функции.

На уровне так называемых *описательных жестов* невербальный язык можно считать универсальным (зажигание спички, курение сигареты, стрижка, бритье и пр.). Такие жесты основаны на имитации и не требуют знания языка собеседника. Тем не менее, если жест и его значение не совпадают по зрительному образу, то адекватное общение нарушается. Такие жесты передают значение *проективно*, в соответствии с готовыми,

усвоенными с детства соматическими моделями. В этом случае можно говорить о жестовой коммуникации как национально-культурном феномене.

Итак, невербальное повседневное поведение имеет яркую национальную специфику, при этом кинемы "находятся в теснейшей связи вербальными единицами и, можно полагать, также системны" (Формановская 1982, 107). Паралингвистические единицы (фонационно-артикуляторные, просодические, кинетические) не имеют грамматической функции, относятся, как правило, к ситуации в целом, выполняя роль смысловой поддержки. Следует однако отметить, что "паралингвистика не есть привесок или остаток, вычитаемый из языковой системы, т.е. та коммуникативная подсистема, которая дополняет функцию вербальной коммуникативной системы" (Колшанский 1975, 215). Интерпретация вербальной невербальной информации образует сложное единство, функционирующее в русле лингвистической и общей моделей поведения.

Жестовый язык французов отличается большим разнообразием вариативностью. Французы более подвижны во время разговора жестикация и мимика очень активны. Русские менее экспансивны в процессе общения, жесты более скуны. Нельзя не отметить идентичность некоторых русских и французских жестов: удивленное пожимание плеч, утвердительное и отрицательное покачивание головы, многократное постукивание пальцем по лбу в значении "он(а) не в своем уме" и пр.

Вместе с тем существуют компоненты невербального алфавита русских и французов, в которых отражаются идиоэтнические особенности общения и выявляются элементы рассматриваемых в данной работе тенденций языкового поведения.

Например, дихотомию *соборность/ партикулярность* можно обнаружить в жесте подсчета на пальцах. Как известно, русские считают, загибая пальцы (начинают с мизинца), а французы - разгибая (начинают с большого пальца). В результате у русских пальцы сжимаются в кулак, а

французов растопыриваются. Символически этот жест подчеркивает, у русских, коллективное начало, у французов - индивидуальное.

Тенденции *прямые средства/ косвенные средства* проявляются, например, в более частом использовании вербального языка для выражения запрета у русских, французы же часто опускают правую руку вниз, чуть согнув ее в локте, и вытянутым указательным пальцем энергично размахивают из стороны в сторону.

Наиболее ярко проявляются национально-культурные черты поведения в так называемых безэквивалентных способах передачи коммуникативной информации. Безэквивалентными мы называем такие жесты, которые, будучи использованными представителями одной нации в неизменном виде в интеркоммуникативном процессе, являются репрезентативно непригодными для данного случая.

Так, в русском жестовом алфавите есть элементы, не имеющие аналогов во французском, и наоборот. Подобные жесты прозрачны для представителей одной нации и непонятны для другой. Речь здесь идет о смысловых лакунах или коммуникативных загадках.

Приведем некоторые русские безэквивалентные жесты:

1. Четыре пальца правой руки прижаты к ладони, большой палец поднят вверх (рука согнута и вытянута вперед). Значение: "Хорошо! Отлично!" (Французы используют подобный жест, путешествуя автостопом, аберрантный жест для француза).

2. Пожимание плечами или постукивание пальцами по столу. Значение: "Надоело! И когда он(а) закончит наконец" (Лакуна, французы в подобной ситуации используют жест номер один французского безэквивалентного жестового алфавита).

3. Тройной плевков (имитация плевка) через левое плечо как оберег от глаза (Абсолютная лакуна для француза).

4. Щелчок (поглаживание) по нижней части щеки (ближе к горлу) указательным (средним) пальцем в качестве приглашения к потреблению спиртного или в значении “он(а) пьян(а)” (Абсолютная лакуна).

5. Большой палец между указательным и средним пальцами правой руки (превосходная степень, так называемый четверной кукиш на двух руках). Значение: “Накося, выкуси!” (Абсолютная лакуна).

Рассмотрим элементы французского безэквивалентного жестового алфавита:

1. Тыльной стороной кисти руки (обычно правой) проводят несколько раз на уровне шеи от уха к подбородку и обратно. Жест используется скрытно от того, кому он адресован. Значение: “Надоел (достал) со своими разговорами” (Для русского аберрантный жест, похож на жест номер четы французского соматического алфавита).

2. Обеими руками почесывают бока возле ребер. Значение: “Очень смешно” (Аберрантный жест, у русских подобный жест может означать момент удовольствия от ожидания чего-либо приятного или удовлетворения от сделанного).

3. Кончик большого пальца помещают под верхние зубы, на лице изображается страх (слегка приседая). Два значения (как правило в студенческой среде): а) “экзамен не сдан, ноль полнейший”; б) “собеседник полный тормоз (некомпетентен)” (Абсолютная лакуна).

4. Правой ладонью слегка обхватывают нос (или имитируют это движение), слегка заламывая его влево. Значение: а) “он(а) очень пьян(а)”; обозначает сам процесс питья или приглашение к нему (Абсолютная лакуна).

5. Выпрямленным указательным пальцем правой руки энергично помахивают из стороны в сторону (правая рука опущена, чуть согнута в локте) - запрет (Абсолютная лакуна).

Аберрантными мы называем жесты, имеющие похожую (очень близкую) форму выражения и абсолютно различную семантическую

наполняемость. Такие жесты попросту сбивают с толку иноязычных участников коммуникативного процесса в силу своей национально-культурной специфики.

Приведенные выше *проективные* жесты могут быть рассмотрены как ключевые национальные этноэидемы двух этносов. В них выражены безэквивалентные способы передачи этнокультурной информации. Для передачи смысла приведенных безэквивалентных жестов представитель каждой нации использует средства в русле соответствующих тенденций коммуникативного поведения.

1.6. УНИФИКАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ

В современном русском языке наблюдается процесс выравнивания стилистических и жанровых характеристик речевого дискурса. Это проявляется в тенденции к широкой функционально-стилевой интеграции и ведет, как следствие, к относительной нивелировке использования языковых средств.

Речевое употребление *демократизируется* (Журавлев 1989), все больше ориентируясь на разговорность, литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной. Несмотря на резкий рост вариативности средств выражения, который, казалось бы должен разнообразить и индивидуализировать речь, “возникло примечательное явление -*агрессивная некомпетентность*, черпающая знания из масс-медиа, ныне крайне противоречивых, но безапелляционных в своем подчинении интересам сторон в междоусобной политической борьбе за власть” (Костомаров 1999, 43).

Унификация русских речевых стратегий проявляется, например, в отсутствии дополнительных объяснений жаргонизмов в газетных текстах, что говорит о “высокой” компетентности читателей в области блатной лексики. На страницах печати нередко можно встретить следующие образцы общепонятной и общеупотребительной лексики: *западло, общак, косить, кинуть, мент, гопстоп, бомбить хату, упакованная хата, пятыхатка, клепаная косуха, посадить на перо* и пр. (*Аргументы и факты* 1992, 49-50).

Свою лепту в нивелировку речи вносят телевидение и радио. В последнее время, ввиду дороговизны подписных изданий, для многих россиян телевидение и радио стали почти единственными источниками новостей и “говорить правильно” для многих означает “говорить как ведущий” (как по телевизору или радио). По мнению критиков, качество речи средств массовой информации катастрофически ухудшается, становясь в один ряд с площадно-разговорной “нормой”.

Так, говоря о речи популярного ведущего Дмитрия Диброва, журналист пишет: “(Разболтанный Дима) практически ни одного высказывания из трех длинноватых фраз не может закончить, не запутавшись в падежах, придаточных предложениях или хотя бы ударениях. Он говорит не просто плохо, а воинствующе плохо - утверждая свое (и легиона поклонников) право говорить именно так” (*Аргументы и факты* 1994, 22).

Свобода слова, как известно, предполагает свободу речезъявления. Говорящий как бы выбирает свою собственную норму, а на самом деле он подстраивается под вкус “толпы”, что ведет к трансформации стилей в некий суррогат стиля, к относительной универсализации речевых стратегий и редукации, иными словами, к сведению сложного к простому, упрощению и унификации дискурсных стандартов.

Современному французскому языку также присущи как процессы *семантической либерализации*, так и *морфологической унификации*, отмечаемые исследователями: “Стираются грани между частями речи, так что слова переходят из одного класса в другой без морфологическ

показателей, (...) одна и та же форма выступает в качестве личной глагольной формы, причастия, прилагательного без привычных рефлексий” (Гак 1999, 42). Вместе с тем, в разговорном дискурсе отмечаются ярко выраженные тенденции жанрово-стилистической дифференциации.

Как отмечает Ф. Вандель: “Французы не понимают друг друга. Тем не менее мы говорим на одном языке. В этом нет никакого парадокса, так как французский язык разделился на множество локальных, социальных или точнее “клановых” поднаречий, которые очень редко сопоставимы между собой” (Vandel 1993, 5).

Лингвосоциальная дифференциация зачастую приводит к чрезмерному кодированию речи, что требует дополнительной коммуникативной компетенции со стороны реципиента. Рассмотрим несколько типичных случаев дополнительного кодирования речи за счет употребления средств риторического умаления:

Из салонной беседы:

“Bon, c’est vrai, Sylvie est un peu ronde mais elle a un visage sympathique” (букв. ‘Да, это правда, Сильви немного поправилась, но лицо симпатичное’). На самом деле, первые подчеркнутые слова надо понимать как: “потолстела” даже “пожирнела”, а вторые - “ничего особенного”.

Фразы из газет:

Les problèmes de malnutrition (букв. ‘Проблемы недоедания’, на самом деле речь идет о голоде). *Les pays les plus démunis* (букв. ‘Самые необеспеченные’ страны, иными словами, бедные). *35 disparus dans l’accident de l’Airbus A320* (букв. ‘35 исчезнувших в катастрофе Аэробуса А320’ - погибшие, жертвы). *L’agresseur était un individu de type méditerranéen* (букв. ‘Нападающий был человеком средиземноморского типа’ - выходец из Северной Африки).

Из словаря представителей шоу бизнеса:

S’AMUSER (букв.) развлекаться - (реал.) иметь успех, зарабатывать деньги: “*Je m’amuse avant nous*” [Vanessa Paradis]; “*Mon métier, c’est de jouer.*”

Je m'amuse en le faisant" [Michael J. Fox]; "*Nous l'avons écrit exclusivement pour nous amuser*" [Thierry Lhermitte à propos du film *Les secrets du professeur Apfelglük*].

PROJETS (букв.) планы - (реал.) денежные поступления. Несколько вариантов ответа на вопрос - "*Alors, Bernard, des projets?*" (Итак, Bernard, твои планы):

UNE GRANDE TOURNEE (букв.) большое турне - (реал.) *Une tournée* (турне).

UNE TOURNEE (букв.) турне - (реал.) *Trois ou quatre concerts prévus* (три или четыре запланированных концерта).

TOP SECRET (букв.) совершенно секретно - (реал.) *J'attends toujours l'accord des financiers* (Пока жду согласия спонсоров).

PLEIN DE CHOSES (букв.) полно всего - (реал.) *Rien de précis* (Ничего конкретного).

J'AI ENVIE DE CHANGER DE REGISTRE (букв.) хочется сменить манеру, регистр - (реал.) *Je ne sais plus quoi faire pour que ça marche ...* (Не знаю, что и делать, чтобы дела пошли ...).

JE PREFERE NE PLUS EN PARLER (букв.) предпочитаю об этом больше не говорить - (реал.) *... des fois que tout le monde se rende compte que je déprime* (Так отвечают, когда все поняли, что я в депрессии ...).

Особым типом кодирования отличается речь представителей некоторых социальных групп, живущих, например, в парижском районе Сантье (Sentier): "Чтобы понимать говор Сантье, нужен чувствительный дешифратор. В сердце Парижа раскинулась широкая пестрая простыня, которая приютила кишаший муравейник рабочей силы со всего света: швейных машин и грузовичков; все здесь контролируется асами трэпа. Десять тысяч предприятий, они вкалывают. Пяньдесят тысяч служащих, они болтают" (Vandel 1993, 191).

Несколько типичных "зашифрованных" выражений из квартала

Сантье:

SYMPATHIQUE - якобы дешево. "Pour la jupe turquoise en cuir, Je t' fais un prix sympathique. Deux mille! Vraiment parce que c'est toi."

MANGER - тратить. "Lévy, il a coulé son affaire. Sa femme elle mangeait trop."

TOUCHER - покупать. "J'ai touché le Naf-Naf à moitié prix".

VICE - подвох. **faire du vice** - стараться облапошить, обвести вокруг пальца. "Arrête ton vice, David. J'suis dans le Sentier depuis plus longtemps que toi".

S'ECLATER - быть рентабельным, никогда не употребляется по отношению к человеку. "Purée, elle s'éclate bien la boutique."

Некоторые примеры из кодированной речи госуларственных деятелей:

"Le congrès du parti s'est bien déroulé malgré quelques fausses notes (букв. 'фальшивые ноты', реальн. - *difficultés malvenues* - несвоевременные трудности)".

"Dans les prochains mois (букв. 'в будущих месяцах', реальн. - *dans l'avenir, peut-être, jamais* - в будущем, может быть никогда), le gouvernement prendra des mesures d'encouragement (букв. стимулирующие меры, реальн. - почти несуществующие меры) *en faveur des jeunes agriculteurs*".

"Je suis à l'écoute de tous les Français! (букв. все французы, реальн. - мои избиратели)".

"Nous refusons un système de sécurité sociale à deux vitesses (букв. на двух скоростях, реальн. - для богатых и бедных)".

Примеры из лексикона спортсменов:

GARÇON - игрок. "Cantona, un garçon qui a fait ses preuves à Auxerre".

N.B.: Слово "garçon" никогда не обозначает мальчика (парня) из публики, ни арбитра на поле. Для указания на мальчика, подбирающего мячи, скажут "un jeune garçon". В случае с сыном того или иного игрока говорится, например: "le petit Jean-Baptiste (сын известного футболиста Папена)".

CAVIAR - исключительно точный пас. "*Oh, le beau caviar de Gull pour Van Basten*".

TOILE D'ARAIGNEE - воображаемая паутина в верхнем углу ворот, которую якобы срывает мяч, попавший в девятку. "*Formidable coup franc Pardo a décroché la toile d'araignée*".

Некоторые эфемистичные высказывания из уст футболистов и футбольных комментаторов:

LE FOOTBALL EST AVANT TOUT UN JEU - (букв. футбол это прежде всего игра) слишком много значат деньги в этой проклятой футбольной среде.

TOUJOURS PAS D'EAU A L'HOTEL - (букв. в гостинице так и не дали воду) на футбольном поле ничего не происходит (игра футболистов оставляет желать лучшего) и в стране, где идет матч, подыхают от скуки (из комментария Тьерри Ролана с мексиканского чемпионата мира 1986 года).

L'ARBITRE TUNISIEN, MUSTAPHA HALLAOUL, EST ELECTRICIEN AUTO DANS LE CIVIL - (букв. тунисский арбитр, Мустафа Халлауи, автомобильный электрик на гражданке) этот судья нулевой и я не люблю арабов. **N.B.:** в футболе нет профессиональных арбитров, все судьи даже самые лучшие, имеют свою профессию "на гражданке".

Представители французской интеллектуальной элиты также вносят свой вклад в дифференциацию языкового поведения. О непрозрачности речи французских интеллектуалов уже давно говорят и пишут: "Если раньше в России, как и в других странах, французский язык имел репутацию "языка ясности", то следует признать, что ситуация усложнилась за пятнадцатилетие, следующее за 1968 годом. Стиль французской интеллигенции 70-х годов трудный, витиеватый" (Серио 1999, 13).

Вот несколько образцов так называемой "интеллектуальной" речи французских литературных критиков:

"Les personnages d'Anita Brookner nous murmurent inlassablement de monologues intérieurs qui nous emprisonnent dans le clair-obscur d'un

hypersensibilité" [J.P. Amette, *le Point*, sur *Une amie d'Angleterre*]. - Персонажи Аниты Брукнер неустанно шепчут нам внутренние монологи, которые пленяют нас светотенью гиперчувствительности.

"Une voix brisée, qui quoi qu'elle dise, même de plus insignifiant, semble nous livrer des mots de passe, nous initier à des mystères" [Claude Mauriac, *Le Figaro*, sur *Les Plumes du pigeon*, de John Updike]. - Надтреснутый голос, который, чтобы он ни говорил, даже что-то самое незначительное, казалось давал нам пароль, приобщал нас к тайнам.

"La méticulosité hyperréaliste crée une épouvante plus grande que l'abstraction des diverses fins de partie beckettiennes" [Michel Polac, *L'Événement du jeudi*, sur *La Caverne*, de Evguéni Zamiatine]. - Реалистическая скрупулезность создает ощущение ужаса гораздо большее, чем абстракция беккетовских концовок.

Эти герметические высказывания ничего не говорят для непосвященного читателя, который уже не понимает даже того, что именно он не понимает. Несомненно, "туманный" язык критиков явление не чисто французское, но французские интеллектуалы считают себя законодателями, концептуальным авангардом современных гуманитарных исследований.

На уровне непосредственного (дескриптивного) значения приведенные выше слова и фразы обозначают как правило одно, а в функции высказывания - другое. Налицо существенные перемещения лексических массивов, семантические и стилистические сдвиги во французском языкотворчестве.

Как видим, современный французский дискурс отличается стремлением к дополнительному кодированию речи, что ведет к относительной семантической фальсификации языковых средств. Речь представителей различных социальных групп становится малопроницаемой для большинства представителей данного этноса. При этом, специфические лингвистические характеристики языкового поведения выполняют функцию

идентификаторов принадлежности к той или иной профессиональной политической, идеологической и пр. группам.

Рассмотренные в данном параграфе явления отражают профессиональные глобальных тенденций в развитии русского и французского дискурса. Несомненно, они не могут рассматриваться в качестве абсолютных национальных процессов, свойственных только отдельному этносу, так как стилистические унификация и дифференциация представляют собой универсальные явления. Вместе с тем, на современном этапе развития представленных разговорных дискурсов русскому языковому поведению в большей степени свойственна жанрово-стилевая унификация, французскому - дифференциация.

1.7. СОВРЕМЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

Как известно, риторические исследования имеют давнюю историю, и внимание к риторике в разные века было неравноценным. Становление последней как науки происходит в Древней Греции. В античный период - это нормативная дисциплина о правилах красноречия, задачах оратора и об элементах речи (**inventio, dispositio, elocutio, memoria, pronuntiatio - actio**).

Эпоха Возрождения и последующие периоды (маньеризм, барокко, классицизм) подхватывают и творчески развивают правила античного ораторского искусства. Романтизм отвергает риторiku как изживший себя канон, сдерживающий свободное творчество и к концу 19 века она находится в состоянии упадка. С 60-х годов двадцатого столетия риторика - одна из наиболее продуктивно развивающихся дисциплин филологического цикла.

На современном этапе развития гуманитарных наук приоритетным становится понятие "оптимальная коммуникативность" как эффективное речевое общение в различных социально значимых ситуациях.

(Сковородников 1997, 27). В новых условиях риторика выступает в качестве одного из важнейших инструментов национальной культуры, выявляя новые формы функционирования как стабилизирующая составляющая последней. В этом смысле риторический (речевой) идеал есть "система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившаяся в той или иной культуре и отражающая систему ее ценностей - эстетических и этических" (Михальская 1996, 379).

Национальный риторический идеал непосредственным образом связан с национальным характером, точнее с его идеальными представлениями об оптимальном типе собеседника. При этом, как отмечает академик Д.С.Лихачев, "следует различать национальный идеал и национальный характер. Идеал не всегда совпадает с действительностью, даже всегда не совпадает. Но национальный идеал тем не менее очень важен" (Лихачев 1981, 55). Таким образом, риторический идеал является ментальной конструкцией, функционирующей на уровне коллективного как сознательного, так и бессознательного, часто вне зависимости от социальных и индивидуально-психологических факторов.

Ясно, что, если рассматривать риторический идеал как образец для подражания, то как и любой идеал, риторический редко находит свое воплощение в реальном процессе коммуникации, о нем можно говорить лишь в терминах потенциальных поведенческих схем, которые можно назвать "модели ожидания". Данные модели могут быть построены в процессе исследования риторических предписаний и речевых употреблений.

Рассматриваемый концепт напрямую связан с понятием "культура речи", в которой также отражается национальный характер, традиции общения и поведения. Культура речи представляет собой реализацию комплекса коммуникативных качеств национального языка в условиях эффективной речевой деятельности в русле смысловых заданий и речевого потенциала текста. В задачи данной работы не входит изучение нормативных ограничений языковой системы. Вместе с тем, в процессе изучения

коммуникативного поведения нельзя не учитывать национальную специфику соблюдения / несоблюдения нормативных требований, актуальные тенденции в развитии нормы, модификации, смещении границ нормативных установок.

Важным элементом является осмысление типовых речевых закономерностей в их связи с внеязыковыми факторами, в частности, отношением каждой нации к определенным межличностным параметрам поведения. В этом плане сопоставим общие традиционные тенденции коммуникативного поведения русских и французов:

1. Отношение к норме.

Русскому претит строгое соблюдение законов и правил общения, допустимость нарушения норм речевого этикета достаточно устойчиво зафиксирована в коллективном сознании русских. Для французов такое отношение к этикету исключается, нарушение риторических норм межличностного общения делает коммуникацию затрудненной.

2. Отношение к свободе общения.

Для русского вполне допустима свобода в выборе языковых средств, смешению речевых стилей, вплоть до нецензурности в общении. В использовании средств национального языка француз этикетно несвободен, скован стилистическими рамками.

3. Отношение к искренности в разговоре.

Русский скорее искренен в общении и требует искренности от собеседника, неформальному общению отдается предпочтение, вплоть до "разговора по душам", выражения не переводимого на французский язык. Русский разговор по душам француз скорее поймет как "плакаться в жилетку". Для француза разговор это игра, в определенном смысле театр распределенными заранее ролями и сценарием, исключая отступление от "текста".

4. Отношение к индивидуальному статусу.

Девиз русского - "не выделяйся", "будь как все". Несмотря на все отступления от нормативного речевого поведения, русский все же остается в рамках общепринятых для большинства членов социума принципов сосуществования, одним из которых является принцип "будь проще и народ к тебе потянется". Индивидуализм французов общеизвестен, активное нежелание быть как все не становится препятствием для нормативного общения - риторическая нивелировка в выборе языковых средств не предполагает их деградацию.

5. Толерантность в процессе коммуникации.

Русский скорее конфликтен в общении, уважение чужой точки зрения как правило не входит в его коммуникативное задание. Француз, даже если не согласен с точкой зрения собеседника, проявляет терпимость (пусть даже формальную) и корректное отношение ко всем участникам коммуникации.

Перечисленные факторы являются, по нашему мнению, доминантными для представителей двух национальных сообществ. Это не означает, что всякий русский, например, "конфликтен" в общении, а каждый француз "толерантен". Речь идет о тенденциях в способах реализации риторического идеала как инструмента эффективной речевой деятельности.

Итак, в понятии "риторический идеал" нас интересует прежде всего *этнокультурный компонент* в купе с категорией *языкового вкуса* в аспекте национальных пристрастий речевого вкуса. Для определения основных параметров современного национального идеала, в нашем случае, русского и французского, необходимо учитывать специфические для каждого социума особенности традиционных логических схем аргументации, нравственных и эстетических норм коммуникации, включая специфику функционирования стилистических пластов.

Рассмотрим каждый компонент риторического идеала:

1. Языковой вкус.

Несмотря на то, что языковой вкус проявляется индивидуально, он отражает определенный этап эволюции общенационального языкового вкуса. На современном этапе русский языковой вкус отличается относительно небрежным отношением к национальному языку как таковому. Переосмысление многих понятий и модификация ценностных ориентиров часто приводят к тому, что целесообразность обладания хорошим вкусом ставится под сомнение. Можно сказать, что само понятие языкового вкуса деградирует.

Представляется, что коммуникативное поведение русскоязычного сообщества руководствуется принципом "чем хуже, тем лучше", иначе говоря, эффективное речевое взаимодействие достигается путем упрощения синтаксических конструкций, экономии в употреблении языкового материала, относительной нивелировки в использовании языковых средств.

Французские лингвисты также уже довольно давно говорят о кризисе французского языка, но, по нашему мнению, это явление традиционно присуще речевому узусу определенных социальных слоев: неимущим эмигрантам из бывших французских колоний, маргиналам, в некоторой мере интеллектуальной элите, но для последней это скорее эпатаж, стремление к герметизации языка, дабы не впустить в свой круг "непосвященных". Речь идет, в частности, о глобальном проникновении в разговорный дискурс просторечного элемента, что является общей тенденцией современного речевого употребления в большинстве индоевропейских языков. Однако функционирование современного французского языка отличается довольно жесткими стилистическими установками, связанными с социальным статусом коммуникантов. Общая ориентировка на высокие языковые образцы не вызывает сомнения, да и французский истеблишмент зорко следит за здоровым функционированием национального языка.

2. Логика аргументации.

Русская аргументационная модель исторически ориентируется на православный подход, проповедующий терпение и смирение, но ерничество и богохульство обладает тем не менее особой притягательной силой для русского народа. Это отнюдь не означает, что русский человек по природе своей аморален, но в насмешке над социальными и религиозными институтами таится стремление к “воле”, сокровенное желание освободиться от любого давления извне, жить по своим законам, “никому не под шапку”.

Русский национальный способ мышления скорее парадоксален, чем логичен. Очень часто он основывается на принципе: “круглое кантуем, квадратное катаем”, то есть, принцип поиска и даже создания трудностей для их последующего преодоления. Такой способ рассуждения скорее близок Сократу с его максимализмом в поисках истины и доказыванием глупости своих оппонентов. При этом, агностичность составляет одну из важных черт современного российского сознания. На бытийном уровне ценность получения знания уступает прагматической потребности материального результата и успеха.

Французы свободолюбивый и вместе с тем достаточно законопослушный народ, их аргументационная модель более жестко организована и подчиняется логическим схемам, завещанным Монтенем, Декартом и Паскалем. Основные принципы аргументации относятся к так называемой “практической философии”, иными словами, философии, которая не довольствуется лишь спекулятивными размышлениями, абстракциями и построением системы, но, напротив, стремится научить жить, размышлять над жизнью и действовать.

Тезисно национальный французский способ мышления можно предсказать в следующих формулировках: а) “*se moquer de la philosophie c'est vraiment philosopher*” (смеяться над философией есть лучший способ философствовать); б) “*bien juger pour bien faire*” (правильно судить, чтобы правильно поступать). Именно на этих принципах, по нашему мнению,

основывается французская философская традиция: почти все французские философы принадлежат к так называемым “моралистам”, и в этом смысле они являются продолжателями Эпикура, Пиррона и Зенона из Китиона. Иными словами, их не интересуют Платон и Аристотель, их занимают более поздние традиции эпикуреизма, скептицизма и стоицизма. Эти направления эллинской философии являются скорее школами “радости жизни” мудрости, нежели строгими философскими системами.

В бытийном мышлении французов присутствует тот же основной принцип - правильность человеческих поступков обусловлена наличием способности к правильности, непротиворечивости рассуждений, а выражение “*joie de vivre*” (радость жизни) репрезентирует ключевой концепт французской культуры.

3. Этика и эстетика норм коммуникации.

Этика общения современного русскоязычного сообщества основывается как правило на суггестивных принципах. Важно внушить собеседнику свой символ веры и волевою структурой собственного сообщения, вне зависимости от истинности последнего. Представителю русскоязычного сообщества важно вовлечь реципиента в решение своих проблем или, в крайнем случае, ввести его в сочувственное расположение духа. В речи как правило используются глаголы *алетической* и *деонтической* модальностей, регулирующие поведение в рамках следующих аксиом: необходимо, возможно/ невозможно; должно, разрешено/ запрещено. Например, в директивных актах речи превалирует глагол “мочь”, который передает большую степень объективности и меньшую зависимость от желаний субъекта речи.

Ясность изложения мысли как правило не входит в коммуникативное задание русских, важнее “напустить пыли в глаза”, “навешать лапши на уши”, а затем подчинить себе волю собеседника, при чем, делается это довольно активными способами. Например, деловые переговоры принято проводить во время застолья, в бане, в сопровождении большого количества

спиртных напитков. Главное - свести общение на уровень панибратских отношений. Следует отметить важный элемент коммуникативного поведения русских: ответственность за языковое действие не является главным приоритетом субъекта речи.

Французские этические и эстетические коммуникативные нормы связаны с тем, что Ницше называет "французская прозрачность" (Ницше 1990). Это понятие соотносится с упомянутой выше "практической философией", направленной на действие, иными словами, философии для нравственности, которая не принадлежит определенной философской системе, она является всеобщим достоянием. Французская прозрачность стиля из области этики в том смысле, что говорящий, ясно и прозрачно излагая, "рискует" быть понятым и, следовательно, быть подвергнутым критике и, в конечном счете, быть опровергнутым. Таким образом, с этической точки зрения ясность в выражении мысли представляет собой акт ответственности за языковой поступок, в большой степени свойственной представителям французской нации.

Эстетика французских норм общения соотносится с тем, что называют "обыденной истиной", близкой понятию "обыденного языка" Витгенштейна (Витгенштейн 1958). Функционирование национальных коммуникативных норм сводится к освоению непосредственного, очевидного знания путем прямого усмотрения, сознательно не обоснованного, не проверяемого и не оцениваемого субъектом речи. Французы, кажется, говорят нам: "Жизнь всегда права и нужно лишь уметь усвоить, *здесь и сейчас*, то, чему она нас учит и иметь смелость не забывать ее уроков". Коммуникативные нормы функционируют, в основном, в рамках *волитивной* модальности, иными словами, в более субъективном, зависящем от желания субъекта речи режиме. Так, для выражения просьбы или приказа чаще употребляется глагол "*vouloir*" - 'хотеть', имеющий более субъективный статус по сравнению с его русским структурным аналогом.

Представленные составляющие русского и французского идеалов не исчерпывают бесконечного разнообразия частных проявлений последних. Вместе с тем, в сжатом виде отражают общие тенденции функционирования соответствующих моделей коммуникативного поведения, выявленные лингвистических форм которых составляет одну из основных задач настоящей работы.

В конечном счете, рассматриваемые в данной главе национально-риторические идеалы в своей речевой проекции с необходимостью соотносятся с прагматикой речевых актов, так как все приведенные выше положения отражают соотношение языка как совокупности знаков и пользователей в условиях эффективной речевой коммуникации.

Таким образом, можно говорить о существовании *национально-прагматик* - русской и французской, особенности которых рассматриваются в следующей главе.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РУСКИХ И ФРАНЦУЗОВ

2.1. ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ, КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРХЕТИПЫ

Рассмотрение поведенческих характеристик сквозь призму языка представляет собой условное сведение всех типов значения в единую картину мира, фиксируемую национальным языком. Язык в данном случае выступает в качестве аналога человека в процессе речевой деятельности.

Речевая деятельность, как известно, строится главным образом на использовании готовых коммуникативных единиц: схем, шаблонов, клише и пр. Вместе с тем, дух творчества заложен в самой природе человеческого общения. С одной стороны, конвенциональность языка, с другой - органичность индивида. Данные качественные "субстанции" коррелируют именно благодаря онтологическим различиям, так как язык и человек вступают в реверсивные отношения "инструмент↔исполнитель".

Термин "языковое поведение" частично входит в понятийное поле термина "коммуникативное поведение", впервые использованного в работе И.А. Стернина (Стернин 1989, 279-282). Коммуникативное поведение описывает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, иными словами, реальную коммуникативную практику. Языковое поведение включает в себя не только описание и лингвистический анализ особенностей реального речевого общения, но и выяснение роли языковых структур в формировании языковой компетенции говорящего на национальном языке. Язык как виртуальная система

органически связана с его речевой реализацией. Термин "языковое поведение" позволяет объединить статическую и динамическую ипостаси языка.

Языковое поведение в значительной мере обусловлено конвенциональностью грамматических и лексических значений национального языка. Грамматические значения языковых единиц "членов мира при помощи грамматических категорий. Грамматическим значением лингвистике называют обязательно выраженное категориальное значение релевантное для данного языка, так как значения, являющиеся грамматическими в одном языке, могут не быть таковыми в другом языке (значение рода в прошедшем времени для русского языка: делал-делала-делало, нерелевантное для французского языка: *j'ai fait*).

Лексическое значение подвижнее грамматического, но оно не менее конвенционально, чем первое. Языковое поведение всегда направлено определенным понятийным полем и во многом зависит от степени разработанности концептуального аппарата национального языка. Содержание лексического состава языка в значительной степени формирует приоритеты восприятия действительности. Так, французский язык выделяет разновидности знания с помощью значений глаголов *connaître* и *savoir*, наталкивает носителя языка на двойной тип обобщения. Русский язык в этом плане не дифференцирует видовые эпистемологические различия с помощью лексического состава, имплицитно тем самым единый тип классификации.

Реализации любого речевого акта, таким образом, предшествует процесс категоризации в русле функционирования концептуальных (перцептивных) схем, то есть, "информации, несомой в равной степени визуальной и языковой модальностями" (Jackendoff 1983). Семантическая конвенциональность обусловлена концептуальными структурами национального языка, которые рассматриваются как *национальная карта мира, состоящая из системы ментальных концептов*.

Когда мы говорим о национальной картине мира, мы в сущности говорим об относительности языкового восприятия. Система значений естественного языка, в которой отражаются различные аспекты действительности, характеризуется "договорным" типом отношений с последней. Данная договорность имплицитна и не осознается носителем языка на бытийном уровне. Она может быть выделена только на рефлексивном уровне.

Соотнесенность с внеязыковой действительностью подчеркивает избирательность семантических структур, но сама по себе ссылка на внешний референт как каузальность семантики очевидно бездоказательна. Внешняя реальность выполняет служебную роль в процессе коммуникации. Факт присутствия того или иного предмета или явления в сфере деятельности одного этноса и их отсутствия в пространстве другого, отражается лишь на количественных характеристиках номинации. Природные условия, например, играют не последнюю роль в процессе формирования черт национального характера и особенностей коммуникативного поведения (суровые зимы России, мягкий климат Франции), вместе с тем, способы отражения первых в языке и речи могут быть рассмотрены как латентная языковая конвенция всех членов этнокультурного сообщества.

Языковая компетентность как культурогенная система правил вербального поведения человека формируется в русле реализации коммуникативных интенций. Потребность в вербализации не может существовать в отрыве от семантической парадигмы национального языка, которая актуализируется в речевых конструктах. Язык и речь не противопоставляются, а являют собой различные аспекты функционирования и, как следствие, способы интерпретации понятия "языковая личность".

Языковое поведение может также интерпретироваться как доязыковая готовность к коммуникации (Kristeva 1994). В этом смысле уместно говорить

о нижележащих языковых структурах, формирующих национально обусловленную типологию коммуникативного поведения.

Тенденции поведения, также как и ментальные представления связаны с определенными группами психических явлений, в той или иной мере присущих языковому сообществу, в значительной степени формируемых лексическими и грамматическими значениями данного языка.

В процессе коммуникации происходит согласование концептуальных схем, представляющих собой способ предметной организации информации на базе системы знаний, полученных индивидом в результате его взаимодействия со средой и с самим собой.

Абсолютное совпадение концептуальных схем невозможно по определению, так как субъективные смыслы полностью не накладываются один на другой. Адекватность коммуникации осуществляется в процессе преодоления субъективации в русле реализации национально поведенческих установок, которые воспринимаются языковым сознанием как несомненная реальность. Процесс общения можно представить как постоянное соотнесение коммуникативной информации с системой концептуальных и языковых категорий.

За рамками фиксированных (дефиниционных) значений обеспечивается выход смысла к обобщенным ментальным представлениям, которые направляются концептуальными структурами национального языка. Язык как "диссипативная система" (Пригожин, Стенгерс 1999) имеет свойство упорядочивать информацию в рамках заложенных поведенческих схем, именно благодаря конвенциональности языкового значения.

Языковое поведение, таким образом, осуществляется и интерпретируется в процессуальной семантике, возникающей на стыке этнической психологии и когнитивистики. Относительная устойчивость гомогенного семантического употребления языковых знаков достигается диалектическим взаимодействием психических и мыслительных инстанций.

ответственных за выживаемость национального сообщества. В этом смысле, перефразируя В. фон Гумбольдта, подчеркнем, что *язык есть и продукт деятельности и сама деятельность*.

Языковое мышление проецируется на языковую деятельность, которая связана через конвенциональность семантики с мифологическими установками каждого национально-культурного сообщества. Мифологизация является универсальным способом постижения, организации и категоризации действительности. Она охватывает все уровни социальной и индивидуальной практик. Миф есть *особое состояние сознания*, специфическая мыслительная парадигма, продуцирующая систему представлений индивида.

Вслед за Р. Бартом мы считаем, что миф - это "коммуникативная система, сообщение" (Барт 1994, 72). Иными словами, любое речевое произведение интерпретируется как мифологическая субстанция, наделенная этнокультурным кодом. Языковой знак анализируется с точки зрения его роли в реализации мифа, который рассматривается в качестве нижележащей структуры (этнострата) лингвистического знака как части концептообразующего ядра сообщения.

Мифы по определению консервативны, вместе с тем, они активно формируют национальное культурологическое поле коммуникации, в основе которого лежит специфическая шкала ценностей. Высказывания строятся с использованием национального языка, который сам является частью мифа, мифа об этнической принадлежности: *родина-мать, родная земля, малая родина, родная сторона; état-nation, mère-patrie etc.* Речь идет об основополагающих мифах, *неявно формирующих особые состояния сознания*, некий символический континуум, который, используя терминологию М.М.Бахтина, можно назвать этвокультурным хронотопом, способ существования которого реализуется на стыке сознательного и бессознательного, как коллективного так и индивидуального. За основу берется "единство психического поля группы, в котором вольно или

невольно, сознательно или бессознательно пребывает каждый индивидум
каждая область культуры” (Нойманн 1998, 160).

Между языком, культурой и личностью происходит постоянный
взаимообмен. Коллективный языковой конструкт, который функционирует
каждом члене этнокультурного сообщества, культурный канон
представляющий коллективное освоение группой ставших догмой
архетипических ценностей, и творческие представители нации вступают
диалектические отношения друг с другом.

Речь идет об особом виде мироощущения, творческом процессе
создания в воображении иллюзорной действительности, совпадающей
реальной лишь конвенционально. По мысли Ф. Ницше, язык состоит
исключительно из метафор и человек постоянно создает их, что является
основополагающим инстинктом человека, вместе с тем, последний
осознает метафорический характер языковой деятельности (Ницше 1990).

Миф и метафора неразделимы. Именно структура метафор
различается в картинах мира представителей разных этнокультурных групп.
Образная составляющая мифологического мышления национально окрашена
так как человеческие ощущения и восприятия не тождественны, и
осмысление и обобщение происходит в русле реализации семантических
эмоционально-ассоциативных рядов на основе конвенциональности
семантики лингвистического знака. Как отмечает М.М. Маковский, слово
это "семиотический знак, символ, семиотическая формула того или иного
мифопоэтического образа, который предстает перед нами только в слове".
Мир (или различные миры) представляются человеку через призму его
культуры, и, в частности, языка, являющегося неотъемлемым элементом
культуры” (Маковский 1996, 20.)

Аксиология и миф также взаимосвязаны. То, что для одной нации
существенно, для другой находится на периферии ценностных приоритетов.
Оценка является одной из важнейших лингвистических категорий

принимает непосредственное участие в организации языкового сообщения. Она национально окрашена и представляет собой часть этнокультурной прагматики.

Таким образом, решающую роль в мифологическом мышлении играют не признаки предмета, а его *семантика*. основополагающие мифы нации, в частности, русской и французской, отражаются в семантической структуре языкового материала и в его речевой реализации. Национальные мифы являются реализацией общечеловеческих "архетипов" (Юнг 1996). Универсальные архетипы преобразуются в культурный канон, установленный данным этносом и член этнокультурной общности адаптируется к нормальной жизни в этносе.

Так, архетипическое женско-мужское всепорождающее начало ("уроборическая мать") очевидно преломляется в коллективном бессознательном русских и французов следующим образом: для русского символического пространства ключевой является фигура Матери, тогда как для французского - фигура Отца.

Мать, которая вынашивает, вскармливает и защищает, представляет собой "комфортный" архетип. Символическое слияние с телом Матери, по Лакану, является первичной движущей силой человеческой психики (Лакан 1966). Основная функция матери - защита, стабилизация существования. Сфера действия этой инстанции - "*реальное*", которое находится по ту сторону всякой рациональности и никогда не может быть удовлетворено в качестве потребности. Эмоционально-волевые особенности данного архетипа в большей степени формируют коллективное бессознательное русских.

Отец в качестве *символической фигуры* порядка культуры выполняет регулирующую функцию. Через данную архетипическую инстанцию приобретаются *навыки* культурного существования, усваиваются национально обусловленные социальные законы. Отец выступает как символическая репрезентация относительно жесткого культурного канона,

неявное воздействие которого продолжается в течение всей жизни, особенно на ранней стадии развития ребенка, для которого внешняя физическая и внутренняя психические реальности нераздельны. Принудительная сила закона навязывает индивиду набор определенных социальных ролей. Значимость архетипа Отца как мужского рационального, упорядоченного начала представляется более весомой для французского коллективного бессознательного, нежели для русского.

Топосы национальной культуры формируют языкового субъекта, так как они связаны с языковой картиной мира как частью определенного культурного континуума. Можно предположить, что основные качественные характеристики данных архетипов актуализируются в тенденциях речевого узуса каждой нации.

2.2. ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ И ТИПЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Любой вид коммуникации представляет собой способ распределения коммуникативных силовых линий. Данное понятие включает в себя приоритетную коммуникативную позицию субъекта речи по отношению к целям коммуникации, отражающуюся в лингвистических структурах.

Участники речевого акта вступают в своеобразную языковую игру и подсознательно стремятся подчинить себе собеседника. В той или иной мере индивид самоутверждается за счет другого, и данный факт может рассматриваться как "атавизм" древнего инстинкта самосохранения. При этом акт коммуникации рассматривается как активный, творческий процесс его участников. Речевое высказывание представляет собой сложную

единство, декодирование которого обусловлено наличием как лингвистической, так и общей модели поведения.

Языковая личность являет собой точку пересечения этнокультурных кодов. Характер кодирования как элемент культуры и языка обуславливает главное направление во взаимоотношении последних. Ракурс кодирования высказываний на национальных языках формируется на базе надличностных этнокультурных установок. Ориентационные семиотические схемы построения высказывания активно участвуют в формировании национальной модели поведения.

Этнокультурные параметры языковых единиц могут быть выделены как на уровне языка, как системы, так и на уровне ее речевой реализации. Культурогенный аспект оказывает кардинальное воздействие на семантическое состояние языка, так как культура сама является особой семасиологической системой, вектором определенным образом структурированной информации.

Реализация национального речевого поведения интерпретируется в рамках определенной семиотической модели, построенной на базе синхронных семиотических рядов (концепт, парадигма мышления, стиль). Менталитет нации актуализируется в речи ее представителей при помощи специфических способов употребления языковых средств.

Язык - хранилище этнокультурных ценностей. С первых мгновений своей существования ребенок усваивает комплекс ценностных установок через языковой механизм, вертикальная ось которого предписывает ему свою логику восприятия, мышления, способов креации. При отсутствии подчинительного стержня определенной этнокультурной традиции, здание аффективного комплекса рушится, ценности модифицируются, и личностное восприятие частично или полностью выходит из-под глобального социокультурного контроля.

Обучение языку, а через него, приобщение к национальным ценностям происходит в рамках лингвистического континуума недискретного языкового пространства, воспринимаемого индивидом в готовом виде каждый день и в течение всей жизни. Важнейшую роль выполняют здесь подражательные механизмы человеческой психики, которые являются базовыми компонентами формирования личности.

Язык обладает уникальной конструктивной динамикой преобразования мыслительных операций с целью их упорядочивания. В этом смысле можно говорить о языковом воздействии на когнитивные процессы. Язык – не просто репрезентативная символическая система, но, прежде всего, способ получения и передачи коммуникативной информации, включающий в себя сложный комплекс отношений между адресантом и адресатом.

Распределение силовых линий коммуникации, вырабатываемые функционирующих в ментальном поле языка с момента рождения, связано с когнитивной деятельностью сознания и опосредовано в языковых структурах. Параметры мыслительных операций и категориальные схемы освоения действительности являются частью “тенотипа” этноса и различаются от языка к языку. Анализ языковых структур позволяет выявить определенную часть когнитивных компонентов перцептивного процесса. В данном случае языковой материал рассматривается в качестве экспоненты национального способа мышления.

Познавательные модели относительно статичны и частично реализуются в процессе коммуникации. Язык как виртуальная система фиксирует универсальные и идиоэтнические характеристики когниции. Речь в качестве актуализатора языкового потенциала осуществляет связь между когнитивными и перцептивными инстанциями.

Так, французские деривативные конструкции, характерные для разговорной речи и отсутствующие в русском языке, могут рассматриваться

как воплощение партикулярной методики освоения действительности и распределения силовых коммуникативных линий:

Que veux-tu que je te dise? - Ну, что тебе сказать?

Que voulez-vous que ça me fasse? - Какое мне до этого дело?

A qui veux-tu que je cause? - С кем же мне говорить?

De quoi veulent-ils que je parle? - О чем мне тогда разговаривать?

Под партикулярностью мышления понимается относительно высокий уровень субъективной ответственности за результат речевого акта, что передается модальным глаголом *vouloir* и употреблением местоимений, соотносящихся с адресатом сообщения (*tu, vous, ils*). Французский реципиент косвенно вовлекается в решение коммуникативного задания. С точки зрения целей коммуникации деривативные конструкции выполняют функцию риторического вопроса.

Индивидуальный статус французских синтаксических конструкций достаточно высок и теряется при функционально-стилистическом переводе на русский язык, уступая место так называемой алетической модальности высказывания, в меньшей степени зависящей от воли адресанта.

Таким образом, силовые коммуникативные оси рассмотренных французских высказываний в большей степени ориентированы на субъекта говорения и волитивные параметры реципиента сообщения, тогда как русские функциональные соответствия направляют силовые линии в сторону нарративной объективации. Первый способ концептуализации относится к *аргументативному* типу, второй - к *репродуктивному*.

Аргументативная концептуализация характеризуется большей степенью зависимости субъекта говорения от результата коммуникации, а репродуктивная концептуализация в определенной мере "освобождает" адресанта от данной зависимости.

В типологическом отношении процессы отбора лексических единиц и грамматических форм в значительной степени базируются на специфических для каждого языка способах концептуализации, которые могут быть отнесены к тому или иному этнокультурному типу, в частности, русскому и французскому.

В данной статье рассматриваются лишь два механизма когнитивного процесса, обусловленного ценностными приоритетами двух языковых сообществ. Количество когнитивных схем варьируется в зависимости от стадии развития, на которой находится тот или иной язык.

Процесс постижения человеком реальности связан *прототипическим* принципом формирования категорий, который реализуется представителями каждой национально-культурной общности как правило, в соответствии со специфическими, присущими конкретному этносу законами восприятия и категоризации. Прототипом считается наиболее *репрезентативная* единица, которая обладает максимальным количеством признаков, вокруг которой в порядке постепенного удаления располагаются остальные, менее типичные представители данной категории. Ядерные и периферийные элементы когнитивности распределяются в языковых структурах в зависимости от конфигурации коммуникативных линий, свойственных определенному типу концептуализации.

Национальные типы концептуализации могут быть обнаружены на всех уровнях порождения высказывания, задача состоит в разграничении универсальных и собственно семантических элементов функционирования языкового материала, которые являются частью этнокультурных способов членения действительности.

2.3. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Каждая нация обладает определенным набором психологических и поведенческих стереотипов, в той или иной мере присущих всем членам данного исторически сложившегося социума. Типология поведения обусловлена множеством факторов, из которых наиболее существенными нам представляются *культурогенные*, то есть связанные с национальными особенностями зарождения, становления и развития культуры конкретного этноса, с определенным укладом жизни. Под термином “культура” понимаются “формы и способы репрезентации, передачи и хранения информации, которая не может быть передана сугубо генетическим путем” (Бескова 1995, 76). Тем самым подчеркивается цементирующая интерсоциальная и психолого-коммуникативная роль культуры в обществе.

В психолого-коммуникативном аспекте данное понятие можно также определить как “комплекс знаний, представлений, образов, чувств и отношений, отражающих способы организации человеческой жизнедеятельности, которые представлены в артефактах, нормах, учреждениях, духовных ценностях и отношении людей к внешнему миру и к себе” (Григорьева 1999, 31). В этом смысле культурогенная информация есть *активная субстанция*, оказывающая организационное воздействие на структуру мышления индивида и социума в условиях их взаимодействия с окружающей средой и осмыслением своего места в мире (виртуальном/реальном).

Если рассматривать процесс общения как постоянное соотнесение коммуникативной информации с системой концептуальных и языковых категорий, то можно говорить о непосредственной связи между процессом восприятия и обозначением его языковыми средствами. Интериоризация информации или переход от восприятия к мышлению происходит посредством *категоризации*. Как отмечает В.А.Михайлов: “Категоризация

есть акт мышления, есть мысль, суждение о категоризируемом предмете мысли и акт принятия решения о его обозначении. (...) Категоризация — это определение образа предмета в формах системы знания, в формах накопленного в познании опыта, как процесс опознания опыта и его понятийного определения есть процесс обозначения предмета мысли в определенных условиях и с определенной целью” (Михайлов 1992, 98).

Ядерные формы знания различных этносов различны, несмотря на возможное частичное совпадение периферийных зон, и обусловлены определенной парадигмой мышления, системой когнитивных (перцептивных) структур, свойственных данному национально-культурному сообществу. В разных языках прототипическими могут являться разные представители какой-либо категории. Так, прототипический напиток для француза - вино, прототипический овощ, очевидно, - шпинат, тогда как для русского - водка и, соответственно, картофель. Представляется возможным составить следующую гипотетическую таблицу прототипических категорий рассматриваемых этносов:

категория	русский язык	французский язык
фрукт	яблоко	виноград
овощ	картофель	*шпинат
животное / птица	медведь	петух
мясо-молочный продукт	колбаса	сыр
алкогольный напиток	водка	вино
горячий напиток	чай	кофе
кондитерское изделие	пирожок	пирожное
хлебобулочное изделие	черный хлеб	белый хлеб
дерево	береза	каштан
растение (культовое)	верба	омела
цветок	ромашка	фиалка

Данная таблица ни в коей мере не претендует на исчерпывающее и абсолютно точное представление этнокультурных прототипов, она лишь в приближении иллюстрирует различный способ языкового (словесного) постижения реальности членами рассматриваемых социумов.

Русские и французы, также как представители любого этноса, осваивают действительность посредством не полностью сопоставимого словесного материала, обусловленного его национально-культурными особенностями. В этом плане нельзя не согласиться с мнением М.М. Маковского о том, что: "Слово - это семиотический знак, символ, семиотическая формула того или иного мифопоэтического образа, который предстает перед нами только в слове. Мир (или различные миры) представляются человеку через призму его культуры, и, в частности, языка, являющегося неотъемлемым элементом культуры" (Маковский 1996, 20). Человек постоянно погружен в определенные лингвистические формы и не может обойтись без этих искусственных посредников.

Использованный в приведенной таблице подход опирается на интуитивный опыт представителей двух этносов, закреплённый в языке. Культурогенный багаж позволяет носителям языка легко выделять прототипические значения и отличать их друг от друга, что проявляется в речевом поведении языковых единиц, в их дистрибутивных свойствах. Надо сказать, что прототип не выводится из факта частотности его употребления, а определяется исходя из своих репрезентативных свойств, обусловленных концептуально-топологической структурой мышления данного этноса, формирующейся в рамках взаимодействующих между собой лексико-семантической и грамматической систем национального языка.

Так, этноэдемическим жестом для русского при передаче фразеологизма "работы по горло" будет движение ладонью по горлу, француз проведет ладонью на уровне носа. Контекстуальными эквивалентами русского высказывания будут: "*jusqu'aux yeux*" (букв. по

глаза) или "*par-dessus la tête*" (букв. выше головы). В минуту суеверного страха русские плюют три раза через левое плечо (функция оберега от нечистой силы), французы скрепчивают средний и указательный пальцы, стараясь сделать это незаметно для посторонних.

В последнее время исследователи все чаще говорят о соотношении ментальности и культуры, о связи национальной парадигмы мышления с определенным укладом этнического сообщества. Утверждается, что культуры разных народов объединяются между собой единством человеческого мышления и расходятся благодаря различной методике, применяемой к этому единому мышлению (Жлоков 1998, 40). Особенности методики мышления нации формируются на протяжении длительного времени и обуславливаются единством территории, традиций, вероисповедания, судьбы и т.д. По мнению Е. Сепира, в каждом языковом коллективе "в ходе исторического развития в качестве типичного, в качестве нормального устанавливается какой-то *один образ мышления, особый тип реакции*" (Sapir 1949, 311) и такие специфические навыки мышления закрепляются в языке.

Проблемы взаимосвязи мышления и языка не раз привлекали внимание отечественных и зарубежных ученых (Потебня 1958; Соколов 1967; Jackendoff 1984; Вежбицкая 1999). Экспериментально доказано, что национальный язык является *базальным* компонентом мышления. Иная говоря, родной язык предоставляет его носителям определенный способ выражения мысли посредством конкретных языковых привычек.

Некоторые исследователи отмечают, что сознание человека, при употреблении, например, образных словосочетаний, "полностью свободно" от представлений, связанных с буквальным смыслом связанных высказываний (Чейф 1975). Вместе с тем национально-маркированные единицы в динамике их межпоколенного воспроизведения способствуют "формированию в процессах овладения и употребления языка культурной

самосознания как отдельной личности, так и культурно-национальной *идентичности народа* - носителя языка" (Телия 1999, 14). Так, русский, употребляя идиому "родиться в рубашке" (прекрасно понимая о чем идет речь), не совсем свободен от образа белья или верхней одежды, француз, используя выражение *être né coiffé*, остается "привязанным" к образному компоненту фразеологизма (букв. родиться причесанным), англичанин, говоря: "He was born with a silver spoon in his mouth" (букв. Он родился с серебрянной ложкой во рту), в известной мере, проецирует образную наполняемость идиомы в ее семантико-смысловую структуру.

Таким образом, языковые формы в силу наличия в их значении *этнокультурных следов* воздействуют на парадигму мышления носителей языка, побуждая их употреблять конкретные, национально обусловленные образные элементы. Представитель каждой национальности, желая в живописной форме сказать о ком-либо, что он родился удачливым (счастливым, везучим), использует знакомые ему образы, но отнюдь не образы, характерные для другой нации. Так, русский не скажет: "Он родился причесанным", француз - **Il est né avec la cuillère d'argent dans la bouche* (Он родился с серебрянной ложкой во рту), а англичанин - **He was born in the shirt* (Он родился в рубашке). В психологической культуре носителя языка, встроенной в целостное групповое национально-культурное поле, объективно существуют семантические связи слов, "закономерности ассоциирования которых играют существенную роль в системе факторов, обуславливающих психолингвистическое порождение конкретного речевого высказывания" (Горбунова 1997, 73).

Следует сказать о том, что исследователи экспериментально выявили ряд закономерностей *в использовании аппарата мышления* у представителей разных этнических групп. Так, были сопоставлены изображения, полученные в ходе позитронно-нейтронного сканирования мозга студентов, с рождения говорящих на английском и итальянском языках. Оказалось, что англичане и

итальянцы используют *различные участки мозга* для чтения текста на своем родном языке. У итальянцев работает преимущественно верхняя височная область, у англичан - левая лобная и нижняя височная области. Специалисты объясняют этот факт тем, что итальянцам гораздо легче, чем британцам, читать вслух, так как большинство слов и словосочетаний соответствуют определенным звукам, тогда как в английском языке надо сначала проанализировать слово для определения его значения, прежде чем это слово произнести (*Le Monde Scientifique, 24.12.99, RFI*). Эти данные позволяют говорить о важной роли национального языка в формировании определенного национального типа мышления у представителей разных этнокультурных групп.

Живя вместе, члены сообщества вырабатывают правила общности и придерживаются их в своем каждодневном существовании, что проявляется в сходстве быта и поведения. Черты сходства выявляются и в характере восприятия мира, в особенностях *реакций* на контакты с членами других этносов, в структуре ассоциативно-образного мышления, напрямую связанного с языком и речевым поведением. Так, одно и то же слово представителей разных культур может вызывать разные ассоциации. По данным исследователей, на слово-стимул "хлеб" у русских как правило возникает *слово-реакция* "соль", у французов - "вино", у американцев и немцев - "масло" и пр. Цветообозначения также демонстрируют этнопсихолингвистический характер реакций (речь идет о синтагматических реакциях, т.е. реакциях на слова, образующие словосочетания с данным цветообозначением). На слово "белый" у большинства русских наиболее частотной была реакция - "снег", у французов - "белье". На слово "желтый" у русских - "осенний лист" ("одуванчик"), украинцев - "подсолнух", белорусов - "песок", французов - "золото" и "яичный желток" (Залевский 1982).

С целью выявления типичной реакции представителей двух этносов на слова-стимулы (понятия-стимулы) нами было проведено анкетирование среди русских и французских информантов. Результаты опроса позволили выделить 10 наиболее важных слов и 10 слов, вызывающих наибольший страх у французов и русских:

Наиболее важные для Вас слова (французские информанты):

Здоровье	42,9 %
Работа	36 %
Любовь	33,4 %
Семья	30,8 %
Деньги	25,2 %
Дети	19,7 %
Дружба	18,5
Счастье	17 %
Досуг	12,9 %
Свобода	8,2 %

Наиболее важные для Вас слова (русские информанты):

Здоровье	49,3 %
Семья	41,7 %
Счастье	37,2 %
Любовь	36,1 %
Работа	33,8 %
Дети	33,6 %
Дружба	32,7 %
Деньги	27,5 %
Свобода	27,1 %
Досуг	7,5 %

Слова, которые вызывают у Вас наибольший страх (русские информанты):

Война	40,1 %
Рак	35,7 %
Насилие	33,1 %
Болезнь	32,3 %
Спад	31,8 %
Смерть	28,7 %
Одиночество	25,7 %
Несчастный случай	23,8 %
Бедность	16,6 %
Безработица	15,2 %

Слова, которые вызывают у Вас наибольший страх (французские информанты):

Болезнь	49,9 %
Несчастный случай	38,8 %
Смерть	36,7 %
Война	30,4 %
Безработица	28 %
Бедность	10,6 %
Насилие	9,9 %

Одиночество	8 %
Рак	6,7 %
Спад	6,4 %

Источник: Le Point, n 850, du 2 janvier 1989.

Как видим, процентное соотношение реакций на одни и те же ключевые слова у представителей двух этносов различается. Полностью совпадает лишь рейтинг слова "здоровье". "Досуг" и "свобода" занимают в двух таблицах также последние места. Для русских слова "семья" и "счастье" обладают гораздо большей значимостью, чем для французов. У французов "работа" и "любовь" превалируют.

Негативно "заряженные" ключевые слова вызывают различные ассоциации, совпадений нет. У русских на первом месте "война", "рак", "насилие", у французов - "болезнь", "несчастный случай", "смерть". Даже поверхностный анализ результатов позволяет говорить о более развитой индивидуальной парадигме у французов и более важной для русских социально обусловленной схеме восприятия действительности.

Несомненно, выбор, сделанный опрошенными, обусловлен целым рядом факторов: социально-экономических, исторических, психологических и пр. Вместе с тем этно-культурный элемент представляется наиболее значимым фактором, в наибольшей степени воздействующим на характер отношения информантов к ключевым словам и понятиям.

Язык является одним из условий возможности социальности и культуры, и речь каждого индивида в значительной мере обусловлена его принадлежностью к той или иной социо-культурной формации. Вместе с тем структурные внутрисистемные факторы языка являются относительно самостоятельными механизмами воздействия на способы интеграции языковых знаков в речь. Напомним, что языковые знаки консервативны, эволюционируют медленно, так как сфера их функционирования ограничена

территориально, социально, стилистически, традиционно. Именно благодаря самодостаточности, саморегулируемости и относительной консервативности языковой системы особенности актуализации языковых единиц в речи могут служить базовым материалом для выявления национально-культурных характеристик языковой личности.

Национально-культурные особенности проявляются на уровне речевого употребления языковых единиц в русле так называемой “фоносемантики”, которая формируется сверх дефиниционной семантической части языкового знака. Нельзя не согласиться с мнением исследователей о том, что: “Именно этот “семантический остаток” отмечен национально-культурной спецификой в каждом языке, именно в нем отражен прототипический образ определенного языкового этноса - языковая “словарная” личность” (Воркачев, Жук 1999, 21).

Термин “языковая личность” мы рассматриваем как понятие, представляющее собой реализацию типичных речевых особенностей носителя языка реально существующего конкретного этноса, в типичных ситуациях языкового общения, в рамках так называемого “культурно-обусловленного сценария”(cultural script - термин Вежбицкой 1990, 1996). “Человек говорящий” определяется как представитель группового речевого поведения, неповторимость которого обусловлена целым рядом уникальных социально-психологических свойств. Нас интересует не создание социального психологического портрета “среднего” представителя этноса, а попытка перейти от произвольности индивидуума к узуальности социума, с целью выявления речевых тенденций в рамках естественной вербальной реакции носителя языка на ту или иную типичную ситуацию. На основе выявления направлений функционирования языка, появится возможность представить языковую личность в ее динамической речевой ипостаси.

Речь рассматривается как поступок, акт “в его живом совершении изнутри самого поступающего сознания” (Бахтин 1975, 37). Иначе говоря,

подчеркивается *динамический* характер и *индивидуально-психологическая* основа речевого общения. Речевой акт выступает как материализация определенным образом структурированного сознания, парадигма которого может быть выявлена и формализована. Особенности ментальной структуры проявляются в системе интуитивных представлений о реальности, называемой термином “картина мира”, впервые введенном Л.Витгенштейном в “Логико-философском трактате”.

У любого народа есть свои представления о добре и зле, о хорошем и дурном, но у каждого народа эти представления различны и организованы специфическим образом. Ясно, что у отдельной личности картина мира детерминирована прежде всего индивидуальными особенностями психики, но одновременно она *опосредована* “культурным языком” нации или этноса, к которым принадлежит эта личность. Можно сказать, что одна и та же реальность семантически репрезентируется в языке каждой нации по-разному и к тому же “языковая картина мира отличается от мира действительности в силу специфики конкретных культур, стоящих за каждым языком” (Рахилина 1998, 283).

Итак, нормы и особенности речевого поведения национально и культурно специфичны. Риторический *идеал* каждой нации обусловлен общими требованиями к речевому поведению, которые исторически сложились в той или иной культуре и отражает *систему ценностей* последней.

Так, среди характерных особенностей речевого поведения носителей русского языка выделяют общительность, коллективизм, легкость в выражении чувств, эмоциональную живость, склонность к конфликтам, любовь к оценкам и нелюбовь к этикетному общению, искренность, допустимая резкость в стратегиях ведения диалога и т.д. (Викторова 1999, 10). Во французский речевой стереотип, как правило, включают эмоциональную сдержанность, достаточно высокий уровень самоконтроля,

стремление к прозрачности, нормативности изложения, корректность, любознательность, некатегоричность, антиконфликтность, терпимость, высокий уровень этикетного общения, закрытость темы личной жизни и пр.

Наличие различий в речевом поведении представителей двух наций часто проявляется в высказываниях типа: “француз так бы не сказал”, “русский скажет иначе” или “это не по-французски”, “это не по-русски” и т.д. Что же позволяет представителю одного этноса, преимущественно билингва, почувствовать и относительно точно определить принадлежность участника коммуникативного процесса (реального или виртуального) к той или иной этнической группе? По каким критериям происходит отбор *ориентирующих признаков*? Очевидно, что подобные интуитивные выводы основаны в первую очередь на межкультурной и языковой компетенции индивида. Именно этот тип компетенции лежит в основе возможности анализа своеобразия речевых актов.

Проблемы выявления особенностей речевого поведения двух наций не раз привлекали и продолжают привлекать внимание ученых (Балли 1961; Галли 1966, 1998; Лобачев 1980 и др.). На основе выделенных ранее характеристик и личных наблюдений автора можно представить следующую сводную сопоставительную таблицу речевых тенденций рассматриваемых этносов:

русский язык	французский язык
1. Преувеличение в выражении мысли - прямые языковые средства	1. Смягчение мысли - косвенные средства выражения
2. Большая конкретность и предметность в выборе лексики	2. Относительно абстрактный образный характер лексики
3. Большая контекстуальная автономность высказываний	3. Большая зависимость высказывания от ситуативного контекста
4. Допустимая резкость в стратегиях ведения диалога	4. Корректность в диалогических репликах

5. Контактная проксемика	5. Дистантная проксемика
6. Соборность	6. Партикулярность
7. Оценочность	7. Нейтральность

Представленные тенденции можно рассматривать как проявление черт национального характера обусловленного особыми культурогенными установками. В следующих разделах иллюстрируются каждое из положений таблицы.

2.4. ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ МЫСЛИ: ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ ИЛИ СМЯГЧЕНИЕ

Национальный язык, как указывалось выше, является базальным компонентом мышления того или иного этноса. Особенности менталитета нации проявляются в конкретных речевых тенденциях в типичных ситуациях общения.

Русской разговорной речи в большей степени свойственно преувеличение в передаче коммуникативной информации, тогда как во французской разговорной речи ярче выражена тенденция к смягчению в выражении мысли. Несомненно, в обоих языках есть место для первого и второго явления, но, как указывалось во выше, мы рассматриваем тенденции речевого упорбления в рамках симптоматического метода, который позволяет выявить доминантные характеристики языкового поведения носителей национального языка.

Известно, что в разговорной фразеологии любого языка сконцентрированы его инвариантные черты. Вместе с тем разговорные устойчивые и часто "живописные" обороты могут служить ярким примером

проявления национального характера и помогают выявить различия в образном строе двух языков.

Сравним речевые тенденции в ситуации обсуждения темы трудоустройства и финансовых проблем. Рассмотрим следующую фразу разговорного регистра:

"Tu sais, j'ai trouvé un petit job, histoire de mettre du beurre dans les épinards" (букв. 'Я нашел работенку, чтобы было чем подмаслить шпинат').

Так как для французов выяснение финансовой ситуации собеседника является щекотливым вопросом, налицо смягченное, метафорическое выражение мысли и в данной ситуации вряд ли последует выяснение уровня зарплаты. Для русских же вопросы типа: "Какая у тебя зарплата?" или "Сколько платят?" вполне естественны, даже, в какой-то мере, обязательны.

Тенденция к преувеличению мысли в русском языке проявляется в частом употреблении в речи слов, выражающих высокую интенсивность действия: "предельно", "исключительно", "абсолютно", "вовсю", "мочь" и пр.:

1. *Je vous ai répondu on ne peut plus clair!* - букв. 'Я ответил вам нельзя яснее'
т.е. Я же ответил вам предельно ясно!
2. *Il neige tant que ça peut.* - букв. 'Снег валит, как только может'
т.е. Снег валит вовсю.
3. *Cours tout ce que tu sais.* - букв. 'Беги, как только умеешь'
Беги, что есть мочи.
4. *Je suis on ne peut plus heureux.* - букв. 'Я как нельзя более счастлив'
т.е. Я абсолютно счастлив
5. *Il a répondu on ne peut mieux* - букв. 'Он ответил нельзя лучше'
Он ответил исключительно удачно
6. *L'affaire est on ne peut plus simple* - букв. 'Дело нельзя более проще'
Это дело проще простого

7. *Un garçon on ne peut plus intelligent* - букв. 'Мальчик нельзя более умный'
т.е. Исключительно способный
мальчик

Французские высказывания апеллируют к потенциальным возможностям субъекта, сужая тем самым топологическое пространство семантики составляющих, смягчая предельную степень интерпретации коммуникативной информации. Русские эквиваленты гиперболизируют мысль и выражают последнюю в терминах логического абсолюта, балансируя на грани абсурда.

Сюда же можно отнести следующие французские фразеологизмы, выражающие крайнюю степень интенсивности действия, и их переводы на русский язык:

Travailler à tour de bras - работать изо всех сил, во всю мощь, со всего маху
Crier à tue-tête - кричать во все горло
Courir ventre à terre - бежать во весь опор
comme un perdu (un damné) - сломя (очертя) голову, что есть мочи

Интересно сопоставить употребление в русской разговорной речи интенсификаторов "так", "такой", "какой-то" и их французских соответствий:

Сейчас *такое* будет! - *Ca va péter du feu!* - букв. 'Сейчас тут будет жарко!'
Знаешь, он *такое* выкинул! - *Tu n'sais pas la meilleure qu'il a faite* - букв. 'Ты не знаешь, какую удивительную штуку он сделал!'

Странный он какой-то.

- *Il est un peu bizarre sur les bords*

Так бы и убил его!

букв. 'Он немного странный по краям'
- *Je l'achèterais pour le battre* - букв.
бы купил его, чтобы его убить'

Первая французская фраза относится к фамильярному регистру, русская - к разговорному, тем не менее последняя выражает мысль в преувеличенной форме, не конкретизируя и не смягчая интенсивности предстоящего. Во французском высказывании присутствие сем "огонь" "жарко" как бы уточняет характер будущей ситуации, что повышает его предсказуемость и, как следствие, некоторое снижение эмоционального эффекта высказывания.

Второе французское высказывание также отличается большей предсказуемостью с точки зрения семантического наполнения и более сниженной эмоциональностью по сравнению с его русским эквивалентом.

Интенсификатор "какой-то" эмоционально слабее, чем "такой", тем не менее и в третьей фразе тон смягчается и смысл пространственно уточняется "немного" (*un peu*), "по краям" (*sur les bords*).

В последней русской фразе эмоциональный элемент превалирует над семантическим, интенсификатор "так" подчеркивает аффективное состояние говорящего, тогда как во французском соответствии эмоциональность не выражена лексически, а передается в смягченной форме - сослагательным наклонением.

Во французском языке часто присутствует смягчение мысли с помощью литот, как в следующих примерах:

Je me suis payé une baraque à Deauville - букв. 'Я купил халупу в Довиле'

В данной фразе надо учитывать следующие моменты: Довиль город богатых, и у французов он ассоциируется с праздным дорогостоящим времяпровождением. Говорящий явно хочет эпатировать собеседника или ситуативно употребляет снобистский жаргон “золотой молодежи” западного предместья Парижа. Речь идет о шикарном доме в Нормандии на атлантическом побережье. В данном случае употребление литоты связано со стилистическими амбициями говорящего, что характерно для представителей определенных слоев французского общества. Французам вообще свойственно играть словами, каламбурить, изобретать всевозможные сокращения и новые слова, строить высказывания с подтекстом и часто со скрытым смыслом.

Российский “новый русский” не скажет, что он купил “халупу” или “барак”. Он скорее употребит экзотическое слово “фазенда” или скажет “коттедж”, но умалять свое приобретение “низким” словом вряд ли будет.

Следующие ситуации и реплики-реакции с употреблением литот показательны для представителей французского языкового сознания:

(1 ситуация - В ресторане никого, стоит полуденная жара) *Je coulai un regard saturé sur le paysage désolé par la canicule [...]. On ne voyait âme qui vive [...].*

- *Ca ne se bouscule pas beaucoup* (букв. ‘Большой давки нет’) *dans le secteur, soupirai-je.*

- *La sieste! répondit Duck. (San-Antonio, Plein les moustaches.)*

(2 ситуация - Поздний час, клиенты не торопятся уходить, официанты устали) *[...] je reviens à la charge et m'adresse à la bonne femme:*

- *Ca ne se bouscule pas les additions. dites donc* (букв. ‘Счета не толпятся, скажите-ка’)...

- *Les clients ont tout leur temps, monsieur [...]. (P. Siniac, Pas d'ortolans pour La Cloducque.)*

В приведенных ситуациях риторическое "умаление", в первом случае смягчает эффект впечатления от пустоты города, во втором - иронично выражает определенное отношение к засидевшимся допоздна клиентам. Несомненно, бойкий русский ум вполне способен на подобные высказывания, но с точки зрения коммуникативной и синтаксической структур французские фразы в более мягкой форме, нежели их русские эквиваленты, передают соответствующий ситуации смысл.

Для русского языкового поведения более естественными будут следующие реплики, в первой ситуации: "Клиентов нет, загораем", во второй - "Когда же они наконец-то рассчитаются (свалят)" или смягченный вариант "Что-то не спешит народ рассчитываться".

Следующие французские разговорные литоты также отличаются косвенным способом передачи мысли, в противоположность русским соответствиям: *c'était pas sale* - было здорово, как нельзя лучше; *c'est pas cochon* - вот здорово!; *pas dégueu* - класс!

Необходимо отметить довольно частое использование антифразисов в французском речевом поведении. Как отмечает "Словарь лингвистических терминов", антифразис - это троп, состоящий в употреблении слов в противоположном смысле (в сочетании с особым интонационным контуром). Разумеется, в русском языке существуют энантиосемичные выражения: *Хорошенькая история!*; *Какая прелесть!* Обмануть человека, а потом притворяться ангелом (Ахманова 1966, 49), но для француза ироничный антифразис гораздо более характерен, чем для русского, и является одним из способов смягчения смысла высказывания.

Рассмотрим следующую коммуникативную ситуацию: двое проявляют излишнее усердие, пытаются примирить поссорившихся друзей, но результат оказался абсолютно противоположного свойства. Один из собеседников иронией замечает:

Now voilà bien avancés!

Какой нам от этого толк! Ну и чего мы добились? (букв. 'Ну вот, мы и далеко продвинулись')

Во французском высказывании благодаря антифразису происходит контекстуализируется смещение значения языковых единиц. Смысловой вывод, как следствие, контекстуализируется и логико-семантические границы фразы размываются.

В русских эквивалентах налицо преувеличенное внимание к результату действия и прямое указание на тщетность попыток ("толк", "добились").

В следующей коммуникативной ситуации антифразис скрывает энергичное поведение говорящего, его категорические намерения, который дает свободный выход своим чувствам и неосознанным стремлениям:

- [...] *J'attends tes explications. Où étais-tu? Avec qui? Qu'as-tu fait?*

Qu'as-tu tu? Réponds.

- *Mémaine! Je suis désormais un homme à qui on ne pose pas de questions.*

- *Avec ça que je vais me gêner!* (Стану я еще стесняться или церемониться, букв. 'Я буду стесняться').

- *Pose autant de questions que tu voudras, je n'y répondrai pas.* (P. Dac et

L. Rognoni, *Bons Baisers de partout.*)

К смягчающим средствам выражения мысли можно отнести частое употребление сослагательного наклонения для выражения просьбы, сопровождаемое, как правило, вежливыми частицами и оборотами.

Следующие фразы записаны в магазинах и на улицах Парижа:

Est-ce qui vous serait possible, s'il vous plaît, de me dépanner et de recoudre ce bouton. букв. 'Не будет ли у вас возможности, пожалуйста, меня выручить и пришить эту пуговицу'

S'il vous plaît, sauriez-vous par hasard où pourrais-je accéder au Carrefour, j'arrive pas à mettre la main dessus букв. 'Пожалуйста, не знаете ли вы случайно, как я мог бы добраться до Карфура (известный во Франции супермаркет), я никак его не найду'

Очень характерен в этом смысле следующий диалог, когда мужчины пытаются уступить друг другу дорогу перед входом в магазин:

- *Pardon, Monsieur!*

- *Non, je vous en prie, vous êtes devant moi ...*

- *Non, je vous ai croisé, vous étiez engagé, après vous.*

- *Ah, non, non, ça, écoutez, je n'en sais rien ...*

- *Ah, non, Monsieur, il n'est pas question que je passe, vous étiez engagé, vous avez la priorité, je vous respecte, allez-y, je vous en prie!*

- *Non, mais écoutez, Monsieur, je suis tout à fait confus, je suis gêné, vous remercie, écoutez, alors, entendu, je passe.*

У русских подобные формулировки могут вызвать недоумение или даже непонимание.

Приведу в качестве примера случай, произошедший со мной в Москве. После долгого пребывания за границей мне пришлось спросить на улице адрес по которому я должен был передать посылку. Влияние частого употребления сослагательного наклонения сказалось и я начал: "Извините пожалуйста, Мы ищем улицу X, Вы не могли бы подсказать, где она находится. Не сочтите за труд не могли бы Вы повторить, пожалуйста и т.д." Человек, к которому я обратился стоял в оцепенении, он, казалось, не понимал, на каком языке с ним говорят и как реагировать на подобную тираду. Приятель резко оборвал меня и крикнул: "Эй, мужик, твою), где тут улица X". Ответ быстро был получен и посылка доставлена.

Во Франции, если говорящий будет излишне интенсивно выражать свои желания и просьбы, то он, как минимум, ничего не добьется, а, скорее всего, с ним вообще не будут разговаривать. Приведем некоторые категоричные французские формулы просьбы:

Je voudrais une chambre donnant sur la - букв. 'Мне хотелось бы номер,
rue которого выходят на улицу'

Vous me feriez plaisir en venant dîner à - букв. 'Вы бы доставили

la maison

Je vous saurais gré de bien vouloir - букв. 'Я был бы вам признателен за
délivrer les documents nécessaires à la *соболаговоление* *предоставить*
délivrance du visa *документы, необходимые для выдачи*
визы'

Ориентированность французского языкового поведения на смягченные формы передачи мысли проявляется и в так называемых инструкциях для внутреннего пользования, которые можно увидеть на стенах кабинетов государственных служащих во Франции. Это своеобразные рекомендации чиновникам о том, как вести разговор по телефону:

Ne dites pas ... (Не говорите!) *Dites ...* (Говорите!)

Ne quittez pas! (Не вешайте трубку!) *Je vous rappellerais peut-être* (Я
Un instant je vous prie! (Будьте добры, возможно Вам перезвоню)
подождите минутку!) *Je vous rappelle en principe* (В любом
Voulez-vous rester en ligne? (случае я Вам перезвоню)
(Пожалуйста, оставайтесь на линии!)

C'est de la part de qui? (Кто звонит?) *C'est vous qui avez déjà appelé?* (Это

Vous êtes Madame, Monsieur? (Вы, Вы уже звонили?)

Господин, такой-то, Госпожа такая- *Je crois que vous nous avez déjà*
to?) *contactés* (По-моему, Вы уже с нами

Qui le/ la demande? (Кто его / ее связывались?)

спрашивает?)

C'est à quel sujet? (По какому поводу *Voilà! C'est OK!* (Вот, все О'кей!)

звонок?) *Merci Monsieur (Madame), à mercredi 9*

Puis-je vous aider? (Могу ли я Вам *heures dans vos locaux* (Спасибо,
помочь?) *Gосподин / Госпожа), до встречи в*

Puis-je l'informer du motif de votre ... среду в Вашем офисе.

appel? (Могу ли я его / ее

проинформировать о причинах /

мотивах Вашего звонка)

Je vous le passe (Передаю трубку)

C'est? (Это?)

Je vous mets en communication avec ...

Vous êtes Madame, Monsieur?

(Я Вас Соединяю с ...)

Господин, такой-то, Госпожа
то?)

Quand pouvez-vous nous recevoir?

(Когда Вы сможете нас принять?)

Puis-je vous rencontrer ce jeudi matin?

(Могу ли я с Вами встретиться в

следующий четверг утром?)

Рекомендуемые реплики выражают мысль в смягченной форме, что соответствует основным характеристикам французского риторического идеала, ориентированного на корректное отношение к обозначаемому адресату.

Иллокутивная сила русских и французских эмоционально заряженных высказываний равноценна, но их языковое наполнение, как правило, асимметрично. Сопоставим несколько высказываний и их переводы, связанных с неприятными, затруднительными ситуациями и реакциями на них:

Sur l'autoroute, elle se tourna vers Iago. Cette excursion nocturne lui laissait visiblement perplexe:

- *Iago... dit-elle, on est presque pas dans la merde* (Ну и влипли же мы тебе!)... (С. Frank, *Josepha*).

Французское высказывание формально отрицает щекотливое положение, нюансирует мысль (букв. 'Мы чуть было не влипли'). Русск

эквивалент категоричен в выборе средств - налицо жесткая констатация результата.

В директивных актах речи ярко отражаются характерные элементы функционального поведения. В следующей французской фразе и ее эквиваленте также может быть выделена дихотомия преувеличение/ смягчение:

- *Ne manquez (manque) pas de voir ce film* - Во что бы то ни стало посмотри (-те) этот фильм.

По-французски оттенок обязательности выражается глаголом *manquer* в отрицательной форме, что является непрямым способом передачи мысли. Говорящий по-русски употребляет формулу-пожелание *во что бы то ни стало*, которая является интенсификатором смысла.

- *Veillez arriver à temps, Monsieur!* - Месье, приходите, пожалуйста, вовремя!

- *Je n'y manquerai pas, chef* - Обязательно (Непрененно), шеф.

Последняя фраза не является директивным актом речи, но в ней также употреблен глагол *manquer* в отрицательной форме, для ироничного согласия с просьбой руководителя. Русский эквивалент объективно жестче своего французского соответствия.

- *Gardez-vous en bien!* - Ни в коем случае не делайте этого! (Не вздумайте сделать это!)

Во французском высказывании используется возвратный глагол ("воздерживаться") высказывающий мысль в более мягкой форме. Русское высказывание усилено интенсификаторами категорического запрета с отрицательными частицами (*ни в коем случае, не вздумайте*), что гиперболизирует семантическое наполнение фраз.

Настойчивые советы обычно включают наречия *настоятельно* и *убедительно*. По-русски такая просьба часто имеет форму простого или сложного предложения. Во французских простых предложениях

используется, кроме *conseiller*, глаголы *vouloir* и *tenir à*, за которыми следуют инфинитив.

- Я настоятельно, убедительно, очень советую (или: чтобы) инфинитив... - *Je veux (tiens à) (vous/te) conseiller de + infinitif...*

Французское высказывание избегает императивного тона, тогда как русская фраза его подчеркивает.

Сопоставляя указанные тенденции в языковом поведении представителей двух наций, мы подходим к соотношению прямых косвенных средств выражения в русском и французском языках.

К прямым способам выражения мысли обычно относят лексические средства, а к косвенным - синтаксические (Балли 1961, 287). Эти тенденции проявляются в предпочтительном употреблении в русском языке повелительного наклонения и личных форм, а во французском - тяготении к описательным конструкциям и безличным оборотам. С точки зрения лексики, "непосредственная выразительность в значении слов" имеет более сильную тенденцию в русском, нежели во французском языке (Григорьев 1977, 97).

Рассмотрим следующую ситуацию: в пустом театре актер (Мишель) репетирует сцену из Макбета и ему помогает жена-актриса (Жозефа), которая идет с трудом и актер немного нервничает:

- *Oui! hurle Josepha. Eh, du con! Tu as compris là?*

- *Rien du tout, dit Michel, et tu es priée de modérer ton langage ... reprend!* (Christopher Frank, *Josepha*).

Напряженность ситуации подчеркивается употреблением глагола интенсивного действия *hurler* (выть, горланить) и фамильярного *con*, а также присутствием разговорной синтаксической конструкции с частицей *là*. При всей агрессивности партнерши Мишель употребляет пассивную форму высказывания, которая относится к косвенным средствам выражения мысли.

Русским эквивалентом в данной ситуации будет: “Попридержи язык!”, что является более прямой формой выражения просьбы, нежели во французском.

Сравним разговорные русские и французские реплики, передающие безразлично-негативную реакцию партнера по коммуникации:

- Ну, как тебе эта картина?	- <i>Comment tu le trouves, ce tableau?</i>
- Так себе; Ничего особенного; Ничего такого; Ничего военного ...	- <i>Ça ne casse rien; Ça ne casse pas les vitres; Ça ne casse pas trois pattes à un canard; Ça ne casse pas des briques; Rien d'exceptionnel; Rien d'extraordinaire ...</i>

В русских высказываниях преобладает стереотипная конструкция с отрицательным местоимением “ничего”, которое используется в некоторых французских репликах, но в последних преобладает косвенно-образная передача смысла (букв. ‘Стекла от этого не разобьются’, ‘Это не сломает три лапы у утки’, ‘Кирпичи от этого не рассыпятся’).

Национально-культурное своеобразие языкового поведения также проявляется в детской речи. Находясь в утробе матери, ребенок уже погружен в активную среду родного языка. С момента своего рождения маленький человек, еще не умея говорить, испытывает на себе непосредственное формирующее воздействие конкретной лингвокультурной среды, обусловленной этнопсихологическими особенностями нации, к которой он принадлежит. Начиная с безусловных рефлексов (жесты дотгивания, опупывания, хватания и пр.) и кончая формированием дискурсного мышления, сознание детей является чувствительным барометром языкового поведения взрослых.

Так, русский ребенок в ответ на обидные слова в его адрес, при отсутствии адекватной аргументации обидчику, скажет: “Сам такой” или

“Сам дурак”. Соответствующая французская реплика звучит так: “*C'est celui qui le dit qui y est (qui l'est)*” (букв. ‘Тот, кто это говорит, тот там и стоит’). Точка зрения непосредственного семантического содержания русская фраза прямо указывает на собеседника (“ты - сам”) и ее интерпретация не вызывает дополнительных усилий у участников коммуникации - оскорбление наносится без обиняков, на уровне дескриптивного лексико-семантического наполнения предложения. Французское высказывание передает смысл перифрастически, выводя определение последнего на уровень дополнительных семантических интерпретаций. Синтаксис французского предложения представляет собой гораздо более разветвленное образование: выделительный оборот (*C'est celui qui le dit*), осложненный относительно придаточным предложением (*qui y est*).

В высказываниях, выражающих предложение сделать что-либо вместе, также употребляются специфические для двух языков синтаксические и лексические средства:

Ты не хочешь сходить на концерт? = *Ca te dit de venir voir le concert* (букв. ‘Тебе не понравится сходить посмотреть концерт’).

Давай пойдем в кино сегодня вечером ... = *Dis, si on allait au cinéma ce soir ...* (букв. ‘Не сходить ли [нам] в кино сегодня вечером’).

Сообразим партейку в покер = *Si on se tapait un petit poker?* (букв. ‘И сыграть ли нам в покер?’)

В русских фразах употреблена личная конструкция, во французском — безличная, при этом во второй фразе используется *Imparfait* (неопределенное прошедшее время), которое меняет стилистический и эмоциональный регистр речи: высказывание предстает в более мягкой форме.

Как видим, французские высказывания отличаются категоричностью тона и особыми синтаксическими конструкциями, которых нет в русском языке (пассивная форма просьбы, безличные описательные обороты), что говорит о большем внимании французского

социальному статусу собеседника и более тонком учете жанровых характеристик речевой ситуации.

Как отмечает Л.Г. Веденина: "При описании одной и той же ситуации французский и русский языки имеют разные точки отсчета: для французов более существенно *кто* действует или *что* происходит, в русском высказывании на первом месте не субъект, а предикат - действие, протекающие события" (Веденина 1988, 88).

Так, во французском языке есть особый грамматический способ указания на степень активности участников коммуникативной ситуации - это каузативные конструкции с глаголами *faire* и *laisser*. Каузативные обороты относятся к косвенным средствам передачи мысли. Эти структуры нельзя, как правило, дословно перевести на русский язык. В русском языке нет подобных конструкций и при переводе приходится прибегать к глаголам типа "приказать", "заставить" и пр., или менять всю структуру фразы:

- Merci de me le faire remarquer, j'allais le laisser perdre.* (Frédéric Dard, *A San-Pedro ou ailleurs*). - Спасибо, что помогли мне заметить его, я чуть было его не потеряла. (букв. 'Спасибо, что *заставили меня его заметить. я чуть было ему *не позволила потеряться')
- Vous n'auriez pas dû lui laisser accepter cet héritage qui fera mal parler de votre mère.* (Maupassant, *Pierre et Jean*). - Вы не должны были допускать, чтобы он принял наследство, ведь это даст повод дурно отзываться о вашей матери.
- Il laissa pendre sa cigarette au coin des lèvres comme si elle y pend pour l'éternité.* (Modiano, *Les boulevards de ceinture*). - Сигарета свисала с краешка рта, как будто она находилась там целую вечность (букв. 'Он давал сигарете свисать')

Каузативные высказывания передают *различную шкалу активности субъекта*, от побуждения к действию до неучастия субъекта в событии. В отличие от русских эквивалентов они в косвенной форме выражают субъектно-объектные отношения, делая акцент на источник глагольного действия, а не на предикат.

К прямым и косвенным формулам выражения мысли можно отнести следующие устойчивые выражения и реплики, которые часто переводятся антонимически:

действовать напрямик, решительно	- <i>ne pas aller par quatre chemins</i>
все сказать как есть	- <i>ne pas mâcher ses mots</i>
принимать немалое участие в ...	- <i>ne pas être pour peu dans ...</i>
вполне согласен с вами, вы сами это говорите	- <i>je ne vous le fais pas dire</i>
это непременно понравится моему X	- <i>ce n'est pas pour déplaire à monsieur X</i>

Национально-культурная специфика коммуникативного поведения также находит свое отражение в сфере речевого этикета каждой лингвокультурной общности. Речевой этикет можно определить как совокупность языковых средств общения в стереотипных ситуациях: обращение, привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, просьба, приглашение и др.

Высокая этикетность французского языкового поведения вошла в поговорку. Эту особенность можно также отнести к *косвенным средствам* выражения мысли, так как устойчивые этикетные выражения как правило воспринимаются французами не как носители конкретной семантической смысловой информации, а скорее как формальное и обязательное сопровождение определенной коммуникативной ситуации. В своих выводах

мы основываемся на анализе языкового материала, в большинстве своем собранного во время пребывания автора во Франции, во время совместной работы с французскими коллегами, работавшими на Мадагаскаре, а также в рамках постоянных контактов с французскими "эспатриантами" ("*expatrié*" – так называют себя французы, имеющие контракты за пределами Франции), работающими в настоящее время в России.

Например, знаменитое французское *Ça va?* (*Comment ça va?*, *Comment allez-vous?*) (при встрече знакомых) уже не несет непосредственной семантической нагрузки (Как дела?), а выполняет функцию простого приветствия и не требует подробного отчета о состоянии дел собеседника. Общеупотребительны такие ответы как: *Ça va*; *Ça va bien, merci*; *Ça marche*, или более фамильярные: *Ça baigne*; *Ça roule*; *Ça gaze*. Как отмечается в учебнике "Правила хорошего тона": "A la question "Comment allez-vous?", de grâce, évitez de vous lancer dans une description précise de votre état de santé. Vous devez aller bien. De toute façon, c'est une formule qui ne veut plus rien dire, personne n'écoute la réponse ..." (На вопрос: "Как дела?", ради бога, не стоит пускаться в описание деталей вашего состояния здоровья. Вы должны чувствовать себя хорошо. Во всяком случае, подобная формула уже ничего значит, никто не слушает ответ.)

Для большинства русских жесткое этикетное общение почти всегда вызывает определенную стесненность в выборе языковых средств и, как следствие, некоторую психологическую скованность в общении.

Для выявления национальных особенностей речевого этикета (РЭ) сравним разные планы проявления языковой асимметрии в двух языках, используя классификацию Т.В. Лариной (Ларина 1999, 102):

1. В языках не всегда (или не полностью) совпадают социальные ситуации, отражаемые формулами РЭ. Так, во Франции существует порядок употребления спиртных напитков в процессе принятия пищи - *apéritif*, *digestif* (*pousse-café* - рюмка коньяка или ликера после кофе, в конце обеда), а

также между двумя блюдами для активации пищеварения принято выпить немного алкоголя - *faire le trou normand*, у русских, как известно, застольные этикетные привычки несколько иные: каждая порция алкоголя обязательно предваряется тостом, что французам несвойственно. В конце обеда (ужина) русские говорят: "Спасибо", хозяйка отвечает: "На здоровье". У французов принято хвалить блюда в течение всего вечера: "*C'est bon (délicieux)! Le gigot est excellent! etc.*" После десерта, как правило, долго не засиживаются.

2. Не совпадает количество речевых единиц, обслуживающих ту или иную коммуникативную ситуацию. В корреспонденции заключительные формулы официальных писем во французской традиции, в отличие от русской, изобилуют разнообразием форм, которые в большей степени учитывают социальную иерархию.

Русские заключительные формулировки: С (искренним) уважением и наилучшими пожеланиями; Искренне Ваш; Заранее (от всей души) благодарю Вас; С дружеским приветом; Ваш; С любовью; Целую.

Французские: (Официальные) *Veillez agréer (accepter, recevoir), je vous prie d'agréer (de bien vouloir accepter) l'assurance (les assurances) de mon (votre) l'hommage, l'expression) de ma (très) haute (et respectueuse) considération, de ma (très, la plus) distinguée; mon profond respect (tout mon respect) de mes sentiments (très, les plus) distingués; Veillez croire (Je vous prie de croire) (Croyez) à toute ma considération (au témoignage de mes sentiments sincères) (les plus) dévoués, à l'assurance de mes sentiments de considération etc.* (Короткие заключительные дружеские формулы с последующей подписью отправителя) *Cordialement (vôtre); Amitiés; Sympathiquement; Bien (Tout) vous (toi); (Avec mes) meilleurs sentiments; (Bien, Très, Sympathiquement) vôtre (toi) Avec toute ma sympathie; Bisous (Bises); Grosses bises etc.*

3. Некоторые единицы РЭ, функционирующие в одном языке, не имеют эквивалентов в другом. В русском языке, например, отсутствует обращение *Monsieur, Madame, Mademoiselle*. На русский язык подобные обращения

часто не переводятся или имеют эквивалентное слово “пожалуйста”:
Attention!, Monsieur! = Берегись!; *Bon appétit, Messieurs - Dames* = Приятного аппетита; *Pardon, Monsieur, pour arriver la rue X, s'il vous plaît* = Скажите, пожалуйста, как пройти на улицу X.

4. Единицы РЭ, являющиеся эквивалентными, не всегда симметричны в плане употребления. Так, французские формулы приветствия *Bonsoir, Bonne nuit* в отличие от их русских эквивалентов используются также и при прощании.

5. Этикетные формулы, являющиеся семантическими эквивалентами, могут существенно различаться как в лексическом, так и в грамматическом оформлении. Сопоставим французские и русские формулы для привлечения внимания. Русские: - *Дамочка!* - *Женищина!* - *Мужчина!* - *Молодой человек!* - *Гражданочка, подождите!* *Эй, мужик!* и пр. Французские: *Monsieur, s'il vous plaît!* - *Madame, deux secondes, s'il vous plaît!* - *Eh! Vous, là-bas, Mademoiselle etc.*

6. Располагая одинаковыми лексико-грамматическими средствами и находясь в идентичной ситуации общения, представители рассматриваемых культур часто по-разному строят формулы РЭ. Приведем реплики, обслуживающие ситуацию “Разговор по телефону”.

Русские: *Позовите, пожалуйста, к телефону ... - Могу я услышать ... - Кто его спрашивает? - Вы не туда попали.*

Французские: *Est-ce je pourrais parler à ... - J'aurais souhaiter le service d'urgence, s'il vous plaît ... - C'est de la part de qui? - Vous avez dû faire un faux numéro.*

В России в общественном транспорте пассажир за несколько минут до выхода спрашивает у стоящих впереди его людей: “*На следующей выходите?*” или “*Вы не выходите на следующей остановке?*”. Во Франции в идентичной ситуации употребляется другая формула. Французы обычно

говорят: "*Excusez-moi (s'il vous plaît)!; Pardon, (Monsieur, Madame)*" и обычно уступают дорогу.

Как видим, русская этикетная традиция отличается менее развитой системой вариативных форм построения высказываний и отдают предпочтение *прямым* средствам выражения мысли. Французский речевой этикет включает в себя довольно широкую гамму способов коммуникации и ориентируется на употребление *косвенных* языковых формулировок. Таким образом, в двух языках выявляются, специфические для каждого, варианты этикетного общения.

Русские и французские формы совета также отражают различный подход к выбору языковых средств. Одной из форм совета является использование повелительного наклонения. Характерно, что в русских фразах этого типа употребляется как правило конкретный глагол без распространения. Прямым переводам таких фраз на французский будут соответствовать не **советы**, а **приказы**:

Ешь (-те)!..	- Mange (-z) ... (le, ça)
Пей (-те)!..	- Bois (buvez) ... (le)
Сделай (-те)!..	- Fais (faites) ... (cela, le)
Сходи (-те)!..	- Passe (-z) ... (là-bas)

Эквивалентами русских советов или предложений будут французские предложения, которые обязательно начинаются с союза *si*, глагол ставится *imparfait*:

Ешь (-те)!..	- Si tu (vous) mangeais (mangiez)!
Пей (-те)!..	- Si tu (vous) buvais (buviez)!
Сделай (-те)!..	- Si tu (vous) faisais (faisiez)!
Сходи (-те)!..	- Si tu (vous) y passais (passiez)!

Как видим, грамматические структуры русских фраз состоят из прямого использования глагола в повелительном наклонении, а их французские соответствия имеют форму уступительных оборотов с элементами условного наклонения, что является более смягченным способом передачи смысла.

Само собой разумеется, что рассмотренные в данной главе языковые явления не свидетельствуют об исключительном богатстве и куртуазности французского и бедности и некуртуазности русского языка. Они лишь выражают различные тенденции в языковом поведении представителей двух этносов.

2.5. БОЛЬШАЯ КОНКРЕТНОСТЬ И ПРЕДМЕТНОСТЬ В ВЫБОРЕ ЛЕКСИКИ ОТНОСИТЕЛЬНО АБСТРАКТНЫЙ И ОБРАЗНЫЙ ХАРАКТЕР ЛЕКСИКИ

Эти тенденции не раз подчеркивались многими исследователями. Так, отмечая абстрактность, недифференцированность французской лексики, В.Г. Гак относит эти качества не к языку как таковому, а именно к речи: "Если ситуация или контекст достаточно ясно определяют элемент объективной реальности, то (во французском языке) используются более отвлеченные, широкие по значению средства выражения. Русский же язык использует в этом случае конкретные, точные слова. Таким образом, пресловутая абстрактность французского языка предстает не как особенность его лексики, а как закономерность построения высказывания на этом языке" (Гак 1966, 324).

Указанная закономерность соответствует глобальным семиотическим процессам, происходящим во Франции, начиная с периода романтизма в Галлии. По мнению В.В. Макарова, в общих чертах, "движение французской культуры от истоков к современному состоянию может быть охарактеризовано как тенденция к *ослаблению зависимости* от природных и естественных начал. Семиотически это означает сокращение *миметических* подходов в пользу символических, более *абстрактных* способов выражения (ср. семиотические позиции реализма и таких направлений, как импрессионизм, символизм, кубизм и т.п.)" (Макаров 1999, 106).

Для российского этноса характерны обратные тенденции, исторически связанные с такими особенностями национально-культурной парадигмы, как печать утилитаризма на способах мировосприятия, живучесть факторов национальных предрассудков (Франк 1990, 89-91), компенсационные языковые процессы, восполняющие пустоты, образующиеся на почве "догматизма, тоталитаризма мышления, аскетизма, устремленности к трансцендентному" (Воробьев 1997, 179-180).

Экспрессивные способы номинации предоставляют богатый материал для исследования механизмов функционирования национальной языковой личности, в частности, в русле рассматриваемых в данной главе дискурсивных тенденций.

Эмоциональные речевые акты можно рассматривать как своеобразные вместилища функционирования, репрезентации и фиксирования отношений коммуникантов друг к другу и к миру. В коммуникативных ситуациях, отличающихся высокой степенью эмоциональности, часто используются языковые единицы со специфической семантической структурой.

Типизированное эмоциональное отношение к миру опосредуется языком и проявляется также в употреблении определенного языкового материала, например, коммуникативов, содержание которых состоит в выражении быстрой спонтанной реакции на какое-либо явление, ситуацию

высказывание: O! Ah! Mm! Ury! Вот те на! Надо же! Еще бы!; *Oh! Ah!*
Tiens, tiens! Dis donc! Tu parles! и пр.

Данные единицы по природе своей являются эмоционально заряженными. Они выступают формальными маркерами эмоциональной коммуникативной ситуации. Их наличие в высказывании прямо указывает на высокий эмоциональный настрой последнего. Анализ национально-культурных особенностей употребления коммуникативов не входит в задачи данной работы. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет процесс приобретения неземным словом "эмотивной валентности" (Шаховский 1984). В рамках данного явления могут проявляться существенные характеристики национальной языковой и речевой парадигмы.

Так называемый эмотивный потенциал языкового знака может принадлежать последнему изначально или быть привнесенным. Речевая ситуация накладывает эмоциональный отпечаток на употребление языковых единиц и этот факт способствует образованию семантического зазора в структуре употребляемого знака. Денотативный смысл, таким образом, обрастает дополнительными смыслами, которые часто национально-культурно обусловлены и функционируют в рамках этноконнотаций. Именно благодаря наличию этнокультурных следов в семантике эмотивных речений, представляется возможным выделить на уровне речевого функционирования их национально специфичные параметры.

Так, большая предметность русского и относительная абстрактность французского способов вербализации ярко проявляется в обслуживании типично национальных привычек и пристрастий, которые как правило сопровождаются высоким эмоциональным состоянием говорящего, его намерением и эмотивной ситуацией конкретного языкового общения, а также социальной ситуацией в языковом обществе.

Так, у русского и французского народа есть склонность, объединяющая две нации - любовь к потреблению спиртного. Об этой

страсти говорят емкие по форме и сути следующие цитаты: “Как известно, руси люди выпивают только в двух случаях: когда дождь идет и когда дождя не идет” (Маслаченко 1997); “Французская цивилизация измеряется вином и сыром” (Поль Валери). В данной области, несмотря на всю схожесть поведенческих стратегий, существуют национально-культурные различия в способах номинации и выборе соответствующих реалий.

Сопоставим некоторые закономерности употребления языковых средств, в которых проявляются рассматриваемые тенденции языкового поведения, в данной сфере коммуникативной практики. В русском и французском языках существует система аналогично убывающих градаций, например, количества потребляемого спиртного:

On peut s'envoyer un verre (s'en jeter un) - Можно пропустить по стаканчику

Prends des forces en buvant une gorgée de vin - Подкрепись глотком вина

Une goutte de vin - Только капельку (капочку)

Un dé à coudre - Наперсточек

Juste un soupçon - Самую малость

Une idée - Чисто символически

Отметим наличие уменьшительных суффиксов в русских эквивалентах, которые выступают в роли грамматических конкретизаторов (стаканчик, наперсточек, капелька, капочка). Во французских высказываниях нет таких морфологических конкретизаторов. При этом абстрактные французским словам-образам *soupçon* (букв. ‘подозрение; видимость’), *idée* (букв. ‘идея, мысль, представление’) соответствуют предметно-конкретно-экспрессивные слова “малость”, “символически” (Лобачев 1982, 90).

Сопоставим градации качественные, в частности, различную степень опьянения (по возрастающей):

под хмельком	- <i>émêché</i>
шеселе, подшофе	- <i>pompette, gris</i>
выпивше, в подпитии	- <i>allumé</i>
под мухой	- <i>légèrement ému</i>
на изводе	- <i>blindoche</i>
под парами	- <i>lancé</i>
в кураже	- <i>(joliment) paf</i>
подулявший	- <i>parti</i>
косой	- <i>rond, saoul</i>
сле жожаху	- <i>bourré comme un coing, plein comme une barrique (un oeuf), chargé à cul</i>
готовый	- <i>mûr, fait, à point</i>
лыка не вязать (не вяжет, папа-мама сказать не может)	- <i>avoir les dents mêlées, les dents du fond qui baigne</i>
писать (выделывать) ногами вензеля (вавилонны, кренделя)	- <i>prendre son lit en marche, avoir (mettre) ses chaussures (pompes) à bascules, avoir du vent dans les voiles, rond comme une queue de pelle</i>
в глазах двоится (троится, четверится)	- <i>voir double (rentrer à deux)</i>
на рогах, на бровях	- <i>*qui a la barbe, le nez sale</i>
пьяный мертвецки (как зюзя, как сапожник, как свинья)	- <i>ivre mort, asphyxié (comme un petit Lu, comme un Polonais, comme une vache), avoir un fond de cuve</i>
пьяный в стельку (в доску, в дым, вдрызг, в тачку, в драбадан, в грязь)	- <i>raide bourré (comme un coing, à triple zéro, déchiré, fracassé, lynché, archisaoul),</i>
допиться до чертиков	- <i>voir les éléphants roses</i>

Даже поверхностный сопоставительный анализ показывает более выраженную предметность русских выражений и относительно большую абстрактность французских. В основу русских наименований положено правило признак конкретного физического состояния, в основу французских - косвенный, часто метафорический признак: под мухой - *légèrement étonné* (букв. 'слегка удивленный'), косою - *rond* (букв. 'круглый'), навеселе - *gris* (букв. 'серый'), еле можаху - *bourré comme un coing* (букв. 'налитой как айва'), лыка не вязать (не вяжет, папа-мама сказать не может) - *les dents du fond qui baigne* (букв. 'задние зубы плавают'), писать (выделывать) ногтем вензеля (вавилонцы, кренделя) - *avoir du vent dans les voiles* (букв. 'иметь ветер в парусах'), *rond comme une queue de pelle* (букв. 'круглый как черенок лопаты').

Следует выделить наименование *archisaoul* (букв. 'архисверхпьяный'), оценочный характер которого формируется за счет нарушения нормативного функционирования префикса. "Ученая" приставка делает слово более абстрактным с точки зрения ассоциативно-образного поля, нежели конкретные и предметные, осязаемые почти материальные русские эквиваленты: в доску, в дым, вдрызг, в тачку, в драбадан, в грязь.

Характерно, что в предельном состоянии опьянения русские видят чертей, а также зеленого змия, тараканов, мышей, т.е. белую горячку в различных ипостасях), а французы - розовых слонов. Рассмотрим лексическое и коннотативное поля этих высказываний.

Для русского языкового сознания розовый цвет связан с нежностью, возрастом или наивностью и вызывает положительные эмоции, часто иронию (розовый возраст, смотреть сквозь розовые очки, розовые мечты). Для французов розовый цвет также положителен, свеж и идеален (*voir tout rose* - видеть все в розовом свете, *elle a un teint de lis et de rose* - она крош

молоком), но вербализуются французские кошмары в виде симпатичных "розовых слонов".

Следует однако отметить, что само слово "слон" для французов менее позитивно, нежели для русских. Об этом говорят следующие выражения: *Un éléphant* (слон, говоря человеку) - очень толстый, с тяжелой походкой, человек: *Un éléphant dans un magasin de porcelaine* (букв. 'слон в магазине фарфора') - "слон в посудной лавке", о неловком человеке, вмешавшемся в тонкое, деликатное дело. Эти высказывания входят и в русский словарь, но они менее репрезентативны и частотны с точки зрения употребления. Русский скорее скажет: "Неуклюжий как медведь" или "Медведь на ухо наступил".

Во французском языке есть выражение: *Avoir une mémoire d'éléphant* (букв. 'иметь слоновью память') - иметь исключительно хорошую память, особенно по поводу причиненного зла (вреда); быть злопамятным (слоны считаются мстительными животными). Для русских это выражение экзотично, слон скорее слывет толстокожим, нечувствительным ("как слону дробина").

Несуществующие злопамятные розовые млекопитающие менее конкретны, нежели змеи, тараканы или мыши, но для французских алкоголиков первые не менее зловещи, чем последние для русских. При этом словосочетание "розовый слон" у русских, особенно детей, вызывает сугубо положительные, нежные ассоциации. Существует даже магазин для детей, который носит такое название. Вряд ли французские коммерсанты назовут магазин детских принадлежностей "Éléphant rose", слишком отрицательным будет коннотативный фон названия для национального языкового сознания. Речь здесь идет о разном способе репрезентации одних и тех же явлений в языковой картине мира двух социумов и о национально-культурном своеобразии восприятия языковых фактов.

В этом плане интересно отметить употребление зоонимов в идентичных коммуникативных ситуациях. Русский напивается “как свинья”, а француз - “как корова”. Ясно, что эти определения тесным образом связаны с предметами материального (в частности, животного) мира с их значимостью и отношением к ним представителей каждого этноса. Корова для русского это всегда “кормилица”, “коровушка”, “буренка”, а свинья - “грязь”, “неопрятность”, “неряха”, “непорядочность, подлость (подложить свинью)”, “невежество (метать бисер перед свиньями, как свиньи в апельсинах разбираться)” и пр. Правда, слово “корова” может быть синонимом слова “толстуха”, но пьют все же “как свиньи”.

Наименование “корова” для француза имеет другие коннотации. Во-первых, это ругательное слово: *peau de vache* - мразь, подонок, гад, шлюха, потаскуха; *la vache!* - черт возьми! Во-вторых, оно выражает идею трудности, жесткости (жестокости), коварства: *le singe est vache avec nous, un problème vache, un vache de coup, amour vache*. В третьих, основа слова является семантическим интенсификатором: *c'était vachement bath* (это было потрясающе здорово), *elle est vachement bien* (она чертовски хороша), *on s'est vachement rigolé* (мы здорово повеселились).

Интересно отметить, что наименования “корова” и “свинья” контекстуально взаимозаменяемы при переводе: *il a agi vachement avec elle* (букв. ‘он поступил с ней по-коровьи’) - он обошелся с ней по-свински; *il m'a fait une vacherie* (букв. ‘он сделал мне коровство, подложил корову’) - он подложил мне свинью. Такое употребление рассмотренных зоонимов функционально обусловлено с точки зрения характеристик семантического поля и коннотативных смыслов для каждого из языков.

Часто можно услышать о том, что русские пьют, чтобы напиток (забыться, отвлечься от наболевших проблем), а французы, дабы получить удовольствие или насладиться букетом напитка. Понятно, что и те, и другие всегда могут найти повод для того, чтобы “отключиться”, но для русских

не более свойственна первая тенденция, о чем говорит конкретика соответствующего речевого поведения.

Нельзя не отметить и наличие полностью адекватных выражений, что подчеркивает устойчивость традиции в потреблении горячительных напитков у представителей двух наций и ее отражении в языковом материале: пьяный мертвецки - *ivre mort*, в глазах двоится - *voir double*, готовый - *tûr, fait, à point*.

Следующий пласт лексико-семантического материала касается сферы эмоционального отношения к глупости. Проблема дураков существовала в России всегда, да и во Франции их особенно не жалуют. Рассмотрим языковой материал, выражающий степень интеллектуального развития (в сторону уменьшения):

глупец	- <i>imbécile, sot</i>
дурак	- <i>con, connard</i>
болван	- <i>panouille</i>
тупица	- <i>manche</i>
бестолочь	- <i>ballot</i>
идиот	- <i>idiot</i>
кретин	- <i>crétin</i>
дурень	- <i>nave</i>
дурачина	- <i>andouille</i>
балда	- <i>cave, pomme, tête de neu</i>
оболтус	- <i>enclume</i>
остолоп	- <i>taré, cruche</i>
тормоз	- <i>lourd, il a encore ses valises à la gare</i> (<i>pose tes valises, t'es trop chargé</i>)
простофиля, разиня	- <i>cornichon, corniaud</i>
пентюх	- <i>plouc, péquenot</i>

дубина	- <i>lourdeur</i>
чурбан	- <i>blaireau*</i> , <i>abruti</i>
медный (толоконный) лоб	- <i>tromblon*</i>
набитый дурак	- <i>gros buffle</i>
олух царя небесного	- <i>à la franche marguerite*</i>
дубина стоеросовая	- <i>bête comme ses pieds*</i>
голова (башка) садовая (еловая, дубовая, мякинная)	- <i>tête d'éclaté, fomblard, loser, bas plafond, lent de comprenette</i>

Несомненно, очень непросто подобрать точные соответствия как для русских, так и для французских выражений. Мы опирались на ассоциативно-интуитивный принцип отбора, что не исключает относительную приблизительность перевода. Например, практически невозможно перевести выражения “олух царя небесного” и “дубина стоеросовая”, да и многие другие. Очевидно, что подобные обороты эмоционально очень насыщены, стилистически интенсивны и носят сугубо национальный характер.

Так, в русских наименованиях преобладает “древесный” признак для обозначения глупости (дубина, чурбан, голова еловая, дубовая). Можно вспомнить выражение “деревянные рубли” как символ малой платежеспособности российских рублей. Для русского важен материал, то, из чего сделан объект, его почти “реальная” осязательность (медный, толоконный лоб, голова мякинная). Следует отметить признак “незаточенность” (тупой, тупой), отсутствующий во французской парадигме.

Во французских высказываниях превалирует признак “заторможенность, неповоротливость” (*lent de comprenette* (букв. ‘медленно для понимания’), *lourdeur* (букв. ‘тяжесть’), *il a encore ses valises à la gare* (букв. ‘у него еще чемоданы на вокзале’), *pose tes valises, t'es trop chargé* (букв. ‘поставь чемоданы, ты слишком нагружен’). Речь как правило идет о косвенном (иногда прямом) наименовании внутреннего качества человека.

связанного с метафорическим переносом значения: *ballot* (букв. 'тюк'), *andouille* (букв. 'субпродуктовая колбаса'), *buffle* (букв. 'буйвол'), *cruche* (букв. 'кувшин'), *enclume* (букв. 'наковальня'), *cornichon* (букв. 'корнишон'), *corniaud* (букв. 'дворняжка').

Таким образом, ядерные признаки эмоционально заряженных наименований не совпадают в двух языках (для русского - материал и его обработанность, для французского - внутреннее качество), тогда как периферийные качества сходны (пассивность).

На основе проведенных сопоставлений употребления языкового материала можно сделать вывод о том, что наибольшее число национально маркированных коннотаций как правило выделяются на уровне максимальной интенсивности обозначающих, в рамках эмоционально заряженных контекстов разговорной аксиологии. В целом русские выражения более предметны и осязаемы, тогда как французские более абстрактны и умозрительны.

Итак, рассмотренные закономерности употребления, большая конкретность для русского и относительная абстрактность для французского, могут быть определены как *индикаторы* языкового поведения, отражающие специфику актуализации национальной языковой картины мира.

2.6. ВЫСКАЗЫВАНИЕ И КОНТЕКСТ: АВТОНОМНОСТЬ ИЛИ ЗАВИСИМОСТЬ

Большая контекстуальная зависимость высказываний представляет собой общую структурно-дискурсную тенденцию современного французского языка. Для русского языка характерна обратная тенденция.

В речи это проявляется следующим образом. Благодаря семантического согласования в русском языке и его отсутствию в французском (при достаточной контекстной конкретизации) русский язык использует видовой термин, а француз - родовой (Гак 1998, 561).

Так, говоря о встрече и расставании, в русском языке употребляются два глагола *здороваться* и *прощаться*, тогда как во французском языке в одной ситуации может употребляться один глагол *saluer* (приветствовать при встрече и расставании), охватывающий два противоположных значения. Для адекватного понимания французского глагола необходимо знание конкретной коммуникативной ситуации.

Французское *Bonsoir* может пониматься как "вечернее приветствие" и "вечернее прощание", по-русски же всегда надо уточнять - *Добрый вечер* и *До свидания*. Приведенные русские высказывания не требуют контекстной соотнесенности, смысл понятен из непосредственной семантической наполненности составляющих. Во французском приветствии-прощании заложена своеобразная национально-культурная прагматика, ориентированная на соотнесение с определенным коммуникативным контекстом.

Сфера эмоционально-оценочных актов представляет обширный материал для описания национально-культурной специфики коммуникативного поведения, в частности, тенденций, представленных в данной главе.

Рассмотрим употребление во французской и русской речи междометий (междометных образований), которые каждый раз должны идентифицироваться ситуационно, так как одно и то же слово может выражать целую гамму противоположных чувств.

Например, междометие *(La) Purée!* передает, в зависимости от контекста: ожесточение, грусть, горечь (*вот несчастье! вот досада! вот беда!*) или, наоборот, восхищение, удивление (*вот здорово! вот те на!*).

- Oh, la purée! Qu'est-ce qu'on fait avec cette pagaille?

- La purée, Rachid! C'est ça ton nouveau brancard [ta nouvelle amie]? Un

jeû petit quatre heures! (C. Roudé, Rue Paradis.)

В первом случае лексема выражает *негативное* отношение к событиям, во втором - ярко *положительное*, но в том и другом высказывании употреблено одна и та же лексическая единица, значение которой может быть выявлено только в пределах конкретного коммуникативного контекста.

Русские эквиваленты, как правило, прямо указывают на негативность/позитивность передаваемых эмоций, их значение выводится из непосредственного лексического корпуса высказываний.

В один ряд с многозначными, контекстуально обусловленными французским междометиям можно поставить следующие разговорные выражения, которые всегда связаны с особым эмоциональным состоянием говорящего:

(C'est) la crise! -

1) приступ, нервный припадок; истерика;

2) веселье, смех, "умора", "животики надорвешь".

С одной стороны, эта реплика передает интенсивное чувство удивления или радостного изумления, с другой - чувство уныния или отвращения:

- Hier, on a été à la boîte, on s'est défoulé à fond, c'était la crise!

- Au fait, je me suis teint les cheveux, tu verras ça, la crise, ça a raté. Ils sont presque verts. (H. Prudon, Plume de nègre).

(Etre) Too much

Займствованное из английского языка выражение двойственное по употреблению.

В позитивном смысле:

- Mais après tout, peut-être existait-il maintenant des pompes funèbres branchées, susceptibles de fournir à la demande des formules-types de désespoir: "A ma louloute bien-aimée, son mec en plein flip." "T'était too much minette, je surmonterai jamais la crise." (Marie & Joseph, *La Grande Arpente*.)

В негативном смысле:

- Il débarque. Lolotte est là. Ils se connaissent. Ils se sont souvent croisés. Bonjour-bonsoir. Pas plus. C'est pas tellement son genre à JJ. Il la trouve trop folingue, trop feignasse, trop... Trop, quoi! Too much. (C. Sarraute, *Allô Lolotte, c'est Coco*.)

(C'est le (du) délire! -

а) это здорово, классно; клево!

б) это ужасно, жуть (жутко).

В положительном аспекте:

- On a vu le clip de Chamfort. Super! Le délire! (M. Nahum-Valensi et C. Atlas, *Les Ados*.)

В отрицательном:

- Je me suis complètement planté en histoire: le délire!

Demain il fera jour - оставим дело на завтра (≈ будет день, будет пицца)

В позитивном смысле означает - завтра разберемся, завтра все уладится:

LE PETIT: Qu'est-ce qui est arrangé?

JEAN-SEBASTIEN: Ta grand-mère. Elle arrive. Elle va pas être longue. Elle demeure à deux pas. Comme moi, je dois partir, elle va te prendre en main. Et demain... et demain... Demain il fera jour. (R. Forlani, "Grand-père" dans *L'Avant-Scène Théâtre*.)

В негативном смысле - завтра дела могут пойти хуже, все может испортиться; я вас все равно достану:

- [...] je demanderai à M... heu... Legrand, de passer demain matin au commissariat pour qu'on examine ses papiers... heu... de près. Bonsoir, messieurs, et bonne fin de repas.

Et il s'est retourné vers Babouche:

- Ici, c'est pas un lieu public, c'est ton arrière-salle, c'est privé. Mais demain, il fera jour. (A.D.G., *La Divine surprise*.)

Нельзя не отметить, что в русской речи также можно услышать многовалентные междометные высказывания, выражающие ряд разнообразных чувств - неожиданность, удивление, иронию, возмущение, восхищение, удивление, горечь, досада: Вот те на! Ну и ну! А! Вот как! Ну!, Ах!, Вот как!, Каково! Кто бы мог подумать!, Вот так! (все они могут переводиться одним словом - *tiens!*, которое всякий раз надо соотносить контекстуально), Надо же! Ну ты даешь! (Вы даете!).

Приведенные речения сопровождаются специфическим интонационным контуром, от которого в большой степени зависит их смысловая интерпретация. Такое же явление присуще и некоторым французским междометиям (*Ah!, Aïe!, Oh!, Eh!, Tiens!, Allons!*) каждое из которых прагматически многозначно.

Если функционирование междометий в чистом виде имеет примерно идентичные параметры в двух языках (в плане семантики и прагматики), то приведенные французские фразеологические междометные выражения отличаются двойственным характером семантики, то есть, их собственное и прагматическое значения расходятся. Русские же соответствия актуализируются в основном на уровне предметно-логического значения, которое вытекает из дескриптивной семантики языковых единиц, иначе говоря, прагматическое и прямое значения речений, как правило, совпадают.

Проведенный анализ языкового материала позволяет сделать следующее заключение:

а) эмоционально маркированные языковые единицы в большей степени наделены национально-культурными чертами, стилистически нейтральные элементы;

б) во французском речевом функционировании наибольшей контекстуальной зависимостью обладают междометные фразеологические образования, которые как правило требуют конкретной ситуационной соотнесенности;

в) в русском коммуникативном поведении значение большинства аффективных высказываний (на уровне непосредственного семантического содержания) прямо совпадает со смысловыми выводами лексического корпуса, не требуя дополнительной контекстуальной соотнесенности.

В русле отмеченных тенденций, целесообразно напомнить о том, что на уровне восприятия (понимания) русской и французской речи иностранцами отмечается следующее соотношение: французский языковой материал труднее понимать, но легче употреблять, тогда как русский - легче понимать и труднее употреблять (Гак 1966, 93). Иными словами, понимание французского слова как правило ограничено сферой определенного контекста, а понимание русского - такими рамками не связано.

Отмеченные особенности отражают определенные национальные черты языкового поведения. В выборе языковых средств французы более связаны социально-психологическими установками, что в известной мере делает их речь конвенциональной, формальной. Для русского речевого поведения более характерными представляются неформальное общение и относительная независимость от иерархических социальных условностей.

2.7. РЕЗКОСТЬ / КОРРЕКТНОСТЬ В СТРАТЕГИЯХ ВЕДЕНИЯ ДИАЛОГА

Известно, что диалогические стратегии носят ярко выраженный эмоциональный характер. В одних и тех же ситуациях коммуникативное поведение представителей разных этносов может строиться по разным сценариям и оцениваться иначе.

Для русского и славянских народов вообще специфична довольно большая свобода в выражении эмоций. Эта особенность отмечается многими исследователями (Вежбицкая 1996; Шаронов 1999). Эмоциональный способ ведения диалога свойствен многим языковым культурам, но у русских часто носит характер шутливой перебранки, препирательств, вплоть до грубо-разговорных форм. Как писал В.М. Шукшин: "Если русский человек ругается, значит он прав". Такой способ ведения разговора является частью так называемой "инвективной стратегии поведения", которая демонстрирует пониженную знаковость: коммуникативные проявления здесь часто выступают отражением эмоционально-биологических реакций (Горелов, Седов 1998, 143).

Французский стереотип поведения предполагает достаточно жесткий контроль над эмоциями. Для него более важно не столько выразить чувства, сколько их продемонстрировать.

Очень ярко проявляется специфика национального поведения в употреблении в речи так называемых коммуникативов, то есть *упрощенных коротких диалогических реплик*, которые служат для передачи конкретного речевого намерения или эмоции. Содержание коммуникатива выражается в спонтанной реакции на явление, ситуацию или высказывание.

Сравним использование реплик в рамках стратегий ряда "Возражение", когда говорящий выражает резкое неприятие предположений

и / или утверждений собеседника. Подобная стратегия может быть передана фразой-прототипом: "Ты говоришь неправду".

Рассмотрим синонимическую группу коммуникативов с опорным словом *врать*:

Врешь!; Да брось ты врать!; Ври больше!; Врешь ты все!; Ври, да не завирайся!; И все-то врет! Да будет тебе врать! Да не ври ты! (Шаронский 1999, 60).

Данные реплики носят разговорный и просторечный характер и могут оскорбить адресата и осложнить отношения между собеседниками, так как они прямо и в резкой форме говорят о том, что собеседник врет.

Иная картина во французских репликах, в них, как правило, никогда нет глагола "*mentir*" (врать): *Balivernes!* (Вздор!) *Billevesées!* (Ерунда!) *Fariboles!* *Calembredaines que tout cela!* *Rien qu'des piperies, y raconte!* *L'gros mytho qu'il (elle) nous a fait!* Французские высказывания не говорят прямо, что человек лжет. Они более дистанцированы от объекта обсуждения, чем русские коммуникативы.

Следует отметить, что грубость русских реплик может нейтрализоваться в определенных ситуациях общения, когда адресат положительно, но слишком эмоционально реагирует на сообщаемую ему информацию (неожиданная приятная новость, бешеный успех, приятный исход какого-либо дела и пр.):

"Много сняли с волости? - Сорок тысяч. - Врешь! - Зачем мне врать? - Ядрена репа, сорок тысяч! - Сорок тысяч пудов. - Ну, бей вас кобыла задом, молодцы! Молодцы! (Б.Пастернак, *Доктор Живаго*)".

Здесь уместно сказать о перлокутивном эффекте подобных реакций, когда смысловой вывод (эффект) не вытекает непосредственно из семантики составляющих высказывание языковых единиц. Реально человек не врет, а семантика глагола указывает на обратное (*Врешь!*), но реципиент, основываясь на

своей национальной языковой и коммуникативной компетенции, адекватно воспринимает смысл реплики.

Дословный перевод русских выражений (*Ядрена репа, бей вас кобыла* и т.д.) на французский язык делает проблематичным понимание их смысла иностранным собеседником. Эквивалентами будут очевидно так называемое слово-отмычка *merde!* или выражения типа *c'est pas possible!*, *formidable!*, *incroyable!* или супермодные *d'enfer!*, *cool!*, *mortel!* *hyperpuissant!*. Французские высказывания, несмотря на высокую степень интенсивности, не являются грубыми и не обладают перлокутивным эффектом русских соответствий.

В плане возможности нейтрализации грубых реплик в русском коммуникативном поведении рассмотрим разговорные выражения с эпитетом "сукин" - *сукин сын, сукины дети, сукин кот*. Все они входят в состав бранных выражений: - Дурак! Я тебе в морду дам! Чувствуя, что этого недостаточно для выражения ненависти, он подумал и прибавил: - Мерзавец! Сукин сын! (Чехов, *Стень*.) [Гусев] крикнул марсианину: - Да будет тебе орать, сукин кот. (А.Н. Толстой, *Аэлита*.)

Вместе с тем русские высказывания могут употребляться в сугубо положительном аспекте, если речь идет об аффективно заряженном контексте. Например, для выражения восхищения от сделанного: - Ну, сукины дети, какой дом оттрохали! Для передачи чрезмерной радости по поводу успехов сына: - Мать, полюбуйся, молодец, сукин сын, без двоек *Дневник* - то! Грубость реплик снимается в подобном эмоциональном контексте, первые воспринимаются русскими реципиентами не как ругательства, а как допустимые и вполне уместные оценочные высказывания, имеющие высшую степень положительности.

Французскими соответствиями будут: *fils de pute, salopard, salope*. Все эти бранные термины употребляются для выражения презрения, ненависти,

отвращения. Они не могут нейтрализовать свой грубый семантический потенциал в подобных русским контекстах. Сфера их употребления ограничена определенными стилистическими (этикетными) рамками.

К специфической стратегии ведения беседы можно отнести все более распространяющееся употребление в речи пейоративной, вульгарной лексики, выходящей за пределы нормативных словарей. В русском языковом сообществе такое явление носит название "мат". Как заметил один из представителей российского итэблишмента: "Мы матом не ругаемся, мы им с ним разговариваем" (П.П. Бородин, "Урмас Отт", 4.12.99, РТР.).

Исследователи отмечают общую тенденцию к "презрительному отношению к обозначаемому" (Граудина 1996, 157). Можно привести примеры "трансформации" некоторых выражений: вместо "тихий ангел пролетел" (по поводу внезапного молчания), теперь можно нередко услышать "где-то мент сдох", раньше "милому сто верст - не околица" сейчас - "для бешеного кобеля и сто километров не преграда".

В качестве иллюстрации представим явно "неджентельменский" набор расхожих речений:

"Ты что, рехнулся? Ей это идет, как корове седло. Чего ты воешь? Хорошая девочка, главное - не выпендриваться! Саша, какой кобеля ты не спишь? Мы так ржали. Выронишь из кармана, потом будешь вякать! Чеши отсюда. Девки, там та-кое! Ни фига себе! Дерьмократия. Фашисты. Мразь. Мрак. Ни кожи ни рожи. Стали, как столбы, не проходят. Куда ты платок захала? От такого и слышу".

Но это далеко не полный перечень грубых высказываний. Особенно в устах подростков, услышишь и не такое. Государственные деятели с экрана телевизора также позволяют себе высказываться в воровском жаргоне. "Мочить в сортире" уже вошло в активный лексикон теле- и радиоведущих.

Французские политики вряд ли позволят себе сказать: "*Démolir les autoristes jusque dans les chiottes*". Но дело здесь не в том, что французы исключают русских. В русской тактике ведения разговора подобный императивный элемент допустим, иногда даже необходим. Он говорит об особой уверенности человека в себе и отражает матчи́стский настрой собеседника, который часто импонирует русским. Как отмечает Л.И. Скворцов: "Потребность в "бесцензурном" разговоре возникает и в узкой компании, и один на один с собеседником - из желания проявить дружеское расположение, социальное равенство: мы, мол, с тобой свои люди, все у нас запросто, по-домашнему. Но есть и так называемый строгий начальственный мат - из желания унижить подчиненного, проявить над ним свою власть, заведомо зная, что не будет никакого отпора" (Скворцов 1996, 54).

Несомненно у французов также имеется определенный набор бранных слов, но они социально более четко дифференцированы и, в какой то мере, более безобидны. Самое грубое из них *Nique ta mère* можно услышать в устах французских юмористов, пародирующих речь современной молодежи, но никогда, например в компании, где присутствуют представительницы слабого пола.

Приведем в качестве иллюстрации группу высказываний с опорным словом *va-t'en* (уйди!, убирайся!), со стилистическими пометами:

классическое: *Va voir là-bas si j'y suis! File! Vire! Largue! Mets les adjas! Tire-toi! Gicle! Mets les voiles! Fous le camp! Va! Pars! Fais la malle! Taille-toi! Du vent! Du balai! De l'air! Trace! Barre-toi! Casse-toi! Décampe! Débarrasse le plancher! Dégage!*

живописное: *Allez, fuse! Va à Dache! File ton noeud! Valise! Va te faire voir chez les Grecs!*

вульгарное: *Barre tes couilles! Va te chier! Va te faire chier dans les doigts! Va te faire enculer/ mettre/ foutre, etc*

актуальное, не будучи супермодным: *Va mourir!*

модное: *Bouge de là! Fais cassos! Descrathe! Démoule! Va à chaille!*
Bartek! Gagedé! Gage-dédale! (Merle 1997,269-270).

Все эти выражения четко дифференцированы социально. Каждое из них имеет определенное стилистическое поле функционирования. Нельзя не отметить более разветвленную вариативность и большую образность французских выражений по сравнению с группой русских высказываний: *Иди отсюда! Уйди, проклятый! Пошел ты (куда подальше)! Вали отсюда! Исчезни! Скройся с глаз моих! Чтоб глаза мои тебя больше не видели! Убирайся! Пошел вон! Собирай свои манатки! Проваливай! Двигай отсюда! Катись колбаской по Малой Спасской! Скатертью дорога!* и пр. Практически все русские высказывания могут быть употреблены представителем любой социально-культурной группы населения, так как резкость первых является привычной и часто они могут быть сказаны в шуточной форме со специфическим интонационным контуром: “Ну, умори животики надорвешь, скройся с глаз моих, нету сил больше смеяться!”. “Уйди, проклятый! Не для тебя цвету, а для офицеров...”.

К резким стратегиям ведения разговора можно отнести группу коммуникативов, которые за внешней невежливостью, являются однако достаточно приемлемым и привычным способом успокоения собеседника: *Чепуха! Вздор! Глупости! Ерунда (Ерундистика)! Чушь! Бред! Абсурд! Фигня!*

Если собеседник понимает приведенные выше успокоительные (восхищенные) реплики буквально, в ответ может последовать негативная реакция. Вместе с тем негативный фон нейтрализуется, когда приведенные реплики передают подбадрывающую реакцию на опасения или неуверенность себе собеседника: *Ерунда, не бери в голову! Чепуха, все будет тип-топ! Чушь собачья, все у тебя получится! Абсурд, это от нас никуда не денется! Здесь можно добавить следующие успокоительные реплики: Брось! Наплюй! (разотри)! Все образуется! Забудь! Выбрось из головы!* и пр.

Французские способы успокоения собеседника несколько отличаются от своих русских эквивалентов. Для выявления указанных тенденций сравним приведенные русские высказывания с французскими, выражающими желание успокоить собеседника с опорным словом *laisse tomber!* (брось!):

Laisse tomber! Laisse décanter! Laisse béton! Laisse sur le vert! Laisse tout en plan! Pète dans la main! Arrête la boucherie! Passe à autre chose! Tourne la page! Lâche les dés (les baskets, les bretelles, l'affaire, la manche, le coude, le tergal)! Zappe! Jette tes plans! etc.

В большинстве своем русские реплики отличаются большей резкостью в передаче мысли. Подобная речевая стратегия позволяет говорящим эмоционально разрядиться, снять напряженность ситуации. Очевидно, что французские реплики выполняют подобные функции, но с точки зрения используемых языковых средств их скорее можно отнести к более смягченным (косвенным) типам высказываний, благодаря, в частности, метафоричности многих из них: *Laisse sur le vert! Pète dans la main! Arrête la boucherie! Tourne la page! Lâche les dés (les baskets, les bretelles, l'affaire, la manche, le coude, le tergal)! Zappe! Jette tes plans! etc.*

Таким образом, рассмотренные речевые явления позволяют говорить об относительной резкости русских диалогических стратегий и большей корректности французских. Речь здесь идет о различных стереотипах языкового поведения, отражающихся в определенных закономерностях отбора конкретного языкового материала и имеющих свою национально-культурную специфику.

2.8. КОНТАКТНАЯ ПРОКСЕМИКА / ДИСТАНТНАЯ ПРОКСЕМИКА

Для представителей российского этноса знаковым является поведение, образно резюмируемый следующей фразой: "С русским человеком надо говорить, его нужно держать за руку (Н.С. Михалков "Итоги", 26.09.99, НТВ)". Эти слова можно было бы поставить в качестве эпиграфа к данной главе. Они говорят о важной роли физического и психологического контактов в русском языковом поведении.

Действительно, невербальный компонент общения, коим является прикосновение, служит для русских симптомом особой доверительности собеседников. Параллельное разговору держание за руку коллеги по работе (подчиненного, занимающего подобный пост, начальника), часто говорит об уровне знакомства "на короткой ноге". Для французов этот жест менее свойственен и выступает скорее как элемент индивидуальных поведенческих характеристик.

Автором термина "проксемика" является американский психолог Эдуард Холл и означает он направление исследований об особенностях освоения человеком личного и общественного пространства на основе данных кинесики, которая изучает невербальное коммуникативное поведение людей (Фаст, Холл 1997). В лингвистике этот термин обозначает наличие или отсутствие дистанции между говорящими. Как отмечает В.Г. Гак: "Общение на французском языке характеризуется более дистантной психологической проксемикой" (Гак 1998, 585).

Использование различных форм лица при обращении к собеседнику является одной из национально-культурных особенностей двух этносов. В разговорных репликах французского языка наблюдается такая последовательность частоты ориентации на лицо: 1 - 2 - 3, в русском наоборот: 3 - 2 - 1 (Гак 1998, 586).

Надо сказать, что ориентация реплик на 2-е лицо выдвигает на первый план конативную (побудительную) функцию языка, направленность же на 1-е лицо связана с эмотивной функцией. Эмотивная функция языка определяет (фиксирует) отношения между коммуникативной информацией и адресантом. Иными словами, выражает отношение говорящего к предмету речи. Для русского языкового поведения более характерен обязательный (часто приказной) модус высказываний, для французского аффективный (субъективный) статус речений.

Сравним русскую и французскую форму просьбы о помощи:

Скажите пожалуйста, как добраться до вокзала = *Je cherche la gare, s'il vous plaît* (букв. 'Я иду вокзал, пожалуйста'); Помогите, пожалуйста, подтолкнуть машину, мотор заглох = *Pardon, Monsieur, vous 'pourriez pas m'aider s'il vous plaît, à pousser la voiture* (букв. Извините, Месье, вы не могли бы мне помочь, пожалуйста, подтолкнуть машину).

Мы видим, что говорящий по-французски в большей степени дистанцируется от собеседника (в первом случае проблема берется адресантом на себя в рамках употребления местоимения первого лица единственного числа), русский же адресант в значительной степени вовлекает собеседника в решение своей проблемы, прямо обращаясь к его потенциальным возможностям (повелительное наклонение). Иными словами, речь идет о реализации специфических принципов ведения разговора, в первом случае, мы имеем дело с дистантной проксемикой, во втором - с ее контактной разновидностью.

Установление первого контакта также характеризуется рассматриваемыми тенденциями. Так, во Франции для привлечения внимания часто используются слова: *s'il vous plaît* (пожалуйста), *excusez-moi* (извините меня), которые можно рассматривать в качестве контекстуальных синонимов; *tout le monde, on s'embarque, vite!* - Пожалуйста, быстро все загружаем (в автобус); *S'il vous plaît, Madame, ne pourriez-vous pas me dire...*

- Пожалуйста, мадам, не могли бы вы сказать... и пр. В приведенных коммуникативных ситуациях "пожалуйста" является не только атрибутом вежливого общения, а замещает директивные речения разной стилистической принадлежности: *Attention! Prenez garde! Chaud devant, je tache! Attention les yeux (les vélos)! Vingt-deux! etc.*

В русском ситуативном контексте слово "пожалуйста" не является синонимом слов "простите", "извините" и не используется в функции привлечения внимания. Иными словами, не рекомендуется начинать свое обращение к незнакомцу только со слова "пожалуйста" (оно может сопровождать слово "извините"). Во французском речевом поведении подобное употребление вполне уместно, даже необходимо.

По-русски принято привлекать внимание словами: (нейтральные) Можно (разрешите) вас спросить? Простите, пожалуйста, подойдите минутку сюда! Можно вам задать вопрос?; (вежливые) Извините! беспокойство! Не будете ли вы так любезны сказать?; (просторечные/грубые) Извиняюсь, дамочка! Эй вы там! и др. Во французском речевом этикете также имеется целый набор идентичных выражений, но дистанция *s'il vous plaît* обладает специфической национальной прагматикой, связанной с определенным типом членения окружающего пространства.

К контактной проксемике можно также отнести факт отсутствия в русской речи устоявшегося обращения к адресату. В общественных местах чаще всего, можно услышать следующие обращения: "Женщина!" "Мужчина!". Таким образом, общественно значимые различия между людьми сводятся к признаку пола и, в известной мере, коммуникативные уравниваются социально, становятся ближе, сопричастнее.

Известно, что у французов существует три вида официальных обращения к собеседнику (собеседнице): "*Monsieur*", "*Madame*", "*Mademoiselle*". Первое соответственно к особе мужского пола (совершеннолетнему), второе - к женщине (совершеннолетней и замужней).

последнее - к пезамужней женщине. К тому же, обращаясь к многочисленной аудитории (если присутствуют и мужчины и женщины), принято говорить: "*Mesdames et Messieurs* (букв. Госпожи, Господа)", "*Bonjour à toutes et à tous*". Последнее обращение практически невозможно перевести буквально, так как в русском языке не существует формы женского рода множественного числа для кванторного прилагательного "весь". Во французском языке слово "*toutes*" обозначает всех присутствующих особ женского пола.

При обращении президента республики к нации можно услышать следующее обращение: "*Françaises, Français...*" (букв. Француженки, Французы...). Гендерная дифференциация французских обращений обусловлена историческими и социально-культурными факторами, и ее можно отнести к дистантной стратегии речевого общения.

По-русски так обращаться к аудитории не принято. Можно, конечно, вспомнить достославное сталинское обращение к советскому народу в 1941 году - "Братья и сестры!", но это уникальная фраза привязана к определенному историческому контексту и говорит об "особенном" душевном состоянии вождя народов. Ее нельзя рассматривать как типичное высказывание. Тем не менее, прагматический смысл подобного обращения очевиден: в критический для страны момент Сталину подсознательно (или сознательно) хотелось быть ближе к многострадальному русскому народу, который защитит, защитил и спас от фашистов. Этот языковой факт можно рассматривать в качестве своеобразного проявления контактной проксемики.

Во Франции, когда клиент (клиентка) входит в магазин, продавец, как правило, говорит одну из следующих устойчивых фраз: "*Que puis-je faire pour vous?*" (букв. "Что я могу сделать для Вас?"); "*En quoi puis-je vous être utile?*" (Чем могу быть полезен?); "*Que désire Madame (Monsieur)?*" (Что желает Мадам; Месье?); "*Ça serait pourquoi Madame la cliente (Monsieur le client)?*" (букв. "Это было бы почему, Мадам клиентка; Месье клиент?"); "*Je*

vous écoutez"(Я Вас слушаю); "*Vous désirez?*"(Вы желаете?) и пр. После сделанной покупки, продавец обязательно благодарит покупателя, желая ему хорошего дня (вечера) и прощается: "*Merci Madame (Monsieur) et bonne journée (soirée), Au revoir*" etc.

В России фраза "Что желаете (изволите)?" канула в Лету. Продавцы чаще молчат и практически не говорят "спасибо", скорее покупатель слова благодарности, да и то их можно услышать все реже и реже.

Как видим, приведенные французские высказывания семантически и прагматически дистанцированы от адресата. Говорящий как бы находится в состоянии утливового ожидания, не навязывая свои услуги (мнения), но всегда в готовности выполнить желание клиента.

К языковым проявлением контактности / дистантности коммуникативного поведения можно отнести употребление меронимических выражений, то есть высказываний со словами, обозначающими части тела. Многие специфически русские фразеологизмы с наименованиями частей человеческого тела, используемых для установления контакта (рука, глаза) "сбыть с рук" (*se défaire de qqch, refiler*), "махнуть рукой на что-л". (*faire son deuil de qqch, renoncer*), "чужими руками жар загребать" (*se faire tirer les marron du feu*), своя рука владыка (*quand on est le maître on fait ce qu'on veut*), "с пьяных глаз (под пьяную руку)" (*en état d'ivresse*), хоть глаз выколи (*on n'y voit goutte*), у страха глаза велики (*la peur grossit tout*), сказать правду в глаз (*dire à qqn ses quatre vérités*), не в бровь, а в глаз (*en plein dans le mille*) и пр. не имеют аналогов во французской фразеологии (в плане содержания и внутренней формы) и переводятся как правило более общими, отвлеченными словами и словосочетаниями: сбыть с рук - избавиться, отказаться; махнуть рукой - отказаться; с пьяных глаз - в состоянии опьянения; своя рука владыка - когда ты хозяин, тогда и делаешь, что хочешь и пр.

В последнем выражении, например, понятие "руки" имплицитно связано со словом "хозяин (*maître*)", а понятие "абсолютной власти" (владыка)

представляется нейтральной глагольной конструкцией "делаешь, что хочешь (*fait ce qu'on veut*)". Иными словами, во французском языке имеет место дистанцированный принцип обозначения, тогда как в русском - его более контактный вариант.

Во всех приведенных случаях русский язык использует метонимические смещения смысла для передачи определенного содержания, используя наименование максимально контактной части тела "рука". В русской языковой парадигме эта лексема может быть рассмотрена как специфическая национально-культурная единица в большей степени, чем во французском языковом поведении. Очевидно, что слово "рука - *main*" является семантической универсалией, но для русского коммуникативного поведения оно обладает специфически национальной значимостью как в плане языковой системы, так и в плане узуального функционирования.

Для французского языкового употребления слово "*main*" не менее характерно и является носителем целого ряда определенных концептуальных признаков, но в аспекте описываемых тенденций, по нашему мнению, оно не имеет ярко выраженных национальных черт и относится к универсальным семантемам Старого Света.

Таким образом, в рассмотренных речевых и языковых фактах проявляется своеобразная для каждого языка *степень заинтересованности говорящего в сообщаемом*, что отражается в определенных тенденциях речевых стратегий: большей контактности для русского и большей дистантности для французского языкового поведения.

2.9. СОБОРНОСТЬ / ПАРТИКУЛЯРНОСТЬ

“Словарь русского языка” под редакцией С.Г. Бархударова следующее определение слова “соборность”: *Книжн. устар. Свойство прил. соборный (во 2 знач.); коллективное, общественное начало. В России - полагал он, в отличие от Запада, господствует не личностное начало православная соборность, противостоящая индивидуализму.* Ермилов, Ф.М. Достоевский. Как известно, великий русский писатель очень эмоционально воспринимал следующие строчки М.Ю. Лермонтова:

... Но подавили грудь и ум
Непроходимых мук собор
С толпой неусыпимых дум.

(перевод из Байрона)

“Целая трагедия в одной строчке! - воскликнул Достоевский. - Одно слово “собор” чего стоит! Чисто русское слово, картинное. Удивительные стихи!” (Скворцов 1996, 26).

В советское время коллективизм становится официальной идеологией и любое проявление “индивидуалистических поползновений” пресекается зародыше. В наше время слова “соборный” и “соборность” стали символами духовного обновления России. Можно сказать, что коллективное начало было и остается национальным базовым компонентом русского менталитета.

Слово “партикулярность” происходит от латинского *particularis* - частичный, частный. По отношению к французскому языковому поведению данное понятие понимается в данной работе в смысле близкого декартовскому “партикулярному естеству”: “Мысль не есть обобщающее виды, а некоторое партикулярное или *единичное естество* (*une nature particulière*), принимающее их в себя, т.е. в себе содержащее своим расположением” (Descartes 1953, 1308). Этот термин используется

обобщения индивидуального (до индивидуалистического) начала в парадигме мышления (поведения) французской этно-культурной общности.

Характерно, что в докладе правительственной комиссии Франции 1976 года признается, что "однородность французской культурной жизни не только не усиливается, но, напротив, каждая социальная группа все больше замыкается в себе самой - каждая порождает и потребляет собственную культуру. Общая картина мозаична - здесь множество не соприкасающихся между собой водоворотов" (Зелдин 1989, 295). Подобная "мозаичность" обусловлена, в частности, индивидуалистичным (партикулярным) аспектом французского национального языкового поведения.

Сопоставим два концепта с точки зрения способа их вербализации в русском и французском языках. Так, "соборность" представителя русского этноса проявляется, например, в частом употреблении местоимения "мы" и притяжательных местоимений в определенных коммуникативных ситуациях. "Партикулярность" француза состоит в использовании топонима и в употреблении притяжательных местоимений (прилагательных) в идентичных ситуациях общения.

По нашему мнению, обе тенденции наиболее ярко проявляются в ситуациях, когда речь идет, например, о приглашении в гости или о выражении принадлежности к определенной национальной общности.

Так, русский, приглашая к себе домой или, говоря о собственной стране, употребит фразу типа: "Приезжайте к нам погостить!" или "У нас есть, что посмотреть". Кстати, привычка к использованию таких конструкций часто ведет к их переносу во французские фразы, чаще всего, на начальном этапе изучения языка, что ведет к речевым ошибкам: *"Venez chez nous!" и *"Chez nous il y a beaucoup de choses à voir". Француз избежит употребления местоимения *nous* и скажет скорее: "*Vous pouvez venir quand vous voulez à Ventabren*" и "*En France il y a plein de choses à voir*". Во второй фразе может быть использована следующая конструкция: "*Chez nous, en*

France ...". Она не может, тем не менее, употребляться без второй части (*France*), уточнение необходимо для адекватного понимания смысла высказывания.

Рассмотрим следующую ситуацию. Ведущий новостей говорит о выполнении российским подразделением боевой задачи: "*Наши десантники завершили операцию по блокированию боевиков*". Для французского слушателя фраза *"*Nos paras ont accompli la mission d'investissement de groupes paramilitaires*" звучит по меньшей мере двусмысленно. Французский ведущий укажет на точную принадлежность исполнителей задания к тому или иному подразделению или употребит родовое понятие: "*Les paras de la brigade du général Montrouge ...; Les paras français ...*".

В речи россиян также широко употребительны следующие конструкции с притяжательными местоимениями: "*А наши-то, продули*" (проиграли международный матч), "*Нам (Россия) бы дороги хорошие поменьше дураков*". Подобные обороты, *"*On les a eus, les nôtres ...; *Si nous avions les meilleures routes et moins de cons chez nous*, несвойственны речи представителей французского этноса, примерными соответствиями будут "*On les a eus, les français ...; Que les routes soient de meilleure qualité et moins de cons en France ...*". Иными словами, французские высказывания рассматриваемого типа требуют точной локальной и национальной соотнесенности, тогда как русские участники общения не нуждаются в подобном уточнении для адекватного понимания сообщения.

Представляет интерес употребление местоимения "мы" (вместо "ты" или "вы") при обращении, в частности, взрослых к детям в нежничайшей манере с особым интонационным контуром: "В каком же это мы классе?" "Какие уроки мы сегодня выучили?"; "Как мы себя вчера вели?"; "Кто из нас обидел?" и пр., или в состоянии эмоционального возбуждения для передачи негативного отношения к собеседнику: "Ты смотри, какие мы чувствительные (обидчивые)!"; "Чего это мы так разорались?", также

...ных (саркастических) репликах типа: "Куда это мы так летим?"; "Что это мы такие хмурые?" и т.д. В процедурном кабинете медсестра, приглашая пациента принять те или иные процедуры, говорит: "Сидоров, заходим в кабинку № 5, а Петров, ложимся на электрофорез" (местоимение "мы" непосредственно не употреблено, но используется 1-е лицо мн. числа глагола).

Использование местоимения *nous* (мы) в подобных ситуациях общения во французских высказываниях не принято. В данном случае может употребляться "местоимение-хамелеон" (Жак Селар) *on*: "*A-t-on été sage, mon enfant?*"; "*Eh bien! petite, est-on toujours fâchée?*"; ко взрослым: "*Qui regrette-t-on quand on est si belle?*"; "*On va bien aujourd'hui?*" etc.

В ситуациях, связанных с началом разговора (зачин) можно часто услышать высказывания с характерным употреблением местоимения *on*: "*On se fait une petite bronzette, Mademoiselle?*" (Загораем, девушка?); "*On s'amuse, Monsieur?*" (Развлекаемся, месье?); "*Alors, on ne dit plus bonjour?*" (А что, мы больше не здороваемся?); "*Eh bien, on continue à faire le méchant?*" (Ну что, продолжаем вредничать?).

В этих фразах разговорного стиля безличное местоимение *on* заменяет местоимение *tu (vous)* и употребление *nous* не соответствовало бы коммуникативным нормам французского языка. С точки зрения формальных средств выражения русские высказывания представляют собой отражение коллективного стереотипа поведения, тогда как французские - его индивидуальную ипостась.

Дихотомию соборность/ партикулярность можно выявить и в историческом аспекте на примере высказываний бывших правителей России и Франции:

НИКОЛАЙ II

Мы - Николай Второй

LOUIS XIV (Людовик XIV)

l'Etat c'est moi (Государство - это Я)

Как видим, для русского менталитета местоимение "мы" обладает *большой притягательностью*, нежели для француза. Всем известна русская поговорка: "Я - последняя буква в алфавите", которая используется как негативная реакция собеседника на чрезмерное подчеркивание, выпячивание своего "я", собственных заслуг, например, при сообщении о сделанном. Для француза ценностные характеристики местоимения "я" и его производных превалируют над коллективным "мы".

Партикулярность французского языкового поведения проявляется в национально окрашенном использовании возвратных местоимений (*me, se ...*) в экспрессивных высказываниях, которые подчеркивают, что действие совершается в пользу или в ущерб говорящего. Например: "*J'ai envie de boire un bon petit Martini (de me fumer une bonne petite cigarette, de me faire une bonne petite sieste); Je vais me prendre une bonne douche; Je vais m'allumer un délicieux cigare etc.*" (Parler au quotidien 1991, 28-29).

В приведенных высказываниях возвратные местоимения избыточны с точки зрения непосредственного семантического наполнения предложения, так как дублируют личные местоимения. Благодаря возвратным местоименным интенсификаторам, с одной стороны, усиливается эмоциональная окраска фразы, с другой стороны, подчеркивается индивидуально-психологическая ориентация смысла.

Во французском языке существуют устойчивые выражения с возвратными конструкциями, принадлежащие, как правило, разговорно-фамиллярному регистру: "*On s'en paye une bonne tranche* (Веселимся вовсю)"; "*Eh bien, tu te la donnes aujourd'hui! T'as vu le manteau que tu t'acheté? Oh il se la donne celui-là!*" (Ну, ты даешь сегодня! Прикупил же себе пальтишко! Во, дает!) (Parler au quotidien 1991, 28-29).

Если фразы с возвратными глаголами буквально перевести на русский язык, то мы получим предложения, несоответствующие грамматическим

интенсификативным нормам русского языка. Подобного употребления местоимений нет в русском языке.

В следующих высказываниях разговорного стиля снова выявляется маркерный французского языкового поведения:

"Fais-moi ton lit immédiatement!; Rebouche-moi ce trou en vitesse! Et vous allez m'éplucher ces dix kilos de pommes de terre, et vous allez me faire le plaisir de repeindre cette barrière en noir et blanc, genre camouflage zèbre; Rangez-moi votre chambre en vitesse!; Regardez-moi ça!; Regardez-moi ce travail!; Regardez-moi cet imbécile! etc." (Parler au quotidien 1991, 28-29).

В этих фразах местоимение *moi* не является заменителем адресата действия, оно лишь подчеркивает тот факт, что именно "я" выступает носителем повелительного наклонения.

В русских эквивалентах французских фраз употребление местоимений, как правило, отсутствует и используются элементы эмоционального синтаксиса (интенсификаторы - немедленно, сейчас (же), быстренько, ну ка, только и пр.): "Чтобы кровать была убрана, немедленно!"; "Ну-ка быстро заделай эту дыру! А вы, почистите десять кило картошки, ну а вы, доставьте удовольствие, быстренько перекрасьте эту ограду в черно-белый цвет, маскировка типа зебры!"; "Комнату убрать, сейчас же!"

Часто говорящий как бы призывает окружающих в свидетели: "Посмотрите-ка на это!"; "Полжуйтесь-ка на эту работу!"; "Взгляните только на этого дурака!.."

К проявлению соборной языковой психологии русских можно отнести употребление "дядя" и "тетя" для обозначения кого-либо, часто в беседе с детьми: "Еще есть другая загадочная личность - это тетя, которая подарила Грише барабан. Она то появляется, то исчезает" (Чехов, Гриша); при обращении к незнакомым или знакомым мужчине и женщине: "Дядя, дай десять копеек!" (И.Ильф, Е.Петров, Двенадцать стульев).

Во французской речевой практике нет подобного употребления. Слова *"oncle"* и *"tante"* обозначают лишь степень родства между конкретными людьми. В идентичных ситуациях, в первом случае употребляется *"Dame"*, во втором - *"Monsieur"*, то есть традиционные формы наименования и обращения: *"Dis merci au monsieur (à la dame)"* (Скажи дяде [тете] спасибо), но никак не: **"Dis merci à l'oncle (la tante)"*.

Так, дама обращается к мальчику четырех лет:

- *Tu n'as pas pu l'ouvrir (le coffre) toi-même, n'est-ce pas? Qui l'a ouvert?*
- *L'autre monsieur, a dit Titou.*
- *Quel autre monsieur?*
- *Celui qui conduisait ma voiture?*
- *Je ne sais pas [...]*
- *Le monsieur qui a ouvert le coffre, il n'a pas vu que tu regardais?*
- *Oui. Il m'a dit va-t'en. [...]*
- *Ecoute-moi. Il était comment ce monsieur? Il avait une cravate? Il avait des cheveux noirs?*

- *Il avait une cravate noire. Et une valise. (Sébastien Japrisot La dame dans l'auto avec des lunettes et un fusil)*

В идентичной ситуации в речи русских употребляется слово "дядя": "Тот дядя; Какой тот дядя?; Дядя, который открыл багажник; Как выглядел этот дядя?".

Фамильярное и дружеское обращение "брат" к мужчине, юноше, мальчику очень характерно для русских: "Что за оказия! Молчалин, ты, брат?" (Грибоедов, *Горе от ума*). В русском языке существует ряд выражений со словом "брат", не выражающих отношений кровного родства. **На брата** - на каждого. [Девушки] достали воды и бережно роздали ее по кружке **на брата**. Каверин, *Два капитана*; **Ваш брат** (обычно с приложением) - вы и вам подобные. **Наш брат** (обычно с приложением) - я и мне подобные. Отчего это молодые люди **нашего брата-старика** никогда

слушаться не хотят? Тургенев, Холостяк. Свой брат (обычно с приложением) - подобный кому-л. [Судья] никогда не затруднялся "для своего брата-дворянина одолжение сделать". Салтыков-Щедрин, Благонамеренные речи. (Словарь Русского Языка I т., 134).

Французскими эквивалентами приведенных высказываний являются: *Nous autres, les Français* (Наш брат-француз); *Nous autres* (Мы, наш брат); *Vous autres* (Вы, ваш брат); *Nous autres étudiants* (Мы, студенты; Наш брат студент); *Par personne* (На брата) etc.

Примечательно, что во французских высказываниях для передачи собирательного значения употребляется неопределенное прилагательное *autre* (другой, иной), которое выражает обособленность, инаковость, отличие членов указанной группы людей от любой другой.

Следует отметить, что во французском просторечии все же есть наименования, имеющие сходную с русскими двойную функцию:

Frangin m 1) разг. брат, братишка 2) прост. друг, приятель 3) прост. тип, мужик 4) прост. муж, любовник

Frangine f 1) разг. сестра, сестренка 2) прост. женщина, баба 3) прост. баба, любовница (Гак, Гаяшина *Новый Русско-французский словарь* 1995).

Frangin -ne n. Frère, soeur. Entré dans la langue populaire, et à ce titre figurant dans le Petit Larousse.

Citons-le pour l'emploi de "frangine" qui désigne également une femme et non simplement une soeur. □ EXEMPLE : *Y a des frangines qui rapportent et y en a d'autres qui coÛte grisol!* (Simonin *Petit Simonin* 1968); *Piérrot, mon gosse, mon frangin, mon poteau, mon copain* (*Le Nouveau Petit Robert* 1993).

Несмотря на частичное совпадение сфер употребления приведенных языковых единиц, французские имена имеют более узкое поле речевого применения по сравнению со своими русскими эквивалентами.

Как видим, в идентичных коммуникативных ситуациях использование терминов, обозначающих родственные отношения, менее характерно для французского языкового поведения. В более широком использовании терминов родства скорее всего проявляется специфический архетип поведения русского: подсознательная установка на семейные (родственные) отношения с окружающими людьми в рамках принадлежности к своему этносу.

В русле рассмотрения партикулярности / соборности языкового поведения следует отметить наличие в языках **фразеорефлексов**, застывших фраз, которые выражают относительно стереотипную реакцию на определенную ситуацию или вопрос (Гак 1995). Сопоставим французские так называемые именные фразеорефлексы (независимо от того, как зовут адресата, в высказываниях используются традиционно зафиксированные собственные имена) и их русские переводы:

<i>A la tienne, Etienne!</i>	- букв. 'За твое (здоровье), Этьен!' /
За твое здоровье!
<i>Pas de ça, Lisette!</i>	- букв. 'Только не это, Лизетта!' т.е.
нет, шалишь!
<i>En voiture, Simone!</i>	- букв. 'В машину, Симона!' /
Поехали! (как приглашение
отправлению на автомобиле, а также
шире побуждение к действию)
<i>Cool, Raoul!</i>	- букв. 'Остынь, Рауль!' т.е. Остынь!
Ну, остыли! Само собой! (призыв
к спокойствию, снятию напряженности)
<i>Relax, Max!</i>	- букв. 'Расслабься, Макс!' /
Расслабься!; Так, расслабились!
<i>Adieu, Berthe!</i>	- букв. 'Прощай, Берта!' т.е. Прощай!

кончено, с концами!; И привет, и
конец, и все! И отвалили!

- букв. 'Грей, Марсель!' т.е. Давай!
Жги!

Chauffe, Marcel!

Собственные имена, несмотря на отсутствие точной персональной
соотнесенности, в известной мере индивидуализируют коммуникативную
информацию. В русском языке практически нет именных фразорефлексов,
использующих собственные имена на основании так называемой внутренней
рифмы. Возможность двойного перевода (фр. 2-е лицо ед. числа ↔ русск. 2-е
лицо ед. числа/ 1-е лицо мн. числа) позволяет отнести французские
высказывания к выражению партикулярных тенденций речевого поведения.

В свете сказанного интересно сопоставить следующие французские
выражения и их русские соответствия:

Demain matin je vais chez mon dentiste - Завтра утром я иду к (букв.
моему) зубному врачу.

Parler de tes problèmes sexuels à ton oto-rhino? Là, tu payes ... -
Говорить о своих сексуальных проблемах с (букв. твоим) ухо-горло-носом
(врачом)? Ну, ты даешь ...

Индивидуальное начало французского языкового поведения
проявляется в специфическом употреблении притяжательных
прилагательных (*mon, ton*), указывающих на то, что говорящий всегда
обращается к одному и тому же врачу или имеет личного врача.

Для французской действительности это вполне закономерное явление.
У россиян существует участковый врач, но назвать его "мой" участковый,
можно лишь в минуту прилива сердечной нежности к компетентному и
внимательному доктору. Обычно его называют "наш участковый". В России
персональные врачи есть у хорошо обеспеченных людей, но их, как правило,
называют по имени и отчеству, что также является элементом "соборной"

ментальности. Так, социальные факторы воздействуют на языковые последние, в свою очередь, отражают поведенческие стереотипы каждой нации.

Рассмотрим короткий диалог, при переводе которого используется характерный для русского языкового поведения способ высказывания в русском рассматриваемых тенденций:

- <i>Comment ça marche?</i>	- Что у вас? (букв. 'Как идет?')
- <i>J'avance.</i>	- Работаем. (букв. 'Я продвигаюсь')

В этом примере отчетливо выражены соборность русского и партикулярность французского языкового поведения. В противоположность первому лицу единственного лица (je - я) французской реплики, в русском эквиваленте употреблено первое лицо множественного числа (работаем). Это очень характерный для русского менталитета нейтральный, ни к чему не обязывающий способ ответа, когда вместо ("ответственного") "я" употребляется ("безответственная") собирательная форма "мы": "Живем хлеб жуем", "Шумим, братец, шумим", "Вкалываем", "Развлекаемся" и т.д. Ситуативно во всех высказываниях может подразумеваться ответ от первого лица единственного числа, тогда как формальная структура указывает на первое лицо множественного лица.

В следующем примере проявляется специфическое для французского речевого поведения "собственническое" употребление притяжательного прилагательного. Поздний час, двое сидят в баре, беседуют. Один из них старый пьяница, у которого почти не осталось денег на выпивку, говорит:

- *Ecoutez, french boy, voilà ce qu'on va faire: on va boire le dernier av...*
l'argent de mon métro et je rentrerai à pied (San-Antonio, Baise-ball à La Baule)

Послушайте, french boy, вот что мы сделаем: выпьем по последней, у меня

еще остались деньги на метро, и я вернусь домой пешком (букв. 'Деньги моего метро').

Как видим, буквальный перевод не соответствует нормативной конструкции русского языка. В подобной ситуации русский никогда не скажет: 'Деньги моего метро'. Подобное употребление притяжательного прилагательного (*mon*) в определенной мере отражает индивидуалистические тенденции языкового поведения французов.

Индивидуализация информации и партикуляризм проявляется в следующих французских фразеологизмах: *Boire en Suisse* (пить в одиночку, букв. 'пить как швейцарец'); *Boire comme un Polonais* (напиваться, букв. 'пить как поляк'); *Parler comme une vache espagnole* (говорить на ломаном французском, букв. 'говорить как испанская корова'); *Parler français; en bon français; en français dans le texte* (говорить ясно, четко, откровенно, напрямик, букв. 'говорить по-французски; на хорошем французском; по-французски в подлиннике').

Дословный перевод этих высказываний на русский язык не представляется адекватным для понимания смысла русским реципиентом (за исключением прямого смысла выражений: *en bon français; en français dans le texte* - на хорошем французском; по-французски в подлиннике), то есть в их семантике ярко выражен национальный компонент и определенное отношение к представителям других наций. В приведенных выражениях может быть выделена известная сторона французского менталитета - болезненное чувство собственной исключительности, о которой писал Лафонтен:

Se croire un personnage est fort commun en France.

On y fait l'homme d'importance.

C'est proprement le mal français.

La sottise vanité nous est particulière.

Les Espagnols sont vains, mais d'une autre manière...

(Jean de La Fontaine, *Le Rat et l'Éléphant*).

В плане исследования дихотомии соборность / партикулярность следует отметить отсутствие слова “идентичность” в разговорной речи россиян в значении принадлежности к своей этнической группе. Французское *identité* обладает широким спектром значений: согласие, сходство, общность и т.п. Значение принадлежности к определенной этнической, социальной или культурной группе отражено в современном языке в словосочетаниях: *identité ethnique* (национальная принадлежность), *sentiment d'identité* (национальное самосознание), *carte d'identité* (≈ паспорт), *pièce d'identité* (документ, удостоверяющий личность), *papiers d'identité* (документы) (Брандт 1999, 23).

В русском языке слово “идентичность” употребляется только в книжной и научной терминологии в значении “тождество”. Естественно, понятие национальной принадлежности присутствует в менталитете русского этноса, но в речи оно всегда выражается с помощью целого ряда контекстуально дифференцированных высказываний: “национальное самосознание”, “чувство принадлежности”, “национальная традиция” и т.п.

В жестовом языке русских и французов можно также обнаружить проявление сопоставляемых тенденций поведения. Так, широко известный жест поднятия руки с целью привлечения внимания и обозначающий просьбу о разрешении говорить (“дайте слово”) передается, в русском варианте, поднятием руки с открытой ладонью, во французском - поднятием руки указательным пальцем вверх, остальные пальцы прижаты к ладони.

Соборность русского жеста выражается в том, что все пальцы поднимаются вместе, не выделяя ни одного из них. Интересно отметить, что в индоевропейской мифопоэтической традиции *рука* соотносится с понятиями: “дышать, дух”, “слово, звук”, “время, протяженность во времени”, “судьба”, “узел”, “небо, бог”, “зрение” и т.д. (Маковский 1996, 280-283).

Французская партикулярность проявляется в акценте на указательный палец в его конкретной индивидуальности. *Палец* в вышеуказанной традиции соотносится со значениями: “единство жизни и смерти”, “гармония и равновесие”, “разум”, “думать”, “змея, демон” и пр. (ibid. 258-259).

Как видим, символические значения сопоставляемых единиц также различаются и передают соответствующие каждой из них национально-культурное преломление архетипов индоевропейского способа мышления.

Итак, рассмотренные в этой главе вербальные и невербальные явления говорят о том, что коллективные и надличностные факторы в языковом поведении русского этноса занимают более значительное и заметное место, чем факторы индивидуальные и личностные, тогда как последние ярко выражены в поведенческих характеристиках представителей французского этноса.

2.10. ОЦЕНОЧНОСТЬ / НЕЙТРАЛЬНОСТЬ

В целом ряде широкоупотребимых русских слов и речений отмечается тенденция оценивать других людей в речи и очень часто осуждать того, о ком сообщается та или иная информация. “Перемывать косточки”, “чесать языки (зубы)”, “рыться (копаться) в грязном (чужом) белье” и другие образные словосочетания отражают не только соответствующее вербальное занятие на дворовых скамейках, но и несут определенную информацию культурологического плана: “Изнывая от безделья, Островнов и кладовщик долго еще “перемывали косточки” Давыдова, Нагульного” (Шолохов, *Поднятая целина*).

Фразеологическое сращение “перемывать косточки” имеет исторические корни. Как известно, обычай перемывания костей (так называемого вторичного захоронения) существовал у древних славян с

целью очищения умершего от грехов и снятия с него заклятия: "Перво-вторичным захоронением выкопанные останки перемывались, что, естественно, сопровождалось воспоминаниями о покойнике, оценкой его характера, поступков и дел" (Шанский 1985, 210). Нельзя сказать, что поголовно все русские любят судачить по поводу ближнего, но стремление к критическим суждениям, часто безапелляционным оценкам, является, по нашему мнению, неотъемлемой частью русского характера.

Для французского речевого поведения тенденции к оценкам людей, предметов и явлений менее характерны, если не считать "экстремальные" ситуаций бытового выяснения отношений. Вообще французы избегают оценочных реплик, что часто выражается в предваряющих фразах типа: "*Je ne porte pas de jugement de valeur la-dessus*" - Я не выношу оценочное суждение по этому поводу - (из лекции профессора Поля Вена перед тем, как он выскажет свою собственную точку зрения по обсуждаемой теме), или: "*Je ne sais pas ce qui est bon ou mauvais et je n'ai pas la prétention de le savoir*" - Я не знаю, что хорошо, а что плохо, да и не претендую на это знание (начало лекции профессора Люка Ферри).

Рассматриваемая национально-культурная специфика русского речевого поведения ярко проявляется в реализации антонимических оппозиций, которые часто имеют социально-политическую основу. Так, отмечаются традиционные для русского языкового сознания противопоставления: **верх - низ** (т. е. власть - народ), **правые - левые** (Франк, Лившиц 1978, Толстой 1995). Примечательно, что элемент "правые" исконно осмысливается позитивно, в отличие от французской политической традиции, где "левые" пользуются большей симпатией как в народе, так и среди так называемой прогрессивной интеллигенции.

Современная русская речевая практика противопоставляет такие понятия, как "демократия" и "патриотизм", что несвойственно французскому языковому сознанию: "Главное, что надо и можно сделать в 1995 году"

объединить демократию и патриотизм. Россия - едва ли не единственная страна в мире, где эти понятия враждебно противоположны. Где ни одна партия не смеет заявить, что любовь к Родине и любовь к свободе не исключают, а предполагают друг друга" (*Известия*, 6.1.95).

Приведем ряд актуальных оппозиций, традиционно имеющих место в русском языковом сознании:

бардак	- порядок
богатые	- бедные, нищие
бедность	- богатство, нищета
либералы	- коммунисты, большевики
народ	- власть, государство
общество	- государство
материализм	- идеализм
индивидуализм	- коллективизм

Последнее время антонимические отношения все чаще и чаще наблюдаются в употреблении указательного местоимения **это**: эта страна, это правительство, этот народ, эти порядки, эта милиция, этот парламент и пр. Во фразах типа: "В этой стране порядка не будет" или "Этот народ заслуживает того правительства, которого заслуживает". Для русскоговорящего ясно, что номинально речь идет об одной и той же стране (правительстве, милиции и т.д.), а с точки зрения коммуникативного намерения местоимение используется нетрадиционно для выражения эмоционально окрашенного негативного отношения к данным реалиям.

Француз не скажет о своей стране: *ce pays*, *ce gouvernement*, *ce peuple*, даже с пейоративным оттенком. Эти понятия будут всегда конкретизированы: *La France*, *le gouvernement français*, *le peuple français*.

Существование и активное функционирование в речи русских указанных выше противопоставлений позволяет говорить о своеобразном двоемыслии русского языкового сознания - *черное или белое, хорошее или плохое, третьего не дано*. Это проявляется в большой популярности следующих устойчивых выражений и высказываний: "Или (либо) пан, или (либо) пропал", "Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец", "Гулять так гулять, стрелять так стрелять". Иными словами, если стоит делать что-либо, то стоит это делать до конца и "по полной программе", или не стоит этого делать вообще. Вот какими словами, говоря о творчестве Достоевского изобразил широкую, непредсказуемую русскую душу, "мало склонную идти по пробитым торным колеям жизни" критик Н.Н. Страхов: "Жажда жизни свойственна русской душе: как можно быстрее, сейчас, до конца и "даже до полной гибели" (Страхов 1984, 105-106).

Для французов всегда характерна некая отстраненность при оценке того или иного явления, что часто проявляется во фразах типа: "*Ce n'est ni bien ni mauvais, ça existe et c'est tout*" (Это не хорошо, не плохо, это существует, и все). А уж "последнюю рубашку" француз с себя не снимет, это с его точки зрения нелогично - зачем выкладываться, если знаешь наверняка, что придется остаться без средств к существованию. Русские "сохраняют что-либо на **черный день** (трудное время безденежья, несчастий)", французы "*gardent une poire pour la soif*" - ('хранят одну грушу, когда придет жажда').

Приведенные высказывания идентичны по контексту употреблению, но с точки зрения внутренней формы они разнятся: в русском фразеологизме в качестве основы взят признак "черный день", в французском - "жажда". "Черный день" есть некая крайность, последняя точка, которые подчеркиваются трагической семемой черного цвета. "Жажда" и "груша" у французов не вызывают подобных тревож

ассоциаций, сладкий солнечный плод не является пищей периода нужды и несчастий.

Некоторые считают *двомыслие* русских наследием тоталитарного режима: "Есть такая особенность языка тоталитарного режима - *двомыслие* (...) к своему отношению одно, к чужому другое. Их война - война, наша война - борьба за мир. У них - интервенты, у нас - воины интернационалисты. Здесь нравственность, там - нравы" (Манн 1991). Но мы полагаем, что *контрастное мышление* исторически присуще русскому речевому поведению.

В русле сопоставляемых тенденций у русских параллельно наблюдается *стремление высказывать абсолютные моральные суждения и связывать их с эмоциями*, так же как и акцент на "абсолютном" и "высших ценностях" в культуре в целом (Вежбицкая 1999, 267). Предположим, что подобная ориентированность семантики речи может быть обусловлена наличием и особенной важностью концептов *судьба, душа, тоска* в концептосфере русского народа. Проанализируем и сопоставим репрезентации этих концептов в русском и французском языках.

Концепт "судьба" занимает важнейшее место в менталитете русских. Слово *судьба* определяется следующим образом: 1. Складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям - сила, предопределяющая все, что происходит в жизни, рок). 2. Участь, доля. 3. История существования и развития чего-либо// Дальнейшее существование, будущность (Словарь под редакцией С.Г. Бархударова 1961).

Рассматриваемый концепт передается в целом ряде образных фразеологизмов и словосочетаний: "искушать судьбу", "игра судьбы", "ирония судьбы", "перст судьбы", "удары судьбы", "какими судьбами", "устроить свою судьбу", "на произвол судьбы", "от судьбы не уйдешь", "проклинать (благодарить) свою судьбу", "не судьба" и пр.

Слово “судьба” имеет синонимический ряд: 1. рок (*высок*); фатум, фортуна (*книжн.*); паркы (*уст. книжн.*); судьбина (*уст. и народно-поэст.*) 2. участь, удел, доля; талант, счастье (*прост.*); жребий (*уст. и прост.*); часть (*уст.*); планета (*уст. разг.*); планида (*уст. прост.*); жребий (*уст. поэт.*) 3. см. будущность.

В мифологическом сознании русского народа понятие судьбы связывалось с понятием руки (по мифологическим представлениям, судьба записана на ладони руки): ср. перст (судьбы) → рука → рок (Маковский 1996, 312-313). Слово “судьба” присутствует в обозначении сферы эмоций и морали: “Ох! горька твоя судьбина, Русская земля!” (Некрасов *Современники*), “Какими судьбами? (восклицание при неожиданной встрече)”, “От своей судьбы не уйдешь” и пр.

Анализ отмеченных дефиниций и употреблений приводит к выводу о том, что языковые репрезентации концепта “судьба” в большей степени представлены значениями фатальности, непредсказуемости и смиренности. На базе этих семем можно описать концепт судьба.

Во французской концептосфере понятие “судьба” вербализуется в словах: *destin, destinée, fatalité, fatum, nécessité, hasard, avenir, fortune, étoile, sort, lot, existence, vie* . и обозначает: 1. *puissance mystérieuse qui fixerait le cours des événements* (таинственная сила, которая направляет ход событий) 2. *existence humaine considérée comme indépendante de la volonté* (человеческое существование, рассматриваемое как независимое от воли человека) 3. *le cours de l'existence considéré comme pouvant être modifié par celui qui la vit* (ход существования, рассматриваемый как могущий быть измененным тем, кто его проживает).

Для передачи концепта “судьба” французский язык использует следующие слова и выражения: *La loi du destin* (закон судьбы), *les arrêts du destin* (приговор судьбы), *croyance au destin, fatalisme, inévitabilité, destin aveugle* (cruel, impitoyable), *c'était écrit, c'était fatal, tournant du destin, être*

responsable de son destin, décider de son destin, être né sous une bonne (mauvaise) étoile, quel bon vent vous amène?, par les caprices du sort, le sort n'a pas voulu qu'il... (не судьба ему...).

Итак, наряду со значениями фатальности и непредсказуемости, концепт **судьба** представлен во французском языке семемой управляемость (третья дефиниция), что говорит о сниженном эмоциональном заряде рассматриваемого понятия во французской концептуальной парадигме.

Концепт “душа” имеет совершенно особый статус в менталитете русского народа. Словарь дает следующие определения слова “душа”: 1. Внутренний психический мир человека; его переживания, настроения, чувства и т.п. // В идеалистической философии и психологии: особое нематериальное начало, существующее якобы независимо от тела и являющееся носителем психических процессов. // По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом. 2. Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека. // Чувство, воодушевление, темперамент. // О хорошем, чутком, отзывчивом человеке. 3. Человек (обычно при указании количества). 4. Дружеское фамильярное обращение. 5. Самое основное, главное, суть чего-либо. // Вдохновитель чего-либо, руководитель, организатор.

Полное описание употреблений слова не входит в задачи данной главы. Приведем лишь наиболее значимые из них, с точки зрения абсолютности суждений и эмоциональной наполненности семантики: “чужая душа - потемки”, “величие души”, “мелкая душонка”, “широкая душа”, “(не) по душе”, “запасть в душу”, “обнажать (раскрывать, распахивать) душу”, “черствая душа”, “надрывать душу”, “еле-еле душа в теле”, “вышибить душу”, “всеми фибрами души”, “разрывать (раздирать) душу (на части)”, “держат (иметь, хранить, скрывать) за душой”, “душа (не) лежит”, “омыть душу”, “покривит душой”, “плюнуть в душу”, “излить душу”, “душа пузыри

пускает ('икается)'), "душа с богом разговаривает ('об отрыжке')", "крик души", "распалить душу", "накопилось на душе", "тянуть душу", "работать с душой", "растравить душу", "стоять над душой".

Это далеко не полный перечень образных употреблений слова душа, но он позволяет говорить о яркой эмоциональной окраске и отсутствии сдерживающих границ в функционировании данного концепта в семантической системе русского языка. В русском речевом поведении это слово широко представлено в метафоро-метонимических воплощениях, что говорит о стремлении носителей языка "закрепить за этой ненаблюдаемой сущностью вполне конкретные, ощущаемые или, по крайней мере, мыслимые свойства" (Михеев 1999, 145).

Концепт "душа" в менталитете французов вербализуется в двух словах: *âme, coeur* (не считая: душа как единица населения - *habitant*, душа как человек - *personne* и душа как крепостной крестьянин - *serf*). Слово *âme* представлено в словаре следующим образом: 1. RELIG. Principe spirituel de l'homme, conçu comme séparable du corps, immortel et jugé par Dieu. 2. Un des deux principes composant l'homme, principe de la sensibilité et de la pensée. 3. Principe de la vie morale, conscience morale. 4. (Vx en psychol.) Ensemble des fonctions psychiques et des états de conscience. 5. Principe de la vie végétative et sensitive. 6. Ensemble des états de conscience communs aux membres d'un groupe.

Для обозначения концепта "душа" употребляется слово *coeur*, которое расшифровывается следующим образом: 1. PAR METAPH. Le siège des sensations et émotions (du désir, de l'humeur, de l'affectivité, sentiments, passions) (метафорически - местонахождение чувств и эмоций, желания, настроения, чувств, страстей) 2. La vie intérieure (внутренняя жизнь). (*Le Nouveau Petit Robert* 1993).

Как видим, на первом месте у французов стоит религиозное значение слова *âme*, а эквивалентом ядерного значения русского понятия "душа"

является метафорическая ипостась слова *coeur* (сердце). Как известно, в русском языковом сознании сердце - лишь орган чувств, а душа - внутренняя жизнь человека в целом (Урысон 1995, 5).

Отмечается, что во французском языке слово *âme*, являясь частью фразеологизмов, выступает как объект "технического производства" (Кириллова 2000, 8): *façonner l'âme* - приучить к чему-л. (букв. 'обрабатывать в соответствии с какой-то формой'), *mouler son âme sur qqn* - духовно сродниться с кем-то (букв. 'отливать в форму, формовать'), *détrisseur d'âme* - властитель дум (букв. 'месильщик теста').

Концепт "тоска" в сфере общественного сознания русских также занимает уникальное место. Слово "тоска" представлено в словаре в следующих определениях: душевное томление, тревога в соединении с грустью, унынием. // Гнетущая, томительная скука. // Гнетущая скука, уныние, царящие где-л., вызываемые чем-л. Синонимы "тоски": 1) печаль (грусть, горе, боль, скорбь, горесть, сокрушение; кручина (*народно-поэт.*); печалование (*уст. п прост.*) 2) скука, скучища, тощища (*разг.*); тягомотина (*прост.*) [мухи дохнут]. Сюда же можно добавить: уныние, грустное (или минорное) настроение, хандра, меланхолия, ипохондрия, депрессия; сплин, унылость; мерехлюндия (*уст. шутил.*).

В плане сопоставления национально-культурных характеристик концепта "тоска", уместно вспомнить пушкинские строки:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел;
Но к жизни вовсе охладел. (Пушкин, *Евгений Онегин*)

Автор, похоже, говорит, что "русская хандра" (тоска) это не "английский сплин" (тоска). У каждого народа своя "тоска", но "русская

хандра" гораздо глубже и сильнее любой другой, да и к тому же, как отмечается в комментариях к роману, "байроническое разочарование Онегина" представляет собой "искусственную разочарованность, которую не обманешь того, кто умеет мыслить" (Лотман 1983, 165).

В данном контексте "английскую" тоску можно рассматривать как родовое понятие "западной" тоски, в которую входит и "французская" тоска. (В качестве своеобразного совпадения, следует отметить, что в период работы над первой главой Пушкин читал поэму Байрона во французском прозаическом переводе).

Для русского сознания понятие тоски связано с неопределенным чувством вины, что иронически может быть передано фразой: "Мне чего-то смутно жаль" или в современном варианте: "Хочется чего-то, а кого не пойму". Иными словами, понятие тоски имеет довольно размытые денотативные координаты, что повышает его эмоционально-экспрессивный уровень.

Таким образом, русский концепт имеет яркую национально-культурную специфику и связан с возможностью реализовать (не реализовать) себя в соответствии с высшими моральными ценностями.

Во французской концептосфере понятие "тоска" репрезентируется следующим языковым материалом: *tristesse* (грусть), *angoisse* (тревога, страх), *cafard* (хандра), *spleen* (сплин), *ennui* (скука; досада). При этом семантические доли, передающие лексическое понятие при переводе на французский язык, лишь частично покрывают объем русского понятия "тоска". Французский концепт с точки зрения сферы употребления в большей степени связан с определенными эстетическими или медицинскими установками.

У французского поэта Бодлера есть серия из четырех стихотворений под общим названием "Spleen", которые в поэтической форме относительно точно передают французское эстетизирующее отношение к рассматриваемому

...кическому состоянию. Приведем в качестве иллюстрации первое и последнее четверостишия одного из стихотворений:

Quand le ciel bas et lourd pèse comme un couvercle
Sur l'esprit gémissant en proie aux longs ennuis,
Et que de l'horizon embrassant tout le cercle
Il nous verse un jour noir plus triste que les nuits; [...]

Et de longs corbillards, sans tambours ni musique,
Défilent lentement dans mon âme: l'Espoir,
Vaincu, pleure, et l'*Angoisse atroce*, despotique,
Sur mon crâne incliné plante son drapeau noir.

(Baudelaire, *Spleen*)

Когда свинцовость туч нас окружает склепом,
Когда не в силах дух унынье превозмочь,
И мрачен горизонт, одетый черным крепом,
И день становится печальнее, чем ночь; [...]

Тогда в душе моей кладбищенские дроги
Безжалостно влекут надежд погибших рой,
И *смертная тоска*, встречая на пороге,
Вонзает черный стяг в склоненный череп мой.

(перевод И. Чежеговой)

Слово "сплин" заимствовано Бодлером из английского языка в период его работы над переводами Эдгара По. Оно используется поэтом для передачи целого ряда ощущений, связанных с угнетенным состоянием лирического героя. У бодлеровского героя есть русская параллель, которая

соотносится с понятием “лишнего человека”, ярко представленного в классической русской литературе (Онегин, Печорин).

Термин “сплин” можно было бы заменить современным словом “маргинальность” (пограничное положение между социальными группами, накладывающее определенный отпечаток на человеческую психику и поведение) и в этом смысле последнее наиболее точно передает французский концепт “тоска”.

Русский “лишний человек” живет в сплошном российском континууме, являясь его органической частью, но мечтающим и не имеющим сил из него вырваться. Французский маргинал, говоря словами Марселя Пруста, “дробит время” и уходит в эстетические дали своих внутренних построений, сохраняя лишь формально-социальные связи с национальным сообществом. “Русская” тоска по мировому идеалу не приемлема для француза, так как он с картезианской точностью знает, что такого идеала нет или, по крайней мере, абсолютно уверен в недостижимости последнего.

Итак, в концептосфере французского народа также существуют концепты судьба, душа и тоска, но они менее освоены основной массой франкофонов и не несут в себе такого же эмоционального заряда, как для русских. Они не являются ключевыми понятиями для французской культуры и вербализуются при помощи устойчивых выражений более узкой, часто технической (профессиональной), сферы употребления.

В русской этно-культурной формации сопоставляемые концепты выполняют формирующую, часто воспитательную функцию (“душа обязана трудиться”, “не оскверни свою душу, сынок”).

Сопоставительный анализ языковых репрезентаций концептов судьба, душа, тоска в двух языках позволяет сделать следующие выводы:

а) несмотря на частичное совпадение концептуальных стержней рассматриваемых понятий, периферийные зоны последних в двух языках не совпадают;

б) русский языковой материал имеет более широкий объем употребления, нежели французский;

в) прагматилистическая сфера использования рассматриваемых слов не совпадает и для русского языка касается в основном абсолютных ценностных характеристик и моральных суждений;

г) языковые воплощения данных понятий во французском языке жестко дифференцированы и имеют точечную парадигму употребления;

д) для русского языка характерным является оценочный модус использования языкового материала, для французского он имеет более нейтральные критерии употребления.

Таким образом, семантическое поле, лексический и коннотативный фон языкового материала, вербализующего исследуемые концепты в русском языке, представляется более широким по сравнению с французским материалом.

В русском языке ярче выражена национально-культурная специфика рассматриваемых концептов, в частности, значительное количество лексических компонентов включает в себя реалии наивной мифологии русского народа: "покривить душой" (народная антиномия Правды и Кривды), "плюнуть в душу" (этимологически - осквернение святыни), "отводить душу" (от знахарских способов излечения "отводом" заговорами). Концепты "судьба" и "тоска" фразеологически представлены уже, нежели концепт "душа", но они тесно связаны с гнетущей зависимостью от неких высших сил и часто имеют антропоморфическую структуру (грусть-тоска меня съедает, судьба-злодейка). В этом проявляется определенная фатальность мышления русских, трагедия и обреченность земного существования.

Рассмотренные концепты являются базовыми для русской национально-культурной общности, связанными с абсолютными моральными ценностями и аксиологическим аспектом употребления. Во

французской концептосфере понятия “судьба”, “душа”, “тоска” представлены языковым материалом с нейтральным семиотическим фоном и не могут быть рассмотрены в качестве ключевых национальных концептов. При этом их вербализация на французском языке представляется достаточно проблематичной, что позволяет говорить об их различии в значимости и месте в языковой картине двух народов.

Рассмотренный языковой материал и способы его вербализации в двух речевых парадигмах позволяют говорить о наличии тенденции *оценочности* в русском и относительной *нейтральности* во французском коммуникативном поведении.

2.11. “АВТОПОРТРЕТЫ”

Термин “автопортрет” в филологии отсылает к принципам самоописания культуры. Он относится к “любимым изображениям, высказываниям, устойчивым мнениям о самом себе как части целого этноса, народа” (Софронова, Чепелевская 1999, 7).

Выбранная тема по природе своей синтетична, в ней соединяются история и миф, стереотипы бытового и ритуального поведения, сакральное и комичное. Иными словами, она пронизана множеством *национально-культурных кодов*, которые могут быть обнаружены при исследовании языкового материала, взятого из различных источников: этнографических, антропологических, политических и пр.

К пониманию национальных особенностей культуры можно приблизиться, обратившись к изучению творчества конкретных личностей, то есть индивидуально-авторского отношения к тем или иным явлениям и фактам действительности, связанных с проявлением черт национального

характера. Нельзя не согласиться с мнением Ю.М. Лотмана о том, что “В индивидуальности отдельной человеческой особи как микрокосме выражается уникальная специфика, индивидуальность человеческого макрокосма, общества и культуры в целом”(Лотман 1977, 4).

Национальное самосознание отчетливо проявляется, в частности, в текстуально зафиксированных высказываниях видных деятелей культуры, государственных деятелей, литераторов, философов, словом, представителей так называемой интеллектуальной элиты нации, в нашем случае, русской и французской.

Так, в устах представителей двух национальных сообществ можно найти как положительную, так и отрицательную оценки, соответственно, русского и французского характера.

Прежде всего рассмотрим корпус высказываний скорее минорного звучания, ибо самоанализ, стремление понять себя, самокритичность являются характерной чертой как русского, так и французского способов *национальной самоидентификации*.

Начнем с высказываний представителей *русской национальной элиты*. Каждое изречение как правило бичует один из национальных пороков. Большинство мыслей, сказанных в разное время и разные эпохи, пронзительно актуальны и в наши дни.

Так, великий русский поэт с горечью отмечает традиционно безразличное отношение своих сограждан к общественным институтам и государственности:

Наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому делу, к справедливости и правде, это циническое презрение к мысли и человеческому достоинству действительно приводят в отчаяние (А. Пушкин).

Российское пьянство на всех уровнях давно стало притчей во языцех.

Русский человек - мало радости, что пьян, надо еще, чтобы морду набили, вот он и доволен, и идет спать (*Н. Островский*).

Без взяточников и вымогателей трудно представить российскую действительность:

Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых мерзавцев, хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов, отцов и благодетелей-взяточников... Там что ни говорите в защиту этой почвы, но несомненно то, что на всей этой мерзости лежит собственно ей принадлежащий русский характер (*И. Аксаков*)!

Следующее высказывание, кажется, сошло с газетных полос конца XIX века:

Гласность в настоящее время составляет ту милую болячку сердца, о которой все говорят дрожащим от радостного волнения голосом, но вместе с тем заметно перекосивши рыло в сторону (*Л. Салтыков-Щедрин*).

Об извечном российском инфантилизме и нежелании усваивать чуждый опыт:

Нам, русским, и философскую мысль дайте в форме повести или драмы, художественного произведения. Чтобы было легко и занятно прочесть. Сел и за стаканом-двумя чая в час-два прочел. А еще лучше лекцию чью-нибудь послушать. Изложит, разъяснит, разберет, оценим, если угодно, можно самому совсем не читать. Не шевельнешь челюстью, а проглотил. Слышал, знаешь, можешь говорить с другими (*Г. Петров*).

О противоречивости русской природы:

Русский человек как ни склонен к лукавству, но любит чтобы с ним поступали справедливо. Странное противоречие: сами обмануть готовы, а к себе требуют справедливости (М. Дмитриев).

Следующее изречение пронизано духом самобичевания и рефлексии собственных русских литературе XIX века, но принадлежит оно XX веку:

Все наши беды от нас самих, мы не знаем ни уважения к закону, ни уважения к личности (Б. Окуджава).

Итак, русские авторы со всей очевидностью говорят о вневременных, традиционных особенностях русского национального характера, черты которого обозначены в конце каждого высказывания.

Французская национальная элита о специфике национального поведения и менталитета:

Я - француз, и это меня гнетет (Ф. Вийон).

Я познал зло моего королевства (Генрих IV).

Глупое тщеславие нам особенно свойственно, испанцы тщеславны, но по-другому (Ж. Лафонтен).

Французская болезнь есть потребность в разглагольствовании, стремление все сводить к напыщенности, Сорбонна с упрямством продолжает ценить лишь стиль и талант (Э. Ренан).

Вовсе не на пользу Франции тот факт, что мы повторяем кстати и некстати, что наша страна здорова, и никогда еще не чувствовала себя так хорошо. Миллионам людей нет дела до нашего оптимизма, у них от него дрожь по спине проходит (Ж. Бернанос).

Французы заражены неизлечимой болезнью. Они не хотят понять, что эпоха требует от них гигантских усилий по адаптации... Они не могут обойтись без

Государства, и тем не менее они его ненавидят, за исключением моментов смертельной опасности... Они ведут себя как дети (Шарль Де Голль).

Французского общества не существует: с одной стороны индивиды, с другой - Франция (Ж. Помпиду).

Как видим, из данного корпуса высказываний можно вывести следующие черты французского национального характера: тщеславие, болтливость, крайний индивидуализм, чрезмерную расчетливость, двойственность по отношению к государственным институтам, патологический оптимизм и пр.

Итак, изречения как русских, так и французов о себе достаточно жестко фиксируют негативные стороны общественно-государственной жизни, национального характера, быта двух наций, но все они отличаются заинтересованностью каждого автора в судьбе своей страны. И те и другие говорят о врожденных этнокультурных "болезнях" своего народа.

Следует, однако, отметить некоторые специфически национальные способы самооценки с точки зрения употребляемых языковых средств. Так, для русских характерен более патетический тон высказываний (приводят в отчаяние, невыносимо жить), что связано с общей тенденцией русского речевого поведения к *преувеличению* мысли.

Французские высказывания более индивидуализированы, в них ярче звучит противопоставление Я - Они (Я - француз, Я познал, французы заражены, Они не хотят понять, индивиды - Франция). В данном случае можно говорить о так называемом французском партикуляризме.

У русских Я выступает как неотъемлемая часть Мы (Наша общественная жизнь, Нам, русским. Все наши беды от нас самих, мы не знаем). Здесь проявляется другая тенденция русского способа вербализации - *соборность*.

Высказывания о положительных чертах национального характера представителей двух наций сводятся, как правило, у русских - к воспеванию таких черт, как даровитость, мягкая (широкая) душа, безграничное терпение, природный ум, смекалка: "Ум народный - это такое же громадное богатство родное, великий дар Божий России, который лежит под спудом [...] Его надо только пробудить (*связ. Г. Петров 1913*)".

Французы же ценят у себя ясность ума и изложения мысли, антиконфликтность, терпимость, куртуазность, природную смелость, способность брать на себя ответственность за поступки: "Француз любит опасность, ибо в ней он обретает славу (*О. Бальзак*)".

С точки зрения объективности данный материал несомненно менее интересен, ибо положительные оценки самого себя часто бывают завышенными. К тому же, почти все нации традиционно восхищаются универсальным набором черт - смелостью, решительностью, деловитостью, способностью выпутаться из затруднительной ситуации и пр.

Ценностные приоритеты в отношении некоторых особенностей национального поведения часто бывают двойственными. Так, "широкая русская душа, терпимость" могут восприниматься как отрицательные элементы - "неуправляемость, безудержность, непредсказуемость, чрезмерная покорность" (Широк русский человек, не мешало бы и сузить. *Достоевский*). Французская расчетливость (экономность) превращается в жадность и скряжничество. Поэтому наибольший интерес для анализа человека как носителя национального самосознания, по нашему мнению, представляют критические изречения, так как последние наиболее ярко отражают "этнический стереотип поведения" (Гумилев 1985) в рамках противопоставления *свои / чужие*, являющегося базовым для самосознания себя в качестве определенного этноса.

Таким образом, если рассматривать самооценку как одно из значимых определений национальной культуры, то высказывания представителей

элиты каждой нации позволяют не только рассмотреть определенные инвариантные черты русской и французской "физиономии", но и предоставляют материал для исследования этнокультурных особенностей общих и языковых схем поведения.

2.12. РУСИЗМЫ И ГАЛЛИЦИЗМЫ

В эту часть мы включили перечень слов и словосочетаний, семантика которых непосредственно отражает национальное своеобразие культуры России и Франции. Сюда входит так называемая безэквивалентная лексика (имена собственные и названия известные для носителей другого языка, но имеющие сугубо национальные коннотации): национально окрашенные топонимы, лексические единицы, обозначающие предметы и явления, специфичные для каждого языка, арготические лексемы с депрциативной коннотацией и пр.

В большинстве случаев представленный в данной главе языковой материал входит в разряд "маргинальной лексики", отражающей трансформированное, часто ироничное, наименование этнокультурных реалий, характерных для каждой нации. Следует отметить, что не все они освоены основной массой носителей национального языка, тем не менее, они могут быть рассмотрены в качестве своеобразных языковых "представителей" национального сознания русских и французов.

Русский корпус высказываний:

Александр Третий - коктейль, получаемый из смеси одеколонов "Саша" и "Тройной". Этот напиток имеет абсолютно русскую природу, употреблялся в больших количествах в период горбачевской борьбы с алкоголизмом, так как водка продавалась с 14.00, продажа строго

регламентировалась и всем страждущим не хватало горячительных напитков, последние компенсировались дешевыми одеколонами и лосьонами.

Безалкогольная бормотуха - кличка первого президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева в народе, которого также называли "минеральный секретарь". Наименование связано с периодом борьбы с алкоголизмом, приведшей к увеличению потребления самогона, политуры, одеколонов и пр. В поэме В. Ерофеева "Москва-Петушки" дается следующий невероятный, ироничный коктейль тех времен: "Пиво жигулевское - 100 г., шампунь "Садко-богатый гость" - 30 г., аэрозоль для чистки волос от перхоти - 70 г., клей БФ - 15 г., тормозная жидкость - 30 г., Дезинсекталь для уничтожения мелких насекомых - 30 г. Все это настаивается на табаке сигарных сортов и подается к столу..."

Вермутский треугольник - традиционный русский способ выпивания "на троих". Обыгрывание легендарного наименования "Бермудский треугольник".

Лумумбарий - Университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Каламбурная деформация слова "колумбарий" (хранилище урн с прахом при крематории), намек на учащихся университета, в основном, представителей африканского континента, по народному убеждению основных носителей СПИДА. Нередко университет называли "спидоносник".

МИМО - ироничное название Московского государственного института международных отношений - МГИМО, о трудностях поступления в данное престижное учебное заведение.

Гамбургер - европеец (Крис де *Гамбургер* вместо Криса де Бурга).

Голубятня - наименование гей-клубов в Москве.

Гуталин - негр (копченый, негативчик, негрила, шоколадка).

Последнее время, в связи с модной песней, ласковое - "шоколадный заяц".

Достоевский, часто **Федор Михайлович** - назойливый человек
Ваша фамилия случайно не Достоевский? Достоевщина - разговор по душам до потери пульса.

"Евремечко" - популярная народная передача с ведущим писателем Новожиновым

Королевство кривых зеркал - СССР. Социум, существовавший по правилу: ни тебе крепостного права, ни права выезда (**Совок**). **Совки** жители Советского Союза, шире, носители "совкового" менталитета разгильдяйства, резонерства, товарищества, братства, иждивенчества и ц (Хомо-советикус).

Полковник - трехзвездочный коньяк.

Посол Советского Союза - надпись на бочке с селедкой.

Манная каша - синтетическая толстая подошва у сапог белого цвета

Французские безэквивалентные выражения:

Ne plus être coté à l'Argus (не котироваться по *Аргусу*) - быть очень старым о человеке. Французский журнал *Аргус* публикует список и сведения о подержанных автомобилях возраста менее восьми лет. Цены на машины в этом журнале являются ориентиром для желающих купить подержанный автомобиль.

Le petit moujik de nuit (ночной мужичок) - карикатурное название "Маленькой ночной серенады Моцарта" (*Une petite musique de nuit*) в среде музыкантов.

Fume, c'est du belge! - (кури, это из Бельгии) ≈ накося выкусы
Непристойная реплика отказа. В послевоенной Франции долгое время контрабандный табак из Бельгии считался более дешевым и более качественным, чем французский табак.

Les brumes du Nord - (северные туманы) для жителя Прованса символ северных районов Франции с неприветливым климатом. Как только

провансалец покидает родную жаркую провинцию, с этого момента для него наступают неудобные, сырые "северные туманы".

Café colonial - (колонизальный кофе) любой алкогольный напиток, употребляемый натошак. Намек на вредные привычки военных во французских колониях.

Fromage et dessert - (сыр и десерт) шутливый символ роскоши и комфорта. Из словаря французских рестораторов в противовес выражению **Fromage ou dessert** (сыр или десерт), обозначающему более скудное меню.

Se porter comme le Pont-Neuf (чувствовать себя как Новый Мост) - чувствовать себя великолепно, превосходно. Строительство Нового Моста через Сену длилось почти 30 лет (1578 - 1607). Жители Парижа имели возможность убедиться в качестве строительства: старые мосты много раз сносились частыми для столицы Франции наводнениями, Новый Мост до сих пор "живет и здравствует" (в русском языке функциональным эквивалентом может служить выражение "крепкий как дуб").

Et lycée de Versailles (и Версальский лицей) - наоборот. Каламбур, основанный на фонетическом сходстве (**Et vice versa**).

Être la madeleine de quelqu'un (быть чьей-либо мадленой) - быть объектом, вызывающим череду воспоминаний у кого-либо. Намек на прустовскую мадлену, бисквит, играющий центральную роль в романе Марселя Пруста "В поисках утраченного времени" в качестве своеобразного "включателя" воспоминаний детства.

De Monoprix (из магазина Монопри) - в уничижительном смысле по отношению к чему-либо, кому-либо, ≈ дешевый. Вариант - **de Prisunic** (из магазина Призюник). По отношению к магазинам единых, стандартных цен, открывшихся во Франции в тридцатых годах. Изначально, коммерческая стратегия состояла в том, чтобы продавать товары не дороже, чем за 10 франков.

Avoir décroché le pompon (сорвать помпон) - дойти до предела; всех переплюнуть. По отношению к помпонам на головных уборах военных элитных войск.

Epaules en (bouteille de) Saint-Galmier (плечи в виде бутылки Сен-Гальмье) - отвислые плечи. По форме бутылки минеральной воды из французского источника Сен-Гальмье (в настоящее время вода продается под коммерческим названием Бадуа).

Faire avancer le schmilblick (k) (продвигать шмильблик) - продвигать, способствовать продвижению расследования, изысканий; помогать делу. Наименование из популярной телеигры. Участвующий, неудачно ответивший на вопрос, довольствуется тем, что продвигается его "шмильблик" (специально для телевизионной игры придуманное слово).

Lunettes de la Sécurité (очки Секю) - низкосортные очки. Намек на дешевые очки, цена которых полностью компенсируется французской службой социального обеспечения (*Sécurité sociale*).

Это, конечно, далеко не полный список "национальных маркеров", слов и выражений, имеющих дополнительную этнокультурно окрашенную семантику и употребляемых только в русской или франкоязычной среде. Все они не имеют буквальных соответствий в иностранных языках и для их передачи необходимо использовать дефиниционный или описательный перевод. В данных речениях культурный компонент является преобладающим и для его восприятия

Приведенные лексемы могут быть использованы для выявления не только типичных для каждой нации реалий и способов номинации, но и известных черт национального мировидения, привычек, характера, проявляющихся в использовании названий социально-экономических и исторических фактов, освоенных большинством представителей двух языковых сообществ.

МАРСЕЛЬ ПРУСТ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ СИМВОЛ ФРАНЦИИ

**1.1. Художественный текст как объект исследования
этнокультурной семантики высказывания**

Марсель Пруст является одним из ярких представителей французского языкового сообщества. Традиционные понятия “автор”, “образ автора”, “персонаж” недифференцированно несут на себе печать этнокультурной языковой личности. Языковая авторская ипостась, по нашему мнению, может быть рассмотрена как “текстовая национальная личность”. Толкуя художественный текст как “смыслопорождающее устройство” (термин Ю.М. Лотмана 1999), мы рассматриваем данный тип дискурса в качестве самостоятельного семиотического конструкта, носителя не только индивидуальных авторских языковых характеристик, но и национальных особенностей функционирования языка.

Проблемы функционального взаимодействия единиц разных уровней языковой системы в последнее время привлекают внимание отечественных и зарубежных лингвистов. Особенный интерес к межуровневым структурам проявляется при рассмотрении композиционных построений больших, чем предложение, например, сверхфразовых единств, целого текста.

Если высказывание есть *элементарное* речевое действие, то связный текст, составленный из некоторой последовательности высказываний и объединенный какой-то общей мыслью, является *сложным* речевым действием. Как справедливо отмечает Е.А.Реферовская, текст не просто последовательность высказываний, а сложная иерархически организованная система, где каждое отдельное высказывание подчинено более крупной речевой единице (например, сверхфразовому единству или абзацу), а через нее - тексту как целому (Реферовская 1983, 5).

Б.М.Лейкина выделяет наиболее существенные для лингвистической теории уровни понимания текста:

1) языковой (первичный кодовый), в известном смысле буквальный и поверхностное значение текста, выводимое на основе чисто языковых факторов и закономерностей из значений отдельных его составляющих (формальных языковых единиц, как сегментных, так и суперсегментных);

2) глубинный и неязыковой, ситуационный (вторичный кодовый) значение текста, т.е. то содержание, которое вкладывал в данный текст автор и которое он выразил через языковое значение, функционирующее как форма выражения ситуационного значения (Лейкина 1974, 98).

Естественно предположить, что именно в тексте осуществляется наиболее всесторонний анализ языковых единиц, при этом текст может представлять собой и отдельное высказывание, и абзац, и целое произведение. Для анализа функций исследуемых языковых единиц важным критерием выступают как размеры текста, так и его смысловая достаточность.

Теория текста как комплексная обобщающая дисциплина сложилась в результате интеграции взаимодополняющих дисциплин: текстологии, лингвистики текста, поэтики, риторики, прагматики, герменевтики, однако несмотря на обилие междисциплинарных пересечений, теория текста обладает и собственным гносеологическим статусом.

Исследование художественного текста базируется на идее предварительной жанровой обусловленности свободы выбора автором текста или иных средств реализации смысловой структуры высказывания. В данной работе речь идет об этнокультурной обусловленности выбора языковых средств. Вместе с тем, не исключается авторская организация текста и наполнение его языковым материалом, который можно определить как идиолектную специфику, что представляется чрезвычайно важным процессом лингво-функционального анализа, на основе которого выделяются

идейные признаки языковой личности, в частности, текстовой личности классика французской литературы Марселя Пруста.

При филологическом декодировании неявного смысла текста, частью которого выступает этнокультурный аспект семантики высказываний, осуществляется ориентация на двойственную природу языкового знака. Обладая и смыслом, и формальным воплощением, он может ассоциироваться в том же тексте или в других текстах с иными знаками (как по смыслу, так и по форме) и переключаться с другими компонентами текста по фрагментам своей субстанциональной структуры. Способы данного взаимодействия могут быть рассмотрены как в универсальном аспекте, так и в этноязыковом.

Декодированию традиционно подвергаются содержательные структуры текста и авторское отношение к сообщаемому, авторские намерения. В тексте, как и во всяком человеческом самовыражении, обнаруживаются сознательные, управляемые, и бессознательные, не управляемые, но столь же объективные процессы восприятия, воздействующие на адресата высказывания. Текст, созданный на национальном языке, адресуется, прежде всего, представителю определенной языковой общности и структурируется исходя из национальной парадигмы мышления, культурных установок, исторического развития каждого этноса.

Во всяком тексте выявляется несколько пластов организации: от общих правил связности любого текста до уникальной дешифруемой смысловой структуры - художественного текста, так как художественный текст, являясь "воспроизведением" действительности, создает, по мнению В.В.Виноградова, свою систему связей и соотношений слов, композиционных элементов и частей разного объема и разной структуры (Виноградов 1981). В тексте также возможны наложения других текстов, ассоциативные комбинации которых создают дополнительный смысл ("текст в тексте"-интертекст).

В данном исследовании при рассмотрении динамики формирования этнокультурной структуры значения внимание уделяется дополнительным смыслам высказываний и интертекстовым компонентам, которые характерны для художественной речи и формируются согласно общим законам смыслообразования. Вместе с тем основной акцент направлен на выявление частных закономерностей употребления средств общенационального языка в русле функционирования идеолектных моделей языкового поведения.

Сам текст предстает как непрерывно изменяющаяся семиотическая система, внутри которой, по мнению К.А. Долинина, можно выделить следующие уровни содержательной организации высказываний:

1. *Эксплицитное содержание высказывания* непосредственно выражено совокупностью языковых знаков, из которых это высказывание составлено.

2. *ИмPLICITное содержание* (подтекст) есть та часть информации, которая прямо не выражена в языковых знаках, составляющих высказывание, но так или иначе извлекается из него.

3. *Актуальный смысл (raison d'être) высказывания* - это та часть его содержания, которая представляется наиболее важной, центральной и зависящей от экстралингвистических факторов.

4. *Глобальное или интегральное содержание высказывания*, которое определяется как совокупность значения и потенциального подтекста (Долинин 1985, 6-8).

Наиболее важным для выделения этнокультурных характеристик высказывания представляется уровень актуального содержания. Остальные уровни учитываются при контрастивном описании анализируемого текста и дополняют существенные параметры, передаваемые структурой этнокультурного кода, лежащего в основе построения высказываний на национальном языке.

Нельзя не согласиться с мнением Е.В. Падучевой о том, что описание специфики семантической интерпретации структуры художественного текста

Входит в компетенцию лингвистики и истолкование текста опирается на выявление смыслов, которые в нем заложены в силу того только, что он написан на национальном языке (Падучева 1996, 198). Иными словами, объективный лингвистический анализ предшествует выделению в структуре авторского дискурса этноцентрических элементов.

Выявление этноцентричных элементов связано с понятием текстового (авторского) пространства, в котором преломляются представления носителей языка о пространстве, закрепленные в языковой картине мира, предопределяемой архетипами национальных культур. При этом, текст рассматривается как часть социально-психологического пространства общества, на которое проецируется ассоциативно-вербальная модель языковой личности автора (Лукин 1999, 90). Пространственно-временные параметры восприятия реальности национально специфичны и закрепляются в предпочтительном употреблении определенных языковых форм и структур.

Смысл сообщения существенным образом зависит от контекста, который выступает важнейшим компонентом реализации текстовой семантики. Очевидно, что текстологический анализ не может обойти стороной изучение контекстного функционирования языковых единиц. Другими словами, онтологически контекст выступает как объект изучения и может быть использован в качестве инструмента лингвистического анализа.

1.1.1 Контекст и его роль в процессе формирования идиоэтнического аспекта языковых единиц

Контекстуальная реализация смысла высказывания начинается в момент формирования фразы, так как выбор той или иной языковой единицы задается всем контекстом будущего высказывания в соответствии с интенцией говорящего на общенациональном языке. Контекст в этом смысле

представляет собой некоторое *ситуационное значение текста* или его фрагмента, его глубинное значение, стоящее за языковой формой. Контекстное текстообразование есть, таким образом, как бы второй уровень знания языка, ориентированный на знание внеязыковых факторов, реалий и т.д., компетенция второго уровня (Колшанский, 1980). Имеется в виду знание ситуационных условий выбора и употребления языковых единиц.

Проблема контекста рассматривается в работах Г.В. Колшанского (1959), Н.Н. Амосовой (1963), В.Н.Кодухова (1973) и др. Основными положениями для анализа различных видов лексико-семантических построений являются выводы ученых о речевой контекстуальной обусловленности значения слова, его художественной значимости, при которой устраняется языковая полисемия. Разнообразие самих подходов к контексту является неизбежным, что находит отражение в некоторой противоречивости соответствующей терминологии.

Так, в работах Ю.С. Лясоты (1962), Г.В. Король (1967), Р.В. Сосиной (1969), Л.Н. Рынькова (1975) прослеживается типологический анализ контекста на основании его объема, от словосочетания, "метафорической группы" слов, до "сверх контекста".

В рамках определения эстетико-семантических возможностей слова проблема контекста рассматривается в работах Б.А. Ларина: "Комбинаторные приращения образуются и в пределах одной фразы, и, кроме того, из сочетания периодов - в пределах одной главы; далее есть оттенки, возникающие только из законченного целого" (Ларин 1923, 36).

Г.В.Колшанский отмечает, что "микротекст"- это предложение, "макротекст"- абзац, "ситуационный контекст"- это глава или целое произведение (Колшанский 1959, 48). Функциональный подход характерен для таких исследователей, как Н.В. Арнольд, А.А. Банникова, (1972).

Вопросы контекстуального изучения высказываний являются неотъемлемой частью современных исследований, связанных с анализом языковых явлений в коммуникативно-функциональном и этнокультурном

аспектах. Контекст представляет собой неоднородное научное понятие, которое находится в поле зрения лингвистов, психолингвистов, семиологов, литературоведов. Все исследователи сходятся в том, что контекст представляет собой важнейший элемент функционирования языка. По словам Г.В.Колшанского, контекст выступает не как спорадическое и факультативное явление в коммуникации, а как *глобальный феномен, пронизывающий все единицы и уровни языка*. Коммуникация не может существовать вне контекста, а следовательно, ни одно явление языка не может рассматриваться вне этих условий (Колшанский 1980, 134). Итак, контекст и идиозначительный аспект языковых единиц функционируют в параметрах единой амплитуды семантических колебаний национального языка.

Говоря о необходимости контекстуального анализа семантико-смысловой структуры высказываний, Ж. Клейбер приводит положения, которые тезисно могут быть представлены следующим образом:

Контекст устраняет двусмысленность, которая предусмотрена кодом и может быть снята им же. Декодирование фразового единства происходит на основе контекста, причем не только лингвистического, но и включающего общие знания о мире. По мнению ученого, следует учитывать многоуровневые типы контекста, при этом сквозной контекст обуславливает семантическое взаимодействие языковых единиц на фоне их позиционной многозначности. Глубинный смысл высказывания нередко вступает в противоречие с его лингвистическим значением. Иными словами, основные составляющие элементы значения не всегда обеспечивают их адекватную интерпретацию, что вызывает необходимость анализа всех компонентов дополнительной информации, находящихся в разных типах контекстного окружения (Kleiber, 1994).

Таким образом, понятие "контекст:" включает в себя самое широкое и разнообразное содержание и среди языковедов нет общепринятого

понимания термина "контекст" как с качественной, так и с "количественной" стороны.

Говоря о дополнительных значениях языковых единиц, связанных с суггестивным процессом восприятия текста, некоторые ученые, отмечают обусловленность их формирования мировоззренческими представлениями читателя и его контекстуальной компетенцией. Так, Д. Купер выделяет ассоциативные аспекты контекстной семантики: "Ассоциации, возбуждаемые той или иной языковой единицей, совпадающие представления индивидуума, обладающего определенной компетенцией в знании слов, не могут быть отнесены ни к самому значению языковой единицы, а значит, и ни к такому явлению, которое зависило бы от контекста. Контекст ограничивается лишь чистым языковым окружением и, следовательно, взаимодействием тех или иных сем, а различные ассоциации являются вторичными наслоениями, образуемыми опытом и знанием контекста, но не языковой системы" (Cooper 1973, 18).

Данную мысль можно объяснить тем, что языковые единицы функционируют в речевой среде, в которой своеобразно разрешается вопрос о многозначности и номинации в пределах одного знака-слова или предложения. В этом плане оба понятия (многозначность и номинация) взаимообуславливают друг друга. Можно утверждать, что полисемия лексики как совмещение ряда значений в одной форме есть полисемия номинации, а полисемия предложения - высказывания есть *плюрализм интерпретации смысла в условиях контекста*.

В лингвистике последних лет особое внимание уделяется проблемам установления параметров интерпретации смысла высказываний. Эти поиски направлены на выяснение как интра-, так и экстралингвистических факторов - действительных и просодических средств в тексте, смысловых связей между частями текста, импликаций и пресуппозиции, иллокутивных характеристик и различного рода прагматических факторов.

Далее в данном исследовании будут учитываться в качестве факторов формирования этнокультурного смысла языковых единиц как внутри- так и вне- лингвистические контексты. Мысль о таком подходе подчеркивается в работах Ферса. Ученый говорит о том, что любая единица языка должна рассматриваться не изолированно в коммуникативном процессе, а по меньшей мере как составная часть определенного, относительно законченного отрезка коммуникации, каковым является текст (Firth 1957, 1-32). Разнообразие контекстов покрывает все случаи, требующие уточнения значения слова. Как справедливо считает А.А.Уфимцева, системный семантический контекст, реализующий то или иное значение полисемантического слова, не однороден и включает следующие компоненты:

- а) семантически реализуемое слово;
- б) лексически сочетающееся, так называемое ключевое слово;
- в) модель лексической сочетаемости (Уфимцева 1968, 221).

Модель лексической сочетаемости разнится от языка к языку и может быть выявлена на уровне контекстного функционирования.

Теоретически контекст должен совпадать с текстом как конкретным фрагментом коммуникации, который представляет длительный и не всегда завершенный процесс, при этом он может быть расчленен на определенные отрезки, служащие минимальным контекстом не для отдельных значений слов и отдельных предложений, а для реализации коммуникации, которая для каждой языковой парадигмы имеет особую национальную специфику.

Следует отметить, что текст и контекст представляют собою основные категории языка, с точки зрения функционального процесса реализации речевых стилей. Можно выделить три основные функции текста в установлении семантики слов в контексте.

1. Функцией текста может быть объяснение содержания того или иного слова при его однозначном употреблении в предложении. Эта пояснительная функция раскрывается в пре- и пост-тексте, что создает

основу для понимания не только отдельного выражения, но и относительно законченного участка текста.

2. В тексте могут раскрываться не только усеченные (эллиптические) значения слова, но и обычные его значения, составляющие часть некоторого законченного текста.

3. Общее смысловое содержание текста, служащее не целям снятия многозначности, а пониманию значения слова или выражения, заданного, как правило, абстрактным характером пропозитивной структуры высказывания.

Входя в единую систему, текст и контекст оказываются связанными друг с другом сложной сетью взаимных сопоставлений и противопоставлений, придающих им добавочные смыслы не в плане понимания нейтрального значения высказывания, а в аспекте актуализации его смысла. Контекстуальное воздействие на семантическую структуру высказывания не ограничивается глобальной смыслоформирующей тенденцией, а имеет особое значение для функционирования семантики входящих в него языковых элементов.

Внутрилингвистический и экстралингвистический контексты могут рассматриваться в качестве основы формирования этнокультурного фона художественного дискурса. Национально-культурное своеобразие языковой личности в художественном тексте проявляется, в частности, в специфике техники вторичной номинации в русле *вторичной пропозиции высказывания*, избираемая структура которой, как отмечалось выше (1.3.), обладает определенными этнокультурными характеристиками. В процессе анализа авторского текста, таким образом, важно выделить семантико-смысловые структуры, обусловленные сущностными параметрами национального языка.

Так, писатель Марсель Пруст принадлежит к французской лингвопсихологической формации и, в этом смысле, не является абсолютным "хозяином" семантической, синтаксической и прагматической структур дискурса. Национально-культурное своеобразие коллективной языковой

картины мира в известной мере находит свое воплощение в особенностях использования писателем родного языка.

Как было сказано выше, пространство художественного текста рассматривается как пространство, на которое проецируется ассоциативно-вербальная модель языковой личности создателя текста. Речь не идет о реально существующей личности писателя (*locuteur*), являющейся объектом исследования искусствоведов, биографов, психоаналитиков, историков литературы. Изучается и моделируется субъект высказывания (*énonciateur*), который приобретает существование только в процессе речевого сообщения, и не существует до этого акта. Он принадлежит категории дискурса и относится к "реальности речи" (Бенвенист 1974).

Задача состоит в том, чтобы лингвистическими методами исследовать повествовательную ткань прустовского текста, выделить его лексико-семантические (грамматические, стилистические) характеристики, которые могут служить фактическим материалом для создания *национальной модели языковой личности автора*.

1.2. Специфика повествовательных конструкций романа Марселя Пруста "В поисках утраченного времени"

Объектом анализа и выявления этнокультурных черт языковой личности служит текст романа М.Пруста "В поисках утраченного времени", который многие исследователи относят к произведениям модернизма.

Роман М.Пруста отражает характерные черты мировосприятия периода так называемого "конца века" с его болезненной чувствительностью и сибаритствующим эстетством. Вместе с тем здесь постигаются "общие законы человеческой чувственности" (Завадовская 1986, 90) на основе

психологического анализа детства как особого психического состояния человеческой личности.

Текст романа "В поисках утраченного времени" сложен для восприятия и многослоен по структуре изложения. Повествовательная ткань прустовского текста формирует специфическое дискурсивное пространство для художественного осмысления действительности. В то же время исследуемый текст сам обладает качествами автономно существующей реальности с присущими ей закономерностями развития в рамках индивидуального авторского дискурса.

Дискурсивное функционирование обусловлено определенными методологическими установками, связанными с литературно-эстетическими концепциями автора. Обратимся к роману М.Пруста "В поисках утраченного времени". Роман, как указывалось выше, принадлежит к произведениям модернизма, дискурс которых строится исходя из следующих принципов:

1. Преобладание неререферентного типа повествования. Этот принцип по существу вытекает из предыдущего. Текст безразличен к референту высказывания, то есть темы высказываний часто не имеют соответствий в объективной действительности.

2. Приоритет синтаксиса над лексикой. Не слово, а предложение, композиционно-фразовые единства играют ведущую роль в повествовании. Уникальные прустовские синтаксические конструкции выполняют семантическую функцию (речь здесь идет о семантическом синтаксисе).

3. Ведущая роль мотива. А.Н.Веселовский дал следующее определение мотива: "Под мотивом я разумею формулу, отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшие особенно яркие, казавшиеся важными или повторяющиеся впечатления действительности. Признак мотива - его образный одночленный схематизм" (Веселовский 1906). Таким образом, мотивы есть межуровневые единицы, которые повторяются, варьируются, переплетаются с другими мотивами и создают неповторимую поэтику

торского текста. Так, в романе “В поисках утраченного времени” мотив безвозвратно ушедшего времени проявляется в устойчивом обращении к теме *водной среды*, а обретение утраченного рая связано с повторяющимся варьированием темы о блаженстве *материнского поцелуя*.

4. Нарушение принципов связности текста. Высказывания не всегда логически следуют одно из другого, синтаксические структуры представляют собой причудливое переплетение сложноподчиненных предложений, осложненных причастными и / или деепричастными оборотами.

5. Аккумулятивный способ изложения. Под аккумуляцией мы понимаем соединение разрозненных фактов, событий, реалий, *ассоциативно связанных общим представлением об изображаемом*. Текст накапливает лексико-семантический материал с целью мифологизации повествовательного пространства.

6. Высокая степень валентности языковых средств реализуется в специфической для прустовских текстов высокой сочетательной потенции языковых единиц как одного, так и разных уровней.

7. Наличие индексальных знаков (Якобсон 1987). Некоторые грамматические и синтаксические формы несут семиотическую нагрузку. Как например, в первом томе романа в эпизоде, описывающем первую встречу Марселя и Жильберты, во время игры в бадминтон, формы причастия настоящего времени индексально напоминают полет волана (Седых 1998).

В свете вышесказанного анализ текста представляет собой переход от вещественного пространства линейной формы текста к абстрактному и нелинейному пространству его структуры (Лукин 1999, 90).

Многотомный роман М.Пруста “В поисках утраченного времени” принадлежит к произведениям “большого охвата” (Адмони 1975, 207). Референтное пространство романа включает более 500 персонажей и обширные временные пласты, при этом дискурсной доминантой выступает *циклическое развитие сквозной темы*, связанной с изображением

внутреннего мира личности, который представлен как цепь воспоминаний, ощущений, часто перерастающих в сильные переживания.

Характерной особенностью повествовательных конструкций текста является то, что В.К.Харченко называет "плотностью изложения". Этот термин определяется ею как "повышение информативных возможностей текста, которое делает текст сверхинформативным, насыщенным, вызывающим у адресата эмоциональное и интеллектуальное напряжение даже на малых участках текстового пространства" (Харченко 1998, 16).

Подобный тип изложения наиболее ярко представлен в композиционно-речевых структурах, которые включают прежде всего обозначения психических реалий восприятия и охватывают чувственный опыт главного героя (Марселя) на протяжении всего повествования романа. Эти описания объединены опорной референтной ситуацией: появлением незначительной, с первого взгляда, детали ощущения (запах, вкус, цвет и т.д.), которая служит основанием для воспроизведения события, имевшего место в прошлом, сопровождаемого описанием целого спектра предметов, явлений и состояний персонажа.

Следует отметить еще одну из отличительных черт стиля произведений М.Пруста - сложное синтаксическое построение текста. Автор часто использует фразы длительного периода. Естественно, что подобные конструкции требуют особой организации повествовательных блоков. Это проявляется в анафорических формах изложения, употреблении местоименных реприз, общей сегментации высказываний. Именно поэтому является обоснованным использование для анализа сжатой формы текстовой структуры. Так, некоторые эпизоды представлены в сокращенном виде. Речь не идет о механической компрессии текста. Выделяемые фрагменты высказываний играют опорную роль в повествовании. Они непосредственно связаны с сюжетным развитием действия и образным характером обозначения разнообразных ощущений главного героя романа.

Таким образом, фактическим материалом для исследования служат описания (номинации) чувственных представлений. Объем и семантический тип номинаций непосредственно связаны с их функциями как в высказывании, так и в более крупных дискурсных конструкциях, которые выявляются при анализе тематического и структурного взаимодействия определенных эпизодов романа. Выбор эпизодов обусловлен тем, что все они связаны с метафоро-метонимическим типом описаний и характеризуются значительной ролью контекста (узкого и широкого) в плане его воздействия на семантику языковых единиц.

Доминирующим денотатом (логическим содержанием) всех эпизодов является "сильное чувственное переживание". Структурно эти "лучезарные моменты" (*moments rayonnants* - Butor 1960, 117) можно объединить в три ряда:

- а) вневременные сущности, охватывающие следующие эпизоды: *les clochers de Martinville, les aubépines de Combray, les trois arbres de Balbec etc.*;
- б) реминисценции, вызывающие ощущение счастья: *la petite madeleine, le pavillon treillagé, la serviette empesée, les pavés inégaux de l'hôtel de Guermantes etc.*;
- в) встречи с произведениями искусства: *la lecture de Bergotte, les tableaux d'Elstir, la musique de Vinteuil etc.*

Каждый эпизод состоит из пяти "повествовательных предложений" (мотивов):

1. Относительно устойчивое положение вещей, имеющее место до начала действия.
2. Событие (действие некоторой силы), нарушающее равновесие.
3. Неустойчивое состояние, возникшее в результате (2) и требующее разрешения.
4. Событие (действие противоположной силы), восстанавливающее нарушенное равновесие.

5. Новое равновесие - относительно устойчивое положение вещей, подобное, но не тождественное исходному.

Составляющими композиционно-речевых структур являются, с одной стороны, обобщенные ощущения (денотативный аспект), с другой - образные представления этих ощущений, восприятий. В этом плане необходимо определить механизмы интеграции устойчивых компонентов, включающих носителей менее устойчивых элементов семиотического строя произведения. Устойчивые компоненты - эти сильные "составляющие", которые являются частью специфических особенностей творчества автора, что позволяет "оперировать содержанием [того или иного произведения - А.С.] по правилам формальной логики с выделением в постоянно движущихся, меняющихся объектах изучения их "жесткого существа" (Лихачев 1989, 28).

Текст романа формирует уникальное предметно-пропозитивное пространство, в котором эволюционируют наименования психических объектов постоянно меняющихся форм выражения лирического "я" автора, проявляющихся в описаниях особенностей восприятия мира главного персонажа произведения Марселя. В этом и состоит одна из характерных структурных черт прустовской прозы.

В соответствии с авторскими интенциями образные построения часто создаются без непосредственного участия прямой номинации в процессе описания бесконечных оттенков чувств. "Всякий объект по отношению к нам есть ощущение" ("*Tout objet par rapport à nous est sensation*"), - говорит М.Пруст. Действительно, метафорическое представление ощущений, а не описания воспринимаемых объектов окружающего мира, становится методологической основой системы прустовских образов. Изменяя основы референтных отношений, произведение передает лингвистическими средствами аутентичность психического опыта, который представлен в тексте как центральный личностный фактор персонажа.

Автор часто реконструирует ощущения путем описания процесса интеллектуализации результатов чувственного опыта, что подчеркивает

неповторимость и преходящий характер индивидуального восприятия. Например, в “Беглянке” персонаж представлен концептуально: “*Bref Albertine n’était, comme une pierre autour de laquelle il a neigé, que le centre générateur d’une immense construction qui passait par le plan de mon coeur*” (AD, RTP, IV, 22).

Текст создает пространство чувственных представлений не только с помощью внутренней формы языковых единиц, но и благодаря лексико-синтаксическим средствам, связанным с относительной автономностью означающих. Так, например, описываются во втором томе цикла “У Германтов” видения главного героя, находящегося в состоянии полусна:

“Ce n’était qu’une lueur dans la presque obscurité (...) puis, reflet de ce reflet (...) puis, par une réfraction nouvelle, mon éveil ... à un nouveau somme (...) Ainsi plus tard à Venise (...) j’ai vu grâce à l’écho invisible pourtant d’une dernière note de lumière indéfiniment tenue sur les canaux comme par l’effet de quelque pédale optique, les reflets des palais déroulés comme à tout jamais en velours plus noir sur le gris crépusculaire des eaux.” (CG, 150).

В этом эпизоде отмечается характерное для М.Пруста стремление вместить в высказывание все оттенки ощущений, дать ощущение в его динамике. Для писателя важно не явление как таковое, но и причины, следствия, обстоятельства, сопутствующие процессу его появления. Семантические поля подчеркнутых слов, соединенных в необычные словосочетания, не выражают непосредственно понятий, как это бывает в типичном контексте, а указывают лишь на те признаки, которые служат семантическими знаками, ориентирами для создания образного впечатления или пробуждения психической реакции в сознании читателя.

Таким образом, имя утрачивает предметную референцию, что связано с созданием параграмматического (околограмматического) пространства, построенного на логике отрицания и дифференциации и, следовательно, обозначения. Например, в одном из эпизодов четвертого тома романа “Пленница” референтные связи нарушаются почти полностью:

"... je crains bien que vous ne trouviez des colonnes Vendôme de glace, de glace au chocolat ou à la framboise, et alors il en faut plusieurs (...) dans une allée à la gloire de la Fraicheur. Ils font aussi des obélisques de framboise qui se dresseront de place en place dans le désert brûlant de ma soif et dont je ferai fondre le granit rose au fond de ma gorge (...) La glace a beau ne pas être grande (...) ces glaces au citrons-là sont tout de même des montagnes réduites (...) au pied de ma demi-glace jaunâtre au citron, je vois très bien des postillons, des voyageurs, des chaises de poste sur lesquels ma langue se charge de faire rouler de glaciales avalanches qui les engloutiront" (Pr, RTP, III, 636-637).

Денотат высказывания непосредственно соотносится с чувственными представлениями без обращения к референтному пространству действительного мира. Семантическая наполняемость языковых единиц претерпевает кардинальные трансформации, обусловленные их употреблением в специфическом контексте. Исходный признак наименований, связанных с выражением любви повествователя к Альбертине, реализуется в обозначениях различных видов мороженого. Образное впечатление создается за счет пересечения понятий в русле повторной номинации. Следует отметить, что с точки зрения семантико-смыслового и образного наполнения, этот эпизод избыточен, но это естественно, так как косвенно, благодаря значению языковых единиц, их эмоциональной окраске, подчеркивается сила чувств повествователя к объекту его переживаний.

С точки зрения наибольшей четкости структурной организации повествования характерным представляется эпизод из первого тома романа, описывающий сцену зимнего вечера в Комбре, когда мать Марселя приносит ему чашку чая (CS, RTP, I, 44 - 47). Для глобальной дискурсной композиции произведения этот эпизод определяется многими исследователями как ключевой (Долинин 1978, Kristeva 1994).

Исследуемый фрагмент можно разделить на три части, оставив лишь наиболее важные для анализа элементы тропных структур и связок действия.

В сокращенном виде это соответствует следующим отрывкам повествовательной ткани эпизода:

1. *Comme je rentrais à la maison (...) ma mère (...) me proposa de me faire prendre (...) un peu de thé. Elle envoya chercher un de ces gâteaux courts et dodus appelés Petites Madeleines qui semblent avoir été moulés dans la valve rainurée d'une coquille de Saint-Jasques. (...) à l'instant même où des miettes du gâteau toucha mon palais (...) Un plaisir délicieux m'avait envahi, isolé, sans la notion de sa cause. (...) de la même façon qu'opère l'amour, en me remplissant d'une essence précieuse: ou plutôt cette essence (...) était moi. D'où avait pu me venir cette puissante joie? (...) Il est clair que la vérité que je cherche n'est pas en lui [breuvage], mais en moi. (...) Je pose ma tasse et me tourne vers mon esprit. (...) Chercher? pas seulement : créer.*

2. *Certes, ce qui palpite ainsi au fond de moi, ce doit être l'image, le souvenir visuel, qui, lié à cette saveur, tente de la suivre jusqu'à moi. (...) il se débat trop loin, trop confusément; à peine si je perçois le reflet neutre où se confond l'insaisissable tourbillon des couleurs remuées; mais je ne peux distinguer la forme, lui demander, comme au seul interprète possible, de me traduire le témoignage de sa contemporaine, de son inséparable compagne, la saveur, lui demander de m'apprendre de quelle circonstance particulière, de quelle époque du passé il s'agit.*

3. *Et tout d'un coup le souvenir m'est apparu. Ce goût, c'était celui du petit morceau de madeleine que (...) ma tante Léonie m'offrait après l'avoir trempé dans son infusion de thé ou de tilleul. (...) quand d'un passé ancien rien ne subsiste (...) l'odeur et la saveur restent encore longtemps, comme des âmes, à se rappeler, à attendre, à espérer (...) à porter sans fléchir, sur leur gouttelette presque impalpable, l'édifice immense du souvenir. (...) toutes les fleurs de notre jardin et celles du parc de M. Swann, et les nymphéas de la Vivone, et les bonnes gens du village et leurs petits logis et l'église et tout Combray et ses environs, tout cela qui prend forme et solidité, est sorti, ville et jardin, de ma tasse de thé.*

В первых предложениях фигурирует экзистенциальная, или интродуктивная, номинация. Для нее существенны как смысл, так и отнесенность к некоторому объекту, известному автору, но пока мало знакомому читателю, так как речь идет об индивидуальных особенностях внутреннего состояния индивида и поисках причин появления неожиданных ощущений.

Дискурсно приведенный эпизод можно соотнести с предыдущими главами, т. е. с предконтекстом, где повествуется о грусти маленького Марселя из-за отсутствия матери и традиционного поцелуя перед сном, связанных с приходом Свана - "невольного виновника моих огорчений" (Пруст 1992, 40). Композиционно рассматриваемый отрывок венчает серию эпизодов, главной темой которых является душевная тревога главного героя. Пирожное с чаем, предложенные матерью, выступают метафорой обретения психического равновесия. Эта метафора, лежащая в основе всего эпизода, иерархически подчинена образу наслаждения, проходящему через все произведение. Иными словами, наименования реализуют свои семантические "валентности" (Кацнельсон 1948) в рамках контекстуального функционирования доминирующего образа.

Вторая часть эпизода связана с эксплицитным смещением предметной референции. Происходит сдвиг семантики наименований в рамках актуализации темы "влюбленности" и "чувственного воспоминания": "*Il m'avait aussitôt rendu les vicissitudes de la vie indifférentes (...) de la même façon qu'opère l'amour, en me remplissant d'une essence précieuse: ou plutôt cette essence n'était pas en moi, elle était moi. J'avais cessé de me sentir médiocre, contingent, mortel*" (CS, RTP, I, 44).

В приведенной фразе преобладает субъективный план выражения подчеркивающий переход повествования в область чувственных представлений. С помощью приема "обращенного параллелизма" (Якобов 1987, 280) интенсифицируется ассоциативно-образное наполнение отрывка персонаж превращается в "драгоценное вещество": "*cette essence (...) était*

moi". Учитывая контекстный фактор, парадигматически объединенные единицы *moi - essence précieuse* могут рассматриваться как семантически противоречивое высказывание, т.е. как двучленная метафора, осложненная метонимическим смещением.

Так, выстраивается следующий семантико-ассоциативный ряд: выпивается чашка чая, появляется чувство блаженства, совместимое с состоянием влюбленности. Любовь наполняет душу драгоценным веществом и персонаж превращается в него, становясь вневременной субстанцией. Метафорически содержимое чашки соотносится с сущностью любви, а психическое "я" персонажа находится в смежных отношениях с последней. Все эти признаки воспринимаются одновременно и не становятся поочередно объектами мысли, а остаются элементами нерасчлененного представления, в котором совмещены признаки разных предметов.

На следующем этапе повествования эпизода описывается попытка персонажа выделить из вкусового ощущения визуальное воспоминание обстоятельства, находящегося в прошлом. С точки зрения номинативной структуры содержания высказываний, речь идет о поисках наименований для передачи дополнительных признаков нереферентного означаемого. Иными словами, объективный референт отсутствует, что соответствует неустойчивому представлению: "*insaisissable tourbillion de couleurs remuées*", "*forme confuse*" (CS, RTP, I, 46). Наречное выражение "*tout d'un coup*", обозначающее неожиданное смещение темы, снимает напряжение и выводит эпизод на уровень денотативного (логического) содержания. Сегодняшний бисквит заменяется бисквитом тетушки Леонии.

Смещение референта во времени и пространстве осуществляет стабилизацию образа или, употребляя терминологию Р. Якобсона, устанавливается "уплотнение повествования образами, привлеченными по смежности, т.е. путь от собственно термина к метонимии и синекдохе" (Якобсон 1987, 391). Метонимическое смещение появляется на завершающем

этапе отрывка и является характерным приемом авторской повествовательной структуры.

1.3. Метафоризация и метонимизация как авторские способы построения семантико-смысловой структуры текста

Формирование смысла вторичных наименований протекает в процессе переосмысления “предшествующего” значения слов. В рамках контекстного употребления языковых единиц среди семантических трансформаций наиболее распространенным явлением принято считать использование метафоры и метонимии. Эти тропы, являясь важнейшим классом средств словесной изобразительности, основаны на установлении “сверхсемантической” (Долинин 1985) связи между означающим и означаемым. Сами по себе они есть способы образования вторичных наименований.

Метафору традиционно определяют как “троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п. (Ахманова 1966, 231)”; как “приписывание означающего вторичному означаемому, ассоциируемому по сходству с первичным означаемым” (Якобсон 1970) и т.п. Естественно, в этих общих дефинициях речь не идет о функции метафоры в художественной речи.

Вот что пишет Б.В.Томашевский об атрибутивной функции метафоры: “Простое наименование признака, требующего выделения, не всегда удовлетворяет требованиям выразительности. Чтобы непосредственно воздействовать на чувство, требуется более конкретное представление о признаке, о котором следует напомнить и к которому привлекается внимание. (...) Целью метафоры является присоединение к предмету того признака, который скрыт в самой метафоре” (Томашевский 1959, 201). Иными словами, главная функция метафоры заключается в приписывании

референту (понятию, явлению) некоторого признака или комплекса признаков, который иначе приписать ему нельзя, как только в определенном контексте. В данном исследовании контекст интерпретируется в качестве одного из факторов создания этнокультурного фона высказывания.

Следует отметить, что в поэтической ткани прустовского текста метафора, как правило, вводится в высказывание в своей вторичной функции, т.е. в функции именованья и дает сжатую характеристику обозначаемого предмета, явления, личности, часто претендуя на раскрытие их сущности: *“Nous nous imaginons qu’il (l’amour) a pour objet un être qui peut être couché devant nous, enfermé dans un corps. Hélas! Il est l’extension de cet être a tous les points de l’espace et du temps que cet être a occupés et occupera”* (Рт, RTP, III, 607). Естественно, что наиболее характерным типом метафоры, используемым в литературном тексте является образная метафора.

Если традиционные художественные тексты, опираясь на семантическую структуру языка, используют систему тропов, открытую еще Аристотелем, то новейшая литература подчас строится по кардинально иным канонам. Интерпретация тропов предельно контекстуализируется, и все уровни словесной структуры становятся образосозидающими, метафорообразующими.

Так, отличительной особенностью произведений М.Пруста является употребление “многослойной” и “развернутой” метафоры. По определению К.А.Долинина, развернутой метафорой называют такую метафору, образ которой представляет собой сложное семантическое образование - развернутое словосочетание, предложение или более крупную единицу речи, в пределе - целый текст. “Имеет смысл употреблять этот термин только в тех случаях, когда образ получает какое-то собственное движение, начинает вести себя в соответствии со своей собственной неметафорической природой, по законам мира, к которому он принадлежит, т.е., выражаясь лингвистическим языком, реализует те семантические, лексические и

грамматические валентности, которые присущи ему в прямом значении" (Долинин 1978, 145-146).

Принимая такое определение развернутой метафоры, рассмотрим эпизод, который мы называем "В ожидании Жильберты". Здесь, как и в предыдущих эпизодах, речь идет о депрессивном состоянии персонажа, интенсивности желания видеть возлюбленную, неустойчивости ее образа. На завершающем этапе развертывания повествования используется прием метонимического смещения.

Лексико-семантическое поле композиционно-речевых структур, входящих в эпизод, включает в себя обозначения явлений на основе общего признака "способы восприятия". Например, широкий спектр употребленных наименований, связанных с разными типами ощущений: "*surface invisible*", "*émanation vieillote*", "*fraîche odeur*", "*tendresse nouvelle*", "*glissante comme une ondine*", "*lettre ardente*", "*murs humides*", "*plaisir délicieux*", "*joues plâtrées*", "*pommettes enflammées rouges et rondes comme des cerises*". Благодаря используемой автором данной серии обозначений, усиливается "объективная" чувственная тональность повествования.

Парадигматически этот дискурсный сегмент начинается в первом томе романа и посвящен встрече героя с именем будущей возлюбленной:

"Ce nom de Gilberte passa près de moi, évoquant d'autant plus l'existence de celle qu'il désignait qu'il ne le nommait pas seulement comme un absent dont on parle, mais l'interpellait; il passa ainsi près de moi, en action pour ainsi dire, avec une puissance qu'accroissait la courbe de jet et l'approche de son but; - transportant à son bord, je le sentais, la connaissance, les notions qu'avait de celle à qui il était adressé, non pas moi, mais l'amie qui l'appelait, tout ce que, tandis qu'elle le prononçait, elle revoyait ou, du moins, possédait en sa mémoire, de leur intimité quotidienne, des visites qu'elles se faisaient l'une chez l'autre, et tout ce inconnu encore plus inaccessible et plus douloureux pour moi d'être au contraire si familier et si maniable pour cette fille heureuse qui m'en frôlait sans que j'aie pu pénétrer et jetant en plein air dans un cri; - laissant déjà flotter dans l'air

emanation délicieuse qu'il avait fait se dégager, en les touchant avec précision, de quelques points invisibles de la vie de Mlle Swann, du soir qui allait venir, tel qu'il serait, après dîner, chez elle; - formant, passager céleste au milieu des enfants et des bonnes, un petit nuage d'une couleur précieuse, pareil à celui qui, bombé au-dessus d'un beau jardin du Poussin, reflète minutieusement, comme un nuage d'opéra plein de chevaux et de chars, quelque apparition de la vie des dieux; - jetant enfin, sur cette herbe pelée, à l'endroit où elle était un morceau à la fois de pelouse flétrie et un moment de l'après-midi de la blonde joueuse de volant (qui ne s'arrêta de le lancer et de le rattraper que quand une institutrice à plumet bleu l'eut appelée), une petite bande merveilleuse et couleur d'héliotrope, impalpable comme un reflet et superposée comme un tapis, sur lequel je ne pus me lasser de promener mes pas attardés, nostalgiques et profanateurs, tandis que Françoise me criait : "Allons, aboutonnez voir votre paletot et filons" et que je remarquais pour la première fois avec irritation qu'elle avait un langage vulgaire, et hélas! pas de plumet bleu à son chapeau" (CS, I, RTP, 394-395).

Главный персонаж этого отрывка - имя. Оно представлено в рамках метафоро-метонимического контекста в форме развернутой метафоры. В описании представлено прежде всего "художественное пространство" (Бахтин 1975), поскольку время (вместе с действием) на этом участке текста, как и в других подобных сегментах, как бы останавливается, чтобы выдвинуть на первый план обозначения деталей психических элементов, которые составляют остов фразы. Временная особенность повествования подчеркивается анафорическим употреблением причастий: "ce nom de Gilberte passa près de moi, évoquant ...- transportant à son bord...- laissant déjà flotter...- formant, passager cèleste...- jetant enfin..." (ibid.).

Предметное окружение, действующие лица отодвинуты на задний план во второстепенные фразы: qui ne s'arrêta de le (le volant) lancer et de le rattraper...- tandis que Françoise...(ibid). Да и сама Жильберта появляется как "часть", привязанная к послеобеденному времени ("au morceau d'après-midi").

В приведенном высказывании происходит развертывание во времени обращенного параллелизма (метаморфоза). Имя становится последовательно запахом ("émanation délicieuse"), облачком ("petit nuage"), и, наконец, восхитительной гелiotроповой полоской ("petite bande d'héliotrope"). Ассоциации устанавливаются путем контраста (антитезы). Авторские метафорические построения подкрепляются метонимическими соответствиями смежных действий: присутствие подружки и ее представлений о Жильберте - "tout ce que (...) elle revoyait (...) possédait dans sa mémoire" и Жильберты - персонажа как части театральной ситуации.

Пруст снова возвращается к теме любви к Жильберте во втором томе романа "Под сенью девушек в цвету" (JFF, 63-72). Этот дискурсный сегмент можно разделить на три части, соответствующих каждому этапу повествовательной схемы:

1. *Le soir tombait, je m'arrêtai devant une colonne de théâtre où était affichée la représentation que la Berma donnait le 1er janvier (...) j'aurais pu (...) refaire la connaissance de Gilberte (...) comme au temps de la Création (...) avec les indices qu'on aurait pu en tirer pour l'avenir (...) un nouveau monde où rien ne subsistât de l'ancien (...) rien qu'une chose: mon désir que Gilberte m'aimât. (...) plongée dans un sommeil agité, mon adolescence enveloppait d'un même rêve tout le quartier (...) Gilberte ne revenait toujours pas aux Champs-Élysées. (...) nos désirs vont s'interférant et, dans la confusion de l'existence, il est rare qu'un bonheur vienne justement se poser sur le désir qui l'avait réclamé (...) Et pourtant j'aurais besoin de la voir, car je ne me rappelais même pas sa figure. (...) j'étais désespéré".*

2. *La manière chercheuse, anxieuse, exigeante que nous avons de regarder la personne que nous aimons, (...), notre imagination alternative, sinon simultanée, de la joie et du désespoir, tout cela rend notre attention en face de l'être aimé trop tremblante pour qu'elle puisse obtenir de lui une image bien nette (...) le modèle chéri bouge; on n'en a jamais que des photographies manquées (...) je m'irritais de trouver (...) les visages inutiles et frappants de l'homme des chevaux de bois e*

de la marchande de sucre d'orge (...) Il me fallut l'accompagner (Françoise) dans un petit pavillon treillissé de vert (...) Les mur humides et anciens de l'entrée (...) dégageaient une fraîche odeur de renfermé qui (...) me pénétra d'un plaisir (...) consistant auquel je pouvais m'étayer, délicieux, paisible, riche, d'une vérité durable, inexplicable et certaine.

3. En rentrant, j'aperçus, je me rappelai brusquement l'image, cachée jusque-là, dont m'avait approché, sans me la laisser voir ni reconnaître, le frais, sentant presque la suie, du pavillon treillagé. Cette image était celle de la petite pièce de mon oncle Adolphe, à Combray, laquelle exhalait en effet le même parfum d'humidité. Mais je ne pus comprendre, et je remis à plus tard de chercher pourquoi le rappel d'une image si insignifiante m'avait donné une telle félicité.

В первой части преобладает субъективный чувственный план, который подчеркивается троекратным употреблением слова "désir". При этом происходит первое смещение образа, так как мысли повествователя переходят на воспоминание об игре актрисы Берма.

К первому смещению содержания добавляется второе. Оно также связано с образным обозначением состояния чувственного подъема. Повествование перемещает образ в квартал, куда Марсель продолжал ходить на поиски своей возлюбленной. Его чувство проецируется на окружающий его архитектурный комплекс (дворец Габриеля) "при лунном свете, утративший свою вещественность" ("dématérialisé par le clair de lune"), что впервые доставляет персонажу эстетическое наслаждение ["pour la première fois une impression de beauté" (ibid.)]. Метафора может быть выявлена из сравнения, основанного на параллелизме разнопорядковых явлений: любовь сравнивается с творчеством. Здесь отмечается характерный для повествования романа переход от абстрактного к конкретному.

Таким образом, происходит и сдвиг в значении (метафора), и сдвиг в референции (метонимия). Метафора изменяет логический порядок предикатов: признаки предмета (любовь) трансформируются в признаки признаков предмета (творчество актрисы, архитектурные произведения).

Метонимия смещает фокус референции: позиция субъекта становится позицией актантов (субъект - возлюбленная, актанты - произведения искусства).

Вторая часть эпизода представляет характеристику непредметной сущности (любовь) через признаки подвижных образов действительного мира. Для автора важно показать серию мимолетных, казалось бы, случайных впечатлений, суммирование которых дает существенное представление о предмете.

Большое значение придает автор описанию "самых банальных" запахов, сила которых, в частности, запаха плесени (*petit pavillon treillissé de vert*), мотивирует возникновение в сознании нескольких образов, связанных с чувством блаженства и появлением его обобщающего образа. Так, употребление серии метафорических эпитетов создает дополнительные смысловые возможности для реализации коннотативного значения высказывания: "*délicieux, paisible, riche, d'une vérité durable, inexplicable et certaine*".

Повествователь хотел бы произвести тот же анализ, что и в эпизоде с "мадленой", чтобы понять очарование "испарения старины" ("*cette émanation vieillote*"), но он возвращается к Жильберте. И здесь описания двух чувственных представлений накладываются одно на другое: во время игры маленький Марсель пытается схватить письмо, которое Жильберта спрятала за спиной: "*je répandis, comme quelques gouttes de sueur arrachées par l'effort, mon plaisir auquel je ne pus pas même m'attarder le temps d'en connaître le goût*" (ibid.485).

В третьей части эпизода герой, вернувшись домой, неожиданно вспоминает образ, связанный с обонятельным представлением: *Cette image était celle de la petite pièce de mon oncle Adolphe, à Combray, laquelle exhalait en effet le même parfum d'humidité*. Референтный сдвиг (*le pavillon treillage - la petite pièce à Combray*) позволяет зафиксировать образ затхлого запаха.

который был материальной причиной радости, и оправдать логику своего появления.

Два типа ощущений (обонятельное и тактильное) представлены в одном психологическом контексте. Их последовательное описание создает обобщенный образ наслаждения. Неустойчивый образ фиксируется при помощи смещения повествования во времени и пространстве. Актуализатором ощущения в настоящем (*pavillon treillagé*) выступает образ из прошлого (*la petite pièce de l'oncle Adolphe*).

Таким образом, в художественном пространстве рассмотренного фрагмента ("В ожидании Жильберты") метафорические построения, образуя парадигматическую референтную сетку признаков "психических объектов" (воспоминание, желание, запах), коррелирующих между собой, обуславливают образное прочтение эпизода. Они способствуют формированию дополнительных значений языковых единиц, проявляющихся в процессе их контекстного функционирования. Под влиянием широкого контекста на прямое значение слова наслаивается добавочный смысл, который в составе художественного текста становится доминирующим. Прямое значение слова теряет свою первозданность, являясь лишь ориентиром для авторской ассоциации. В результате переносно-образное значение слова передает нерасчлененное представление, в котором совмещены признаки разных предметов/ явлений.

Образная насыщенность повествования достигается при помощи метафорического принципа описания, и, как следствие, смысловые выводы в высшей степени контекстуализируются. Художественные образы, будучи продуктом внутренней эволюции собственного ряда, находят себе адекватное воплощение в ассоциативном пространстве авторского текста.

Если метафорический перенос основан на семантическом сходстве, то метонимия определяется как такой перенос наименования, который зиждется на семантической смежности. Семантическую смежность обычно рассматривают как разнообразные связи между предметами и понятиями, как

внешние, вещественные, так и внутренние, логические: материал-предмет, производитель-произведение, причина-следствие, знак-понятие, место-функция и т.д.

Считается, что метонимия как средство словесной образности играет в художественном тексте менее важную роль, чем метафора. Однако, как отмечает К.А.Долинин, метонимический принцип "часть вместо целого" часто лежит в основе всей сюжетной структуры литературного произведения: "Всякий художественный текст говорит о мире и человеке в целом, но представителями, метонимией человечества в тексте выступают люди определенной эпохи, определенной культуры, определенного социального круга, а представителями этих людей выступает ограниченное число героев. (...) Всякий период представлен в тексте не целиком, а частями-эпизодами. Любой эпизод излагается не целиком, а отдельными кусками. Любой объект тоже описывается метонимически-отдельными штрихами" (Долинин 1978: 158).

Следует подчеркнуть, что это определение предполагает широкое понимание метонимии. В данной работе метонимия рассматривается в двух планах:

а) в качестве основы референтной структуры прозаического текста осуществляющего поэтическую функцию национального языка;

б) как одна из проекций психоэмоциональных характеристик писателя-языковой личности Марселя Пруста.

В прустовских текстах образы внешнего окружения, как правило выступают метонимическими выражениями лирического "я" автора персонажа. Иными словами, метонимические построения являются одним из способов отражения не только внешнего предметного мира, но и внутренней психофизической структуры авторского восприятия.

С точки зрения выявления идеолектных параметров языковой личности Марселя Пруста рассмотрим эпизод из второй части второго тома

романа “Под сенью девушек в цвету” (JFF, 482-542), касающийся создания образа Альбертины.

Действие эпизода развивается под знаком предчувствия любви между Марселем и Альбертиной. Для нашего исследования прежде всего интересна полиреферентная структура образа героини, который строится на смещении признаков трех персонажей: Альбертины, Розамунды и Андре. При этом в обобщенный образ входят обозначения явлений природы и быта. Иными словами, на уровне восприятия чувственное представление является изначально неустойчивым.

Приступим к анализу эпизода, фактический материал которого рассматривается по мере его развития, так как он разворачивается на шестидесяти страницах романа.

J'étais passionné pour elles comme on l'est parfois pour une espèce de fleurs. (...) sous la rose inflorescence d'Albertine, de Rosemonde, d'Andrée (...) grâce aux arts de transposition, au génie de synthèse où excelle le désir (...) Au commencement d'un amour comme à sa fin, nous ne sommes pas exclusivement attachés à l'objet de cet amour, mais plutôt le désir d'aimer dont il va procéder, (et plus tard le souvenir qu'il laisse) erre voluptueusement dans une zone de charmes interchangeables - charmes parfois de nature, de gourmandise, d'habitation. (...) ... une grappe de visages juxtaposés dans des plans différents et qu'on ne voit pas à la fois (...) je devrais donner un nom différent à chacun des moi qui dans la suite pensa à Albertine; je devrais plus encore donner un nom différent à chacune de ces Albertine qui apparaissaient devant moi, jamais la même. (...) chaque être est détruit quand nous cessons de le voir; puis son apparition suivante est une création nouvelle, différente de celle qui l'a immédiatement précédée sinon de toutes.

Одной из причин расщепленного представления персонажа и неустойчивости образных средств выражения является отсутствие референта “из плоти и крови” или безразличие автора по отношению к референту, как отмечал Ж.Женетт: “l'indifférence (de l'auteur) à l'égard du référent” (Genette,

1972, 45). Единственным и уникальным референтом Альбертины вновь выступает авторское “я” или скорее несколько последовательных “я”. Повествователь придумывает Альбертину в момент ее отсутствия: “*un nom différent à chacun des moi*”, “*une création nouvelle*”.

Таким образом, текст создает семантическое поле чувственных представлений при помощи обозначения последовательных ощущений. Пруст представляет Альбертину как эстетический объект со сложной структурой из совмещенного изображения трех девушек, каждая из которых естественным образом дополняет другую (“*chacune était naturellement le substitut de l'autre*”).

В художественном пространстве анализируемого эпизода происходит новое референтное смещение: персонажи изображаются последовательно как представители флоры, фауны, пейзажа. При этом преобладают термины растительного мира: “*variétés de roses*”, “*papillonacées*”, “*graminée*”, “*l'attouchement, la dégustation, les contacts interdits, ils donnent à ces filles la même consistance mielleuse qu'ils (les sens) font quand ils butinent dans une roseraie, où dans une vigne dont ils mangent des yeux les grappes*”. Метафорическое описание деталей восприятия фиксирует связь противоположаемых разрядов объектов: “... *au moment où de nouveau cette femme est près de nous (...) nous allions au-devant, d'un paon et nous trouvons une pivoine*” (JFF, 510). Происходит категориальный сдвиг: женщина → павлин → пион. Наименования устанавливают сходство между дистантными референтами.

Чувственные представления часто передаются эксплицитно: “*j'aurais pu toucher les mains de mon amie pendant ces minutes inespérées qui ne reviendraient peut-être pas et eussent pu me conduire très loin*” (ibid, 512). Руки Андре описываются с помощью логизации параллелизма - сравнения (Якобсон 1987, 280): “*comme de nobles lévriers*” et “*dorées comme deux feuilles d'automne*”. Эти наименования контрастируют с характеристиками рук Альбертины (“*plus grasses*”). Образ углубляется описанием слуховых

спущений: *"la sonorité de son rire, indécent à la façon d'un roucoulement ou certains cris"* (ibid).

Автор помещает руки Андре и голос Альбертины в один пространственно - временной контекст (действие рассматриваемого отрывка - JFF, 512-514, происходит во время игры в веревочку), иными словами, обозначаемые предметы вовлечены в одну референтную ситуацию. Этот прием можно рассматривать как метонимическое смещение сигнификативного значения высказываний в сторону денотативного с целью стабилизации образа.

В этом фрагменте наблюдается метонимическое описание внешних черт персонажей через последовательное представление смежных признаков. Периодически в тексте происходит обратный процесс - возврат к наращиванию сигнификативного содержания в ущерб денотативному:

Je m'arrêtai une seconde et Andrée (...) me laissa causer un instant avec les feuilles de l'arbuste. Je leur demandai des nouvelles des fleurs, ces fleurs de l'aubépine pareilles à de gaies jeunes filles étourdies, coquettes et pieuses. (...) comme Gilberte avait été mon premier amour pour une jeune fille, elles avaient été mon premier amour pour une fleur. (...) elles (fleurs d'aubépine) sont venues me voir à Combray dans ma chambre, amenées par ma mère quand j'étais malade (JFF, 516).

В приведенном фрагменте образ смежных чувств переносится на Андре и переходит затем на цветы кустарника, которые представлены в виде развернутого метафорического оборота. Это прием субституции, функционирующий по модели сравнения.

Представляют особый интерес лексико-семантические средства, с помощью которых чувства героя трансформируются в структуру образа:

Les moindres mouvements, comme m'asseoir sur la banquette de l'ascenseur, m'étaient doux, parce qu'ils étaient en relation immédiate avec mon coeur; je ne voyais dans les cordes à l'aide desquelles l'appareil s'élevait (...) que les rouages, que les degrés matérialisés de ma joie (...) C'est-à-dire avait tellement

mis pour moi la réalité du monde non plus dans la nature, mais dans les torrents des sensations que j'avais peine à contenir (...). Or, le moi dure plus que le monde au point que je jetais dédaigneusement dans un coin ciel, mer et falaises (JFF, 527-528).

В данном отрывке “состояние радости” как общий референт проецируется на объекты окружающей действительности и персонажи становятся частью пейзажа. Семантическое поле элементов повествования смещается от своего денотативного содержания. Конкретно-предметные наименования “*banquette*”, “*ascenseur*”, “*cordes*”, “*rouages*” переходят в категорию абстрактных объектов.

В одном из отрывков автор использует прием развернутого во времени обращенного параллелизма: Альбертина становится не реальным персонажем, а эстетической опорой любви Марселя:

“... *fruit rose inconnu (...) éclairé d'un feu intérieur comme par une veilleuse, prenait pour moi un tel relief qu'imitant la rotation d'une sphère ardente, il me semblait tourner, telles ces figures de Michel-Ange qu'emporte un immobile et vertigineux tourbillon*”(ibid,528).

Итак, образное описание возлюбленной вначале рассеивается, затем становится неустойчивым и, наконец, ускользающим: “*Mes rêves l'abandonnèrent dès qu'ils cessèrent d'être alimentés par l'espoir d'une possession (...) ils se trouvèrent libres de se reporter (...) sur telle où telle de mes amies d'Albertine, et d'abord sur Andrée*” (ibid,528-529).

Приведенная часть эпизода есть начало метонимического смещения, который затем появляется в рамках метафорического контекста: “*Entre ces jeunes filles, tiges de roses dont le principal charme était de se détacher sur la mer, régnait la même indivision (...) tant chacune était naturellement le substitut de l'autre*”(ibid,538). Присутствие “морской темы” не случайно, т.к. “la force de l'élément marin” (интенсивность морского элемента) в прустовском дискурсе играет важную роль. Эта особенность была отмечена исследователями, в частности, Ж.Женетом: “*Un réseau d'analogies, dans la*

paysage "reel" comme dans sa représentation picturale, s'efforce de "supprimer toute démarcation" entre la mer et tout ce qui la fréquente ou l'avoisine" (Genette 1972, 52).

Необходимо отметить, что текст не предоставляет гомогенную дескриптивную картину референта, потому что образ последнего становится частью снов персонажа, вследствие чего описания деталей преобретают неестественные формы: *"des lignes se trouvaient démesurément grandes"* (ibid,540), что соответствует процессу сгущения, который является одним из характерных признаков работы сновидения: *"Car c'est toujours à cela qu'il fallait revenir, à ces croyances qui la plupart du temps remplissent notre âme à notre insu, mais qui ont pourtant plus d'importance pour notre bonheur que tel être que nous voyons, ce sont elles qui assignent sa grandeur passagère à l'être regardé"* (ibid,542).

Наивысшей степени интенсивности достигает прием метонимического смещения и метафорического сгущения смысла в эпизоде со спящей Альбертиной в четвертом томе романа "Пленница" (Pr, RTP, III, 68-76). Данный фрагмент можно рассматривать как метафорическую транспозицию авторских "я" повествователя, которые становятся носителями метафорического смысла.

"Dans les premiers jours de Balbec, Albertine semblait dans un plan parallèle à celui où je vivais, qui s'en était rapproché (...), puis l'avait rejoint, au fur et à mesure de mes relations avec elle, à Balbec, à Paris, puis à Balbec encore. (...) Je la voyais aux différentes années de ma vie, occupant par rapport à moi des positions différentes (...) et sur la diaphane profondeur duquel la rose personne que j'avais devant moi se modelait avec de mystérieuses ombres et un puissant relief. Il était dû, d'ailleurs, à la superposition non seulement des images successives qu'Albertine avait été pour moi, mais encore des grandes qualités d'intelligence et de cœur, des défauts de caractère (...) qu'Albertine, en une germination, une multiplication d'elle-même, une efflorescence charnue aux

sombres couleurs, avait ajoutés à une nature jadis à peu près nulle, maintenant difficile à approfondir" (Pr,68)

В анализируемом фрагменте прежний расплывчатый образ вновь приобретает свою полноту, стабилизируется. Черты персонажа постепенно вырисовываются, становятся осязаемыми, в то время как гипотетические характеристики Альбертины и повествователя сливаются в нерасчлененное представление, превращаясь в "субстанцию грез".

В результате контекстных трансформаций, связанных со смещением денотативного содержания наименований, персонаж переходит в категорию неодушевленных объектов: Альбертина всего лишь "длинный цветущий стебель" [*"qu'une longue tige en fleur"* (Pr,69)]. Постепенно образ Альбертины, существовавший в форме моря, теряет человеческие качества [*"l'un aprus l'autre, ces différents caractères d'humanité"* (ibid,70)] и, наконец, превращается в растение: *"elle est devenue une plante"* (ibid,70).

Повествование развивается в сторону нового метонимического смещения референтов: *"Chaque fois qu'elle déplazait sa tcte, elle criait une femme nouvelle, souvent insoupçonnée de moi. Il me semblait posséder non pas une, mais d'innombrables jeunes filles"* (ibid,72). Цепочка автономных означающих снова обесценивает исторический денотат. Текст создает специфическое метонимическое обозначение объекта любви через ассоциативно-фрагментарную соотнесенность образа с представлениями индивида.

Эпизод с уснувшей Альбертиной можно рассматривать в плане создания "гиперзнака" (Гак 1977, 45): *"refuge vers un souvenir paisible, apaisant, où l'on voudrait se tenir et ne plus rien apprendre de celle qu'on aime"* (ibid,76). Текст формирует новое обозначаемое, которое не имеет ничего общего с изначальным денотатом. Это обозначаемое становится абсолютным, представляющим новое содержание, которое отделилось от первичного содержания высказывания и реализуется в повествовательной структуре в рамках индивидуального художественного контекста. Новое

содержание создается вне референтных пространства и времени и определяется в рамках индивидуально-чувственных представлений. Таким образом, речь идет о воображаемой красоте, и рассматриваемый эпизод представляет собой определенный метафорический образ, возникающий на основе метонимически смещенных значений.

Для полноты чувственного образа сон Альбертины описывается при помощи сложных конфигураций “синестезически организованных образов”. [Такой тип метафоризации описан С.Ульманом (1970, 277-279).] Синестезия основана на замене впечатлений, производимых на разные чувства человека. Она может рассматриваться в категории “чувственное восприятие” и трактоваться как смещение или расширение содержания языковых единиц. Дифференцирующие семы или взаимозаменяются, или утрачиваются, обозначая “восприятие вообще”, что и наблюдается при описании сна Альбертины.

В описаниях внешности персонажа Пруст употребляет морские, ботанические и искусствоведческие термины: “*une efflorescence charnue*”, “*assoupissement de la mer sur la grève par les nuits de clair de lune*”, “*une longue tige ne fleur*”, “*une plante*”, “*elle n'était plus animée que de la vie inconsciente des végétaux, des arbres*”, “*c'était pour moi tout un paysage*”, “*une mèche isolée et droite donnait le même effet de perspective que ces arbres lunaires grêles et pâles qu'on aperçoit tout droits au fond des tableaux raphaëlesques d'Elstir*”. Дыхание Альбертины сравнивается с шумом моря: “*je goûtais son sommeil d'un amour désintéressé et apaisant, comme je restais des heures à écouter le déferlement du flot*”. Идеальный образ любимой описывается как плод воображения повествователя.

Благодаря употреблению этих тропных конструкций реальный персонаж исчезает, но его образ остается очень осязаемым, восприятие не раздроблено, оно наполнено новым содержанием. Игра означающих создает новое семантическое поле бесконфликтности, которое идет вразрез с традиционными культурными представлениями.

Таким образом, в результате вовлеченности наименований в композиционно-речевые структуры, повествующих о сквозной для всех рассмотренных эпизодов психической ситуации, становится возможным метонимическое смещение и, как следствие, происходит стабилизация образа. Метонимическое смещение возвращает повествование в рамки реального референтного пространства, из которого текст был выведен метафорическим сгущением смысла.

Исследованные фрагменты представляют собой “развернутый метафорический контекст” (Долинин 1978, 148), осложненный метонимическим смещением. Функционируя в рамках повествовательной модели метафора и метонимия, кроме выполнения риторической функции, составляют методологическую основу прустовского романа.

Функционирование тропов в исследуемом произведении не может быть однозначно отнесено к реализации традиционного противопоставления метафора // метонимия - парадигма // синтагма. Как отмечает Г.Розолато: “Метонимическая связь может также принадлежать парадигматическому уровню. Метонимия, как правило, характеризуется отсутствием семантической двусмысленности. Метафора устанавливает несоответствие и некую неопределенность смысла. Диффузия этих двух фигур является основополагающей для “художественного вдохновения” [*“La continuité métonymique peut être aussi d'ordre paradigmatique. La métonymie serait caractérisée par l'absence d'ambiguïté dans l'effet de sens produit. (...) La métaphore établit une rupture (...) et produit une indétermination. L'oscillation entre ces deux figures est essentielle à la “jubilation artistique”*” (Rosolato 1974, 75-99)].

Парадигматическое взаимодействие метафоры и метонимии в специфическом пространстве текстового производства смысла, ярко проявляется в эпизоде, описывающем любовь и ревность Свана (CS, RTP, I, 233 -279). Этот отрезок повествовательной структуры представляет собой динамическое взаимодействие двух фигур (метафоры и метонимии) и

обладает ярко выраженными свойствами потенциального текстообразования.

По сюжету романа Сван - тонкий ценитель живописи. В душе он уже подготовлен для восприятия воображаемой красоты: *"une marge y était réservée à une jouissance qui elle non plus ne correspondait à aucun objet extérieur" mais qui était "comme une réalité supérieure aux choses concrètes"*. Таким образом, автор подчеркивает, что наслаждение от красоты сверхреальности не имеет формы (*"parce que nos yeux ne le perçoivent pas"*), четкое смысловое представление о ней тоже отсутствует [*"parce qu'il échappe à notre intelligence"* (CS, RTP, 1, 233)].

В данном эпизоде ревность персонажа представлена как одна из граней ненависти: *"L'amoureux (-se) idéalise son aimé(e), mais c'est son propre moi basé sur les frontières problématiques du narcissisme qu'il (elle) porte au zénith dans l'épreuve de la passion"* (Kristeva 1994, 40). У истоков лежит любовь, но любовь странная - объектом ее является "я" влюбленного. Упоминание об этой концепции любви мы находим во втором томе цикла:

"Quand on aime, l'amour est trop grand pour pouvoir être contenu tout entier en nous; il irradie vers la personne aimée, rencontre en elle une surface qui l'arrête, le force à revenir vers son point de départ, c'est ce choc en retour de notre propre tendresse que nous appelons les sentiments de l'autre, et qui nous charme plus qu'à aller, parce que nous ne reconnaissons pas qu'elle vient de nous" (JFF, RTP, I, 598).

Изобразительные способности самого влюбленного важнее качеств объекта любви, иначе говоря, реальный референт отсутствует. Описание музыкальной фразы ("национальный гимн" их любви) становится символическим изображением любви Свана к Одетте. Этот музыкальный отрывок представлен в тексте в качестве эстетико-семантической опоры образа и, скрашивая личные недостатки Одетты, насыщает высказывания дополнительными семантико-смысловыми конфигурациями. Речь идет о формировании смысловых объемов, связанных с контекстным

функционированием тропных построений, которые выводят повествование на концептуальный уровень.

Слушая сонату в салоне Вердюренов, Сван вспоминает музыкальную фразу, услышанную в прошлом году. С точки зрения выразительных средств, ее описание представляет собой метафоро-метонимический портрет эстетических представлений персонажа при помощи наименований лексико-семантического поля восприятия: "*il avait vu (...) la masse de la partie du piano, multiforme, indivise, plane et entrechoquée*"; обонятельных: "*comme certaines odeurs de roses circulant dans l'air humide du soir ont la propriété de dilater nos narines (...) parmi les ramifications de son parfum (...) la phrase odorante*"; акватических: "*clapotement liquide (...) comme la mauve agitation des flots*"; геометрических построений - "*il avait devant lui cette chose qui n'est plus de la musique pure, qui est du dessin, de l'architecture, de la pensée, et qui permet de se rappeler la musique*"; антропоморфных переносов, когда музыкальная фраза превращается в прекрасную незнакомку: "*une passante qu'il a aperçue un moment vient de faire entrer l'image d'une beauté nouvelle*" (CS, RTP, I, 233). Нарушена логическая связь - причина и следствие меняются местами. Текст упраздняет границы между прямыми и переносными значениями языковых единиц.

На каждом новом этапе развития повествования добавляется новый тип отношений, новые аналогии трансформируют отвлеченное понятие - музыку - в живое существо (*petite phrase = passante*). Любовь Свана рождается в сопровождении музыкального отрывка и при физическом присутствии Одетты - окружение подсказывает подобие, присутствие любимой реализует ассоциативное сходство любви и музыки. Фигуры находятся в отношении аналогии (музыка - женщина; любить музыку - любить женщину) и смежности (одновременное присутствие Одетты и Свана в момент прослушивания "маленькой фразы" в салоне Вердюренов).

Таким образом, повествование выходит на уровень объектов эстетического восприятия: "... elle devenait un désir qui suppléa désormais à

celui que le corps d'Odette ne lui avait pas inspiré. Quand il (Swann) avait regardé longtemps ce Botticelli, il pensait à son Botticelli à lui qu'il trouvait plus beau encore et, approchant de lui la photographie de Zéphora, il croyait serrer Odette contre son coeur" (CS, RTP, I, 294). Очень быстро Сван - влюбленный превращается в Свана - ревнивого, так как Одетта для него всего лишь образ картины Боттичелли или соната: "*Ma jalousie naissait par des images pour une souffrance, non d'après une probabilité*" (Pr, RTP, III, 384).

Ревнивец быстро понимает, что объект ненависти есть плод его ревности. Неверная любовница изображается в восприятии Свана как "последовательность событий", "неразрешимая проблема" ("*suite d'ivînements*", "*problème insoluble*"). С помощью смещения значения реальный образ трансформируется в троп, т.е. метафоризируется. Формируется новое текстовое пространство дополнительных смыслов, в котором персонаж превращается в отвлеченное понятие.

Метафорическая обратимость, когда сравниваемый объект становится субъектом сравнения, а субъект - объектом сравнения, становится возможной при условии одновременного присутствия аналогий в тексте (*aimer la musique-aimer la femme*) и физической смежности персонажей (*Odette-Swann*). Тем самым метафорической конструкции придается новое измерение, выраженное метонимической "подкладкой". Эти фигуры находятся в нетрадиционных для них отношениях взаимодополняемости и, функционируя на парадигматическом уровне, создают пространство семантической свободы для потенциального текстового производства на уровне читательского восприятия.

Как известно, метафора устанавливает необходимую семантическую адекватность признаков сравниваемых объектов (*petite phrase ↔ clapotement liquide ↔ odeur des rosées ↔ passante*), в то время как метонимия обеспечивает пространственную локализацию образа (*Odette → Botticelli, amour → sonate*). Очевидно, Сван любит не реальную Одетту. Он любит некое качество ("*pétrée de sa propre farine*" - вылепленное из его

собственного теста), которое становится для него более реальным, чем сама реальность. Это качество существует отдельно от единичных вещей, людей, явлений, которые к нему (качеству) причастны. Снова речь идет о разрыве между предметом и его обозначением. Этот зазор заполняется многократным наслоением метафор и метонимическими смещениями, что ведет к образованию дополнительного подтекстового содержания.

Появление в тексте структур метафорического зачина и его метонимическое оформление свойственно и фрагменту из второго тома "Под сенью девушек в цвету", к анализу которого мы переходим. Речь идет о том, что в течение нескольких дней герой просыпается в гостинице Бальбека в Нормандии и, вытираясь накрахмаленным полотенцем, наблюдает из окна свето-цветовые превращения океана.

Для изображения морского пейзажа в тексте используются эпитеты, традиционно употребляемые для описания горных местностей: "*les cirques montagneux*", "*les sommets neigeux de ses vagues en pierres d'émeraudes*", "*les collines de la mer*", "*les vallonnements de la mer*", "*la surface retentissante et chaotique de leurs crêtes et leurs avalanches*". Подобные ассоциации самодостаточны по силе образности, но прустовское текстовое словотворчество расширяет обычные границы значений.

В общей локальной картине данного эпизода миру неодушевленных предметов придаются свойства одушевленных (антропоморфизм). Так, в описании пейзажа вплетается смежное явление, ставшее на время одушевленным: солнце становится проводником героя в окружающем мире: "*Le soleil ajoutait un sourire sans visage*", "*le soleil me désignait au loin, d'un doigt souriant, ces cimes bleues de la mer (...) jusqu'à ce qu'étourdi de sa sublime promenade (...) il vint se mettre à l'abri du vent dans ma chambre, se prélassant sur le lit défait et égrenait ses richesses sur le lavabo mouillé, dans la malle ouverte*" (JFF, 271-272).

В рассматриваемом фрагменте описываются впечатления от одного и того же пейзажа при различном освещении, поэтому можно рассматривать

“ожившее” светило как перенос наименования от части к целому и от следствия к причине. Имя “солнце” употреблено в качестве контекстуальной замены для обозначения понятия “свет” и выступает, таким образом, как целое и одновременно как причина световых эффектов по отношению к меняющейся картине окружающего мира.

Метафора Пруста чрезвычайно выразительна и многообразна, так “*doigt souriant*”, где взятый отдельно “палец-луч” - метафора, а вкупе с эпитетом “улыбающийся-сияющий” выступает как пространственный метонимический перенос. Характерно, что здесь взаимодействуют два тропа, не выходя за рамки словосочетания. Благодаря параллельному действию двух типов отношений (подобия и смежности) в одном наименовании происходит смещение причинно-следственных связей и образ приобретает глубину и пространственность.

Ярким примером проявления текстообразующей функции тропных построений являются эпизоды, описывающие романтическую любовь Марселя к герцогине Германтской. Образы этой идеальной любви пронизывают весь текст романа, появляясь в разных томах произведения, то в виде реминисценций (CG), то в качестве смежных ассоциаций (Pr), то в виде метафорических контекстов, предваряющих или сопровождающих “богиню” (TR).

Учитывая фактор широкого контекста отметим, что наименование может приобретать дополнительные оттенки смысла, связанные с функционированием вторичной номинации. При этом содержательная сторона языковых единиц в процессе их многоуровневой интеграции претерпевает определенные качественные изменения. На уровне подтекстового слоя, имя “*Guermantes*” может быть рассмотрено не как имя собственное, а как метафорическое обозначение идеального образа женщины, созданной воображением главного героя, описания которой представляют собой реализацию тематической доминанты романа.

На фонетико-морфологическом уровне имя "Guermantes" присутствует в именах возлюбленных Gilberte, Albertine. В одном из фрагментов текста взаимозаменяемость имен возлюбленных выражена эксплицитно: первое письмо от Жильберты подписано двойственно:

"Françoise se refusa à reconnaître le nom de Gilberte parce que le G historié, appuyé sur un i sans point avait l'air d'un A, tandis que la dernière syllabe était indéfiniment prolongée à l'aide d'un paraphe dentelé" (JFF, 85).

Вот этапы трансформации имени: Франсуаза прочла подпись Жильберты как Альбертина; после смерти Альбертины в телеграмме от Жильберты ее имя по оплошности почты превращается в "Альбертина"; на последних страницах романа девочка из Тансопвиля (Жильберта) становится герцогиней Германтской. Иначе говоря, эти наименования в интертекстовом пространстве романа имеют единый денотат, а имя собственное "Guermantes" обладает пропозитивным содержанием, т.е. может быть рассмотрено как имя нарицательное, обозначающее не конкретную женщину, а отвлеченное понятие - любовь главного героя.

В третьем томе романа (CG) метафора и метонимия также выступают в их текстообразующей функции. Во фрагменте, описывающем появления герцогини, нас интересует в первую очередь процесс текстового производства и функционирование лексико-семантических средств описания образа, который постоянно сопровождает воспоминание о возлюбленной. Герцогиня изображается через восприятие главного героя, в виде представителей фауны и флоры: *"... dans l'église de Combray, elle m'était apparue dans l'éclair d'une métamorphose avec des joues irréductibles, impénétrables a la couleur du nom de Guermantes et des aprus-midi au bord de la Vivone, (...) comme un cygne ou un saule"* (CG, 33). Отметим категориальный сдвиг наименований: герцогиня → лебедь → ива.

Объектом восприятия является имя собственное (Guermantes), а не конкретная особа (duchesse). Имя описывается как некая самостоятельная субстанция, содержащая целые пласты ощущений: *"le reflet d'un verre de*

lanterne magique et d'un vitrail d'église", "ce mauve si doux, trop brillant, trop neuf (...) comme une pervenche incueillissable et refleurie", "un de ces petits ballons dans lesquelles on a enfermé de l'oxygène ou un autre gaz", mêlé d'une odeur d'aubépines agitée par le vent du coin de la place" (CG, RTP, II, 3, 38). Из имени, как и из чашки с чаем, также появляется целый мир, который передается через перечисления наименований чувственных представлений; например, антропоморфное описание действий ветра и солнца: "le vent (...) qui tour à tour faisait envoler le soleil, le laissant s'étendre sur le tapis de laine rouge de la sacristie et le revêtir d'une carnation brillante, presque rose, de géranium et de cette douceur, pour ainsi dire wagnérienne, dans l'allégresse, qui conserve tant de noblesse à la félicité (ibid.).

Нарушены причинно - следственные связи, или, точнее, они действуют в рамках обратной связи. Источник - произнесенное имя, наполнение - сложный комплекс ощущений: "... cachée au fond de son nom, la fée se transforme au gré de la vie de notre imagination qui la nourrit (...). К тому же имя приобретает целую серию новых обличий: "... je trouve successivement dans la durée en moi de ce même nom sept ou huit figures différentes" (ibid. 13).

Таким образом, речь идет о несоответствии физического лица (обозначаемого предмета) его обозначению (содержанию понятия): "Cependant, la fée dépérit si nous nous approchons de la personne réelle à laquelle correspond son nom" (CG, RTP, II, 11). Вместе с тем сама структура процессов, происходящих в сознании персонажа, представлена как метафора с метонимической подкладкой.

"Notre imagination étant comme un orgue de Barbarie détraqué qui ne joue toujours autre chose que l'air indiqué, chaque fois que j'avais entendu parler de la princesse de Guermantes-Bavière, le souvenir de certaines oeuvres du XVIe siècle avait commencé à chanter en moi" (ibid,42).

Как видим, текст фиксирует чувственное представление с помощью метонимического смещения. Следует отметить, что наименования эмоций фигурируют часто в отрыве от вызвавших данное чувство лиц (событий). Эти

наименования могут быть рассмотрены как независимая, самодовлеющая семантическая субстанция.

Каждый этап развертывания художественной структуры в рассмотренных фразах реализуется на основе и посредством предшествующих: желание рождает образы, обретающие свое воплощение в метонимическом смещении. Вместе с тем, на всех этапах повествования в парадигматическом плане предоставлена возможность автономной реальности конкретно-предметным наименованиям и именам собственным.

Так создается уникальная семантико-смысловая структура, функционирующая в индивидуальном авторском художественном контексте. В этом смысле прустовские метафоры можно назвать трансформациями знаков в виртуальную реальность. Метафоро-метонимические связи, объединяя предметы и явления на основе отношений подобия и смежности, придают необходимую образную глубину тексту произведения и являются важным элементом текстового производства. Вышеуказанные связи формируют специфическое контекстное пространство, существенным образом воздействующее на семантику входящих в него единиц. Отношения между знаками претерпевают изменения, выходящие за пределы традиционных семантических корреляций.

Этот тип отношений характерен для художественной речи в отличие от речи обиходной. В литературно-художественном тексте действуют совершенно иные механизмы воздействия на восприятие читателя. Нельзя не согласиться с мыслью Ю.М.Лотмана о динамических тенденциях в структуре художественной речи: "Для того чтобы общая структура текста сохраняла информативность, она должна постоянно выводиться из состояния автоматизма, которое присуще нехудожественным структурам. Однако одновременно работает и противоположная тенденция: только элементы, поставленные в определенные предсказываемые последовательности, могут выполнять роль коммуникативных систем. Таким образом, в структуре художественного текста одновременно работают два противоположных

механизма: один стремится все элементы текста подчинить системе, превратить их в автоматизированную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации, а другой - разрушить эту автоматизацию и сделать самую структуру носителем информации" (Лотман 1970, 95).

Если коммуникативная (нехудожественная) система обеспечивает лишь передачу некоторого константного объема информации, то в информативной (художественной) системе происходит качественная трансформация смысловых объемов. В прустовском тексте метафорометонимическая структура повествования включает добавочные коды, меняющие контекстную ситуацию, и воздействует на внутренний монолог читателя.

1.4. Дискурсные и образно-символические доминанты романа "В поисках утраченного времени"

Функционирование тропов в литературном произведении является реализацией поэтической функции языка. По мнению Р.Якобсона данная функция играет "ведущую роль в построении дискурса" (Якобсон 1987, 80).

Тропные построения изучаемого текста далеки от простого переноса значения на основе похожести явлений. С точки зрения классического определения тропа - у Пруста немного таких примеров. Большинство его метафорических построений функционируют и формируют специфическое пространство текста на основе развернутых аналогий и смежности образов, вовлеченных в описание идентичной психической ситуации. Метафорометонимические построения подвижны, т.к. они "курсируют" в повествовательных временных сдвигах между прошлым и настоящим в рамках описаний сложного комплекса ощущений, которые реализуются в "бесконечных" авторских фразах.

Надо сказать, что употребление подобных развернутых конструкций (часто в несколько страниц с нарастающим количеством деталей) создает у читателя иллюзию непрерывности, преемственности повествования и, как следствие, смежности субъекта и объекта сравнения. Об этом пишет М. Риффатер: "Посредством повторного осуществления референтной функции, последовательность производных метафор обуславливает точность изначальной метафоры. Развернутая метафора создает у читателя, который ее декодирует, всевозрастающее впечатление авторства" [*La succession des métaphores dérivées vérifie, par un exercice répété de la fonction référentielle, la justesse de la métaphore primaire. La métaphore filée donne au lecteur qui la décode une impression grandissante de propriété*] (Riffatterre 1969, 51)].

На уровне восприятия читателя такое обилие означающих создает в результате суггестивного процесса новое дискурсное означаемое, связанное с эстетической функцией литературного произведения.

Метафоро-метонимические построения осуществляют в исследуемом романе имплицитную дискурсную связь между фрагментами, расположенными в различных точках фабульного пространства. Они создают интенсивную образную доминанту как всего текста, так и каждой композиционно-речевой структуры, в которой неоднократно совпадают отдельные частные мотивы и словесные повторы. Из таких сцеплений сцен, событий, мотивов, деталей рождается сложный, но внутренне единый образ произведения, который не поддается выражению никакими другими средствами.

Сопоставим два эпизода из второго тома романа "Под сенью девушек в цвету" (JFF, 300-308). Эти фрагменты текста представляют собой пример дискурсного взаимодействия в рамках метафоро-метонимических отношений. В первом отрывке речь идет о встрече с тремя красавицами: незнакомке, молочнице и рыбачке. Текст представляет их как идеальные и уникальные существа.

Повествование начинается с построения цветочных образов:

"... dès que son individualité, âme vague, volonté inconnue de moi, se peignait en une petite image prodigieusement réduite, mais complète, au fond de son regard distrait, aussitôt, mystérieuse réplique des pollens tout préparés pour les pistils, je sentais saillir en moi l'embryon aussi vague, aussi minuscule, du désir de ne pas laisser passer cette fille sans que sa pensée prît connaissance de ma personne, sans que j'empêchasse ses désirs d'aller à quelqu'un d'autre, sans que je vinsse me fixer dans sa rêverie et saisir son coeur"(JFF, RTP, II, 300).

Восприятие события передается метафорически в соответствии с чувственными представлениями повествователя. Образ строится на основе непосредственного восприятия: "... comme elle ne possédait de moi aucune des notions qui constituent une personne, ses yeux, qui m'avaient à peine vu, m'avaient déjà oublié" (Ibid., 301).

Пространственно-временное смещение подчеркивает идентичность ситуации: герой вспоминает подобную мимолетную встречу с незнакомкой в Париже. Марсель пытается догнать случайно увиденную девушку, а сталкивается со старухой Вердюрен: "... je me mis à la recherche de l'inconnue, la perdis (...) et me trouvai enfin, tout essoufflé (...) en face de la vieille Mme Verdurin (...) qui s'écria: "Oh! comme c'est aimable d'avoir couru pour me dire bonjour"" (JFF, 302).

Предконтекст формирует интерпретацию семантико-смысловой структуры приведенного фрагмента: сцена предваряется пространственными размышлениями об идеальной красоте. В такой перспективе этот отрывок может быть квалифицирован как метафоро-метонимическое представление двух тем: увядающей красоты и разочарования от контакта с объективной реальностью. Дискурсно эта тема отражена в следующем высказывании:

"... quand j'eus prononcé les mots "marquise" et "deux chevaux", soudain j'éprouvai un grand apaisement. Je sentis que la pêcheuse se souviendrait de moi et se dissiper (...) une partie de mon désir de la retrouver. (...) Et cette prise de force de son esprit, cette possession immatérielle, lui avait ôté de son mystère autant que fait la possession physique" ... (JFF, RTP, II, 302).

Ассоциативное смещение значения высказывания расширяет возможности образного прочтения эпизода: о девушках говорится как о цветах, но это не простая бинарная метафора; смежные обозначения впечатлений от придорожных цветов обуславливают аналогичный перенос наименования на встреченных девушек:

"... je me disais que ces rencontres me faisaient trouver encore plus beau un monde qui fait ainsi croître sur toutes les routes campagnardes des fleurs (...) qui donnent un goût nouveau à la vie. (...) je pourrais trouver sur d'autres routes de semblable filles." (JFF, 303).

В аспекте дискурса содержание рассмотренных отрывков предваряется эпизодом, описывающим впечатления от пейзажа с тремя деревьями:

"Nous descendîmes sur Hudimesnil; tout d'un coup je fus rempli de ce bonheur profond que je n'avais pas souvent ressenti depuis Combray, un bonheur analogue à celui que m'avaient donné, entre autres, les clochers de Martinville. Mais cette fois, il resta incomplet" (ibid., 305).

Этот эпизод интересен тем, что он незакончен с точки зрения номинативного содержания, но в плане ассоциативно-образной структуры является логическим завершением предшествующих повествовательных фрагментов. Такая незавершенность эксплицитного и дополнительное развитие имплицитного содержания характерны для большинства прустовских дискурсивных построений.

Структура повествования соотносится с вневременным уровнем, семантическое наполнение - с нереферентным пространством:

"Je regardais les trois arbres, je les voyais bien, mon esprit sentait qu'ils recouvraient quelque chose sur quoi il n'avait pas prise (...) Je mis un instant ma main devant mes yeux pour pouvoir les fermer sans que Mme de Villeparisis s'en aperçût (...) je restai sans penser à rien (...) " puis de ma pensée ramassée, ressaisie avec plus de force, je bondis plus avant dans la direction des arbres, ou

plutôt dans cette direction intérieure au bout de laquelle je les voyais en moi-même" (JFF, RTP, II, 306).

В рассматриваемом тексте реализуется дискурсный параллелизм по характеру действия и по сходству с основной ситуативной рамкой дистантно расположенных эпизодов. Этот фрагмент тематически перекликается с отрывком повествования, входящим в эпизод с "мадленой" (La Petite Madeleine) из первого тома романа:

"Je demande à mon esprit un effort de plus (...) j'écarte tout obstacle (...) j'abrite mes oreilles (...) je fais le vide devant lui" (CS, RTP, I, 45). Разница лишь в характере представления результата: *"Je sentis de nouveau derrière eux le même objet connu mais vague et que je ne pus ramener à moi"* (ibid.).

В качестве дискурсных тропных построений все эпизоды могут рассматриваться как проявление единой образной доминанты произведения, так как повествование о встречах с "незнакомками" завершается новым дискурсным параллелизмом:

"Je vis les arbres s'éloigner en agitant leurs bras désespérés, semblant me dire: Ce que tu n'apprends pas de nous aujourd'hui, tu ne le saura jamais. Si tu nous laisse retomber au fond de ce chemin d'où nous cherchions à nous hisser jusqu'à toi, toute une partie de toi-même que nous t'apportions tombera pour jamais au néant" (ibid., 308).

Этот фрагмент соотносится с отрывком эпизода (**Pavés inégaux**) из последнего тома романа:

"... la vision éblouissante et indisincte me frôlait comme si elle m'avait dit: "Saisis-moi au passage si tu en a la force, et tâche à résoudre l'énigme de bonheur que je te propose" " (TR, RTP, III, 867).

Таким образом, в рамках повествовательной структуры реализуется параллелизм между основным развитием действия и фоновым имплицитным содержанием, связанным с описанием определенного состояния главного героя. Сопоставление действия, пейзажа и психологической ситуации воплощается в метафоро-метонимическом способе повествования, который

является одной из дискурсных доминант романа “В поисках утраченного времени”.

Прустовский текст представляет собой довольно устойчивую структуру нескольких образных блоков, носителями которых являются лексико-семантические группы слов, связанные с определенными тематическими построениями. Эти элементы составляют неотъемлемый компонент образно-символической динамики произведения.

Анализ текста романа позволяет выделить следующие наиболее типичные образные блоки:

1. Водная стихия.
2. Растительный мир.
3. Предметное окружение.

Этот набор, естественно, не исчерпывает всю символическую гамму образов, из которых складывается мифология М.Пруста, но именно эти знаковые оси, по нашему мнению, формируют образную структуру романа. Рассмотрим лексический материал и некоторые его реализации в тексте отдельно для каждого блока.

Тема водной стихии занимает особое место в символике романа. Так, в начале третьего тома “У Германтов” оперный зал сравнивается с подводным царством: “*Le couloir qu'on lui désigna après avoir prononcé le mot de baignoire, et dans lequel il s'engagea, était humide et lézardé et semblait conduire dans des grottes marines, au royaumes mythologiques des nymphes des eaux.” (CG, 42). Посетители оперы превращаются в морских обитателей: “*leurs corps demi-nus*”, “*les yeux limpides et réfléchissants des déeses des eaux”*. “*les strapontins du rivage, les formes des monstres”*. “*les radieuses filles de la mer se retournaient à tout moment en souriant vers des tritons barbus pendus aux anfractuosités de l'abîme, ou vers quelque demi-dieu aquatique ayant pour crâne un galet poli sur lequel le flot avait ramené une algue lisse, et pour regard un disque en cristal de roche”, “*le flot s'entrouvrait devant une nouvelle néreïde” (ibid. 44-45).***

Все подчеркнутые слова входят в лексико-семантическую группу слов так, или иначе связанных с обозначением водного/ подводного мира, но употреблены они для представления “земной” ситуации. В европейской символической традиции *море/ вода* обозначают возврат к материи (войти в море значит умереть), с погружением в воду связано наличие опасности для человека, вместе с тем вода есть символ безвозвратно уходящего времени.

Такой тип повествования придает тексту необходимую образную глубину и дополнительные потенции для интерпретации: над всем этим бездушным миром возвышается герцогиня Германтская, и время не властно над ее красотой, в отличие от других персонажей, которые обречены на “морское” прозябание в этом мире.

Предметный и растительный миры несут также важную символическую нагрузку в романе “В поисках утраченного времени”. В первом томе непосредственно в преддверие эпизода с “мадленой” мы находим следующие строки:

“Je trouve très raisonnable la croyance celtique que les âmes de ceux que nous avons perdus sont captives dans quelque être inférieur, dans une bête, un végétal, une chose inanimée, perdues en effet pour nous jusqu’au jour, qui pour beaucoup ne vient jamais, où nous nous trouvons passer près de l’arbre, entrer en possession de l’objet qui est leur prison. Alors elles tressaillent, nous appellent, et sitôt que nous les avons reconnues, l’enchantement est brisé. Délivrées par nous, elles ont vaincu la mort et reviennent vivre avec nous”(CS, 65-66).

В этих словах выражены основные положения и задачи символической структуры произведения. Растения часто наделяются свойствами живых существ: маленький Марсель разговаривает с цветами боярышника, три дерева подле дороги превращаются в трех девушек. Происходит и обратное: Альбертина воспринимается персонажем как растение, герцогиня Германтская появляется в виде ивы. Нет нужды подробно описывать эти эпизоды, так как они детально анализируются в предыдущих параграфах, стоит лишь отметить, что образы растений и

предметов, являясь мифологемами, уплотняют повествование и выполняют функцию знаков, предзнаменований иной, по Прусту, настоящей, подлинной жизни - жизни памяти и воображения.

Изучение символических блоков в художественном тексте наводит на мысль о том, что человек живет одновременно в двух мирах - природном и социальном. Эти способы существования предполагают функционирование двух парадигм отражения, находящихся в отношениях противоречия - парадигма ощущений и парадигма называний/ обозначений. По мысли Пруста мы ощущаем в одном мире, а называем в другом. Истина находится где-то посередине, и она есть истина литературного произведения. Два противоречивых момента соединяются здесь методом аналогии и смежности, иными словами, метафоро-метонимическим контекстом.

Этот метод позволяет прустовскому тексту спорить с жизнью, фиксировать явления в их образно-символическом многообразии, создавая с помощью индивидуального художественного контекста *специфически авторскую* знаково-образную структуру произведения, в которой заложены как этнокультурные, так и идиолектные параметры текстовой личности французского писателя Марселя Пруста.

1.5. Этнокультурные и идиолектные черты языковой личности Марселя Пруста

Проведенный анализ позволяет выявить специфические авторские особенности употребления языкового материала в русле определенных доминантных характеристик романа "В поисках утраченного времени".

Прежде всего, выделим некоторые сущностные параметры индивидуального авторского пространства и времени, иначе говоря, *способы языкового освоения* Марселем Прустом пространственных и временных

планов. В рамках отношения к данным пластам реальности проявляются личностные типологические характеристики субъекта.

Нельзя не согласиться с Ю.М. Лотманом о том, что “художественное пространство в литературном произведении - это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие” (Лотман 1988, 258). Вместе с тем, в данной работе пространство художественного текста рассматривается как авторская (индивидуальная) *модель мира*, входящая в семиосферу национальной культуры. Следует подчеркнуть, что языковая модель первична по отношению к другим моделирующим системам: мифу, культурным нормам, религии и др.

По нашему мнению, при всей уникальности перцептивных особенностей индивида, существует глубинная аналогия между общенациональным коллективным и индивидуальным восприятием пространства и времени. С точки зрения этнической психологии, французов можно отнести к чувствующим эстравертам, эйдетика хронотопа которых позиционируется следующим образом: *пространство - “внутри себя”, время - “впереди себя”*. Речь идет о перцептивном приоритете пространства над временем.

Подобное явление наблюдается в текстовом континууме романа “В поисках утраченного времени”. Для языковой личности Марселя Пруста время находится вне индивидуальности, причем, пространство гипетрофировано («фразы-периоды»), растянуто до бесконечности. Пространственная семантика доминирует над временной.

Ключевую роль в создании “квинтэссенции пространства” играют авторские тропные построения, связанные с функционированием вторичной пропозиции в качестве логико-синтаксической основы вторичной номинации.

Как известно, семантико-смысловая структура литературного высказывания строится на принципе *многосмысленности* как неотчуждаемом свойстве поэтического (художественного) сообщения (Якобсон, 1987).

Многозначность снимается в совершаемом читателем акте чтения, но не устраняется полностью, ибо вторичный код произведения намечает только смысловые объемы, а не смысловые границы текста. Вторичный код является опорой смысловых вариаций и формирует косвенную пропозицию высказываний.

Вторичная пропозиция отражает нереферентную предметную ситуацию, некоторое не наблюдаемое непосредственно абстрактное пространство, в рамках которого происходит определенное число структурно - семантических трансформаций (субституция, зияние, конденсация, перенос, отрицание):

1. *Субституция*, которая состоит в замене обозначающего другими обозначающими, что вызывает соответствующие изменения в новых элементах содержания, которые трактуются сквозь призму значения первого обозначаемого (модель сравнения). Так, в первом томе романа "В сторону Свана" при описании "музыкальной фразы" обозначение музыкальной фактуры передается наименованиями из различных областей человеческой деятельности: *"Il (Swan) s'en représentait l'étendue, les groupements symétriques, la graphie, la valeur expressive: il avait devant lui cette chose qui n'est plus de la musique pure, qui est du dessin, de l'architecture, de la pensée, et qui permet de se rappeler la musique"* (CS, 212).

2. *Зияние*, представляющее собой "зависание" какой-либо из частей высказывания, воспринимаемое как "отсрочка" реализации смысла. Подобные модификации значения связаны с эффектом приподнятости и интелектуализации содержания высказывания. В качестве примера можно использовать высказывания с дистантным расположением элементов предложения: *"Quant au travail - les circonstances exceptionnelles ayant pour l'effet d'exalter ce qui existait préalablement dans l'homme, chez le laborieux le labeur et chez l'oisif la paresse, - il se donne congé"* (TR, RTP, III, 83).

3. *Конденсация*, рассматриваемая в качестве наращивания сигнификативного содержания в ущерб денотативному (модель метафоры).

Один из самых характерных видов трансформаций прустовской прозы может быть обнаружен во всех описаниях “запредельных состояний” главного героя романа: “*Et comme dans ce jeu où (...) de petits morceaux de papier (...) s’étirent, se contournent, se différencient, deviennent des fleurs, des maisons, des personnages (...) toutes les fleurs de notre jardin (...) les nymphéas de la Vivone, et les bonnes gens du village et leurs petits logis et l’église et tout Combray et ses environs, tout cela (...) est sortie, ville et jardins, de ma tasse de thé*”(CS, RTP, I, 46-47); “*Un matin (...) j’entendis dans ma cheminée (...) le roucoulement des pigeons (...) irisé, imprévu comme une première jacinthe déchirant doucement son coeur nourricier pour qu’en jaillit, mauve et satinée, sa fleur sonore, faisant entrer, comme une fenêtre ouverte, dans ma chambre encore fermée et noire, la tiédeur, l’éblouissement, la fatigue d’un premier beau jour*” (CG, 147).

4. Перенос, суть которого состоит в осуществлении метонимического смещения сигнификативного значения в сторону денотативного. Данный тип трансформаций характерен для завершающего этапа авторского метафорического описания в рамках стабилизации образа: “*Ce goût, c’était celui du petit morceau de madeleine que (...) ma tante Léonie m’offrait*” (CS, RTP, I, 46); “*Cette image était celle de la petite pièce de mon oncle Adolphe, à Combray, laquelle exhalait en effet le même parfum d’humidité*”(JFF, 72).

5. Отрицание - представление содержания высказывания как не соответствующего действительности. Речь идет о трансформациях в русле модальной неопределенности: *comme si* (как бы, как будто, словно). В текстах М.Пруста оборот *comme si* часто используется в описаниях внутреннего мира персонажа и восприятия пейзажа: “*il reconnu (...) la phrase (...) qu’il aimait (...) ce fut pour Swann comme s’il eût rencontré dans un salon ami une personne qu’il avait admirée dans la rue et désespérait de jamais retrouver*”(CS, 214); “*le pouvoir de rêver que je n’avais qu’en son absence, je le retrouvais à ces instants auprès d’elle, comme si, en dormant, elle était devenue une plante*”(TR, RTP, III, 69 - 70); “*Mais le lendemain, comme si, profitant de nos sommeil, la maison avait miraculeusement voyagé, je m’éveillais par un temps*

différent, sous un autre climat"(ibid., 81-82); "comme si eussent été anéanties, avec les indices qu'on aurait pu en tirer pour l'avenir, les déceptions qu'elle m'avait causées (JFF, 64)."

Приведенные выше трансформации, с одной стороны, формируют устойчивое семиотическое пространство романа (зависание, смещение, стабилизация образа), с другой стороны, могут рассматриваться как экспоненты индивидуальной авторской структуры перцепции, в русле которой время подчиняется пространству. Тем самым, время останавливается, "обретается", становится чувственным.

Как указывалось выше, дискурсными доминантами романа выступают следующие знаковые оси: водная стихия, растительный мир и предметное окружение. Языковой материал, составляющий данные тематические блоки мифологизирует повествовательное пространство (*baignoire, humide, grottes marines, au royaumes mythologiques des nymphes des eaux, déesses des eaux, demi-dieu aquatique etc*). Ценностные приоритеты Марселя Пруста обращены в область внутреннего, субъективного мира. Прустовский «нарцисс» самодостаточен и в высшей степени креативен.

С точки зрения авторского использования языковых средств, в произведении прослеживаются следующие приоритеты:

1. В повествовании в большинстве случаев используются косвенные средства выражения мысли.
2. В тексте часто употребляется лексика, характеризующаяся абстрактным типом и образной окраской.
3. В высказываниях актуализируется, как правило, дистантная проксемика.
4. Диалоги отличаются корректностью в выборе реплик.
5. В предложениях преобладает нейтральный тип суждения (отсутствие резких, категоричных оценок).
6. Эгоцентрические элементы превалируют над этноцентрическими.

Приведенные особенности позволяют отнести писателя к определенному *типу личности*: антропофил, комлементарная личность, невротик, чувствующий эстраверт.

Выявленные особенности в общих чертах отражают глобальные функционально-системные процессы, характерные для современного состояния французского языка, отмечаемые исследователями (В.Г. Гак, В.В. Макаров)

Данные черты могут рассматриваться в качестве ключевых составляющих языковой модели писателя Марселя Пруста, так как отражают определенные стратегии речевого поведения: частично *куртуазную* и, в большей степени, *рационально-эвристическую*.

Подобные речевые стратегии апеллируют к партикулярному способу представления реальности: в высказываниях в большей степени актуализируется так называемая *субъективная и волитивная модальности* (желание зависит от самого человека), относящиеся к субъекту речи (Гак 1998, 586), в отличие от *алетической* модальности (объективность, меньшая зависимость от желаний субъекта), отражающей его физическую способность.

Таким образом, прустовская структура личности имеет ярко выраженные эмпатические характеристики. Для него важно "присутствие" как всеобъемлющая, но неочевидная данность человека, "другого" как части меня, без которого не возможна самореализация личности. Прустовский индивид всегда под вопросом, на первый взгляд, он предстает как "атомизированная", распыленная, чрезмерно рефлексивная личность, но именно саморефлексия служит основой формирования качественных утверждающих параметров индивида. Пруст не диктует, он показывает, не утверждает, а предлагает, не противопоставляет, а сопоставляет. Он стремится к постижению другой "отдельности" как части себя самого.

Французская культура, неотъемлемой частью которой является Марсель Пруст, раскрывается в индивидуальном творчестве писателя-

личности и познается через его языковое поведение. Какой бы субъективной, "эзотерической" не была деятельность творческой личности, она всегда познается через способы ее самовыражения. Марсель Пруст – прежде всего французский писатель, а затем – "гражданин мира", так как он говорит, творит, чувствует на французском языке и не может рассматриваться вне этнокультурной парадигмы языкового сообщества, к которому он принадлежит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявлен и контрастно описан ряд национально и культурно маркированных языковых явлений в их динамическом функционировании. Анализ речевой практики (с разной степенью частотности) подтвердил выдвинутые положения и позволил детализировать их описание и одновременно расширил сферу применения терминологического аппарата. В процессе описания специфических черт русского и французского языкового сознания в действии выделены конкретные закономерности в использовании средств национального языка.

Следует еще раз отметить, что речь идет о типологических особенностях, которые, по словам Ю.Лотмана, "указывают на тенденцию, а не на все сто процентов фактов" (Лотман 1999, 379). Способы категоризации действительности у разных наций не совпадают и место каждой категории в системе национально-культурных ценностей определяется по отношению индивида и общества к той или иной категории.

Типы *дискурсного* мышления русских и французов отражаются прежде в выборе специфических коммуникативных стратегий речевой деятельности, то есть в проявлении себя как национально-культурного субъекта в процессе непосредственного общения на родном языке.

Известны две глобальные коммуникативные стратегии дискурсного поведения: *репрезентативная* (изобразительная), и *нарративная* (аналитическая). Первый тип стратегии ориентирован на миметическое (подражательное) моделирование действительности языковыми средствами. Второй тип строится с установкой на перекодировку имеющейся информации (Горелов, Седов 186-187). Исследование показало, что репрезентативная стратегия в большей степени присуща русскому языковому поведению, а нарративная - французскому.

На основе проведенного исследования можно выделить следующие актуальные тенденции в современном русском языковом поведении:

1. Общая тенденция к дескриптивному (неприкрашенному) представлению действительности. Нагнетание критически окрашенной (негативной) семантики языковых средств.

2. "Закавычивание", метафоризация значений, надстраивание смыслов (обвал, наезд, наехать, раскрутить, раскрутка)

3. Символичность в использовании языкового материала (ресимволизация, перелицовка символов, вкус к индивидуальной символизации).

4. Прагмастилистический аспект нормы.

5. Стремление к нивелированию интерперсональных отношений и стиранию социальных особенностей.

6. Преобладание антропоцентрической модели поведения.

7. Приоритет алетической модальности.

Во французском языковом поведении:

1. Глобальная тенденция к более положительному представлению действительности. Уход от отрицательной семантики, эрзац, снятие негатива (напр. вместо термина "искусственный мех" [*fausse fourrure*] рекомендуется употреблять термин "тканый мех" [*fourrure tissée*]).

2. Стремление к компактному изображению реальности (ССС, литоты, эллипсис и пр.)

3. Универсализация и дифференциация.

4. Семантичность языковых средств.

5. Учет интерперсональных отношений и социальных особенностей собеседника.

6. Преобладание антропофильческой модели поведения.

7. Приоритет волитивной модальности.

Исходя из вышесказанного, можно выделить два дифференциальных алгоритма этнокультурного коммуникативного поведения двух языковых

сообществ. Для русской культуры межличностного взаимодействия в большей степени характерен **бинарный** алгоритм, для французской – **тернарный**.

Тернарный алгоритм дискурса характерен для французского писателя Марселя Пруста, речевое поведение которого проанализировано в данной работе на материале романа «В поисках утраченного времени». Проведенный анализ позволил выявить специфические авторские особенности употребления языкового материала в русле определенных доминантных характеристик романа. Идиолектная модель мира писателя является частью семиосферы французской культуры, сущностные характеристики которой отражаются в творчестве Марселя Пруста.

Выделенные идиозтнические черты на основе рассмотренных языковых и речевых фактов вскрывают разные способы вербализации универсальных концептов (различные взгляды двух народов на общие для них концепты). Следовательно, эти черты можно считать показателями языкового сознания русской и французской лингвокультурной общности.

Рассмотренные дискурсные характеристики российского и французского этносов, проявляющиеся в речевых привычках их представителей, не исчерпываются рассмотренными языковыми явлениями. Данные тенденции могут быть выделены, например, на различных уровнях синхронной и диахронической семантики в рамках межъязыковой перспективы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адмони В.Г. Поэтика и действительность. - Л.: Советский писатель, 1975. - 312 с.
2. Александрова О.В., Кубрякова Е.С. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. Матер. науч. конфер.- М.: Диалог- МГУ, 1997.- С.15-26.
3. Алексеева Е.А. Семантические особенности лексики, связанной с обозначением объектов культурной символики (на примере символа *Бог* в русской и французской лингвокультурах). - Дис... к-та филолог. наук. - Саратов, 2001. - 209 с.
4. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. - Л.: Просвещение, 1963. - 208с.
5. Арнольд И.В., Банникова И.А. Лингвистический и стилистический контекст// Стил ь и контекст. - Л., 1972. - 125с.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М.: 1976. - 382с.
7. Арутюнова Н.Д. Номинация текста // Языковая номинация: Виды наименований. - М., 1977. - С.304-357.
8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988.
9. Бакушева Е.М. Социолингвистика и анализ речевого поведения мужчины и женщины в современном обществе. Рязань, 1992.
10. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
11. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975. - С. 35.
12. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики.-М., 1975. - С.6-71.
13. Белов А.И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики// Этнопсихолингвистика. М., 1988.

14. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974.
15. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). - М.: Междунар. отношения, 1990. - 336 с.
16. Бескова И.А. Проблема соотношения ментальности и культуры// Когнитивная эволюция и творчество. - М., 1995.
17. Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение, 5 изд. - Петербург, 1917.
18. Бодуэн де Куртенэ И.А. Язык и языки // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963. Т. 2.
19. Бок Ф.К. Структура общества и структура языка// Зарубежная лингвистика. I: Пер. с англ. - М.: Издательская группа "Прогресс", 1999. - С.115-129.
20. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. Перевод с англ. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
21. Брандт З.В. Идентичность. *Identité* Слово и понятие // Актуальные проблемы романистики. Язык. Общество. Культура. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1999. - С.22-23.
22. Бродский И. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. - М.: "Независимая газета", 1997. - 208 с.
23. Веденина Л.Г. Особенности французского языка. - М.: Просвещение, 1988. - 240 с.
24. Вежбицкая А. Русский язык // Язык, культура, познание. - М., 1996
25. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. - М.: "Языки русской культуры", 1999. - I-XII, 780 с.
26. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - М.: "Русский язык", 1983. - 269 с.
27. Веселовский А.Н. Собрание сочинений: Том второй. Вып.1. Поэтика. Поэтика сюжетов. (1897-1906).-СПБ., 1913. - С.3.

28. Викторова Е.Ю. Коммуникативы в разговорной речи: Автореф. дис. к-та филол. наук. - Саратов, 1999. - 17 с.
29. Виноградов В.В. О теории художественной речи. - М., 1971.
30. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. - М., 1981. - 247с.
31. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. - 133с.
32. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Избр. философские работы. - М., 1994. - Ч. I.
33. Воркачев С.Г., Жук Е.А. Представление концепта "любовь" в русской и английской лексикографии // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. - Белгород: Изд-во БГУ, 1999. - С.21-22.
34. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. - М.: 2001, № 1. - С. 64-72.
35. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. - М.: Изд-во РУДН, 1997. - 331 с.
36. Выготский Л.С. Воображение и творчество в школьном возрасте. - М., 1930.
37. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 томах. - М., 1982. Т 2.
38. Гак В.Г. Беседы о французском слове. - М.: "Международные отношения", 1966. - 335 с.
39. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М.: "Международные отношения", 1977.
40. Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте// Филологические науки, 1995, № 4.
41. Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. - 768 с.

42. Гак В.Г. Морфологическая эволюция и речевая стратегия // Актуальные проблемы романистики. Язык. Общество. Культура. Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 1999. - С. 42-43.
43. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. - М.: Добросвет, 2000. - 832 с.
44. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. - М., 1939. - С.362.
45. Горбунова Е.Е. Общее и различное в ассоциативных словарях разных стран // Вопросы романо-германского языкознания: Межвуз. сб. научн. тр. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. Вып. 12. - С. 71-76.
46. Горелов И.А., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. - М.: Лабиринт, 1998. - 256 с.
47. Григорьева Л.М. Морфические поля и распространение мифов // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. - Белгород: Изд. Белгородского университета, 1999. - С. 30-31.
48. Гумилев Л.Н. Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, Ленингр. отдел., 1985.
49. Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке: сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 193-271.
50. Долинин К.А. Стилистика французского языка. -Л.: Просвещение, 1978. - 344с.
51. Долинин К.А. Интерпретация текста. -М.: Просвещение, 1985. - 288с.
52. Журавлев В.К. Взаимодействие внешних и внутренних факторов развития языка. - М.: Наука, 1982.
53. Завадовская С.Ю. Практикум по стилистике французского языка. -М.: Высшая школа, 1986. - 120 с.
54. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. - Калинин, 1982.

- 55.Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. - М.: Просвещение, 1967. - С. 248-271.
- 56.Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. - М.: Просвещение, 1973. - С.176-177.
- 57.Элдия Т. Все о французах. - М.: Прогресс, 1989 - 440 с.
- 58.Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. - Краснодар, 1994. - С. 2-7.
- 59.Караулов Ю.Н. "Четыре кита" современной лингвистики, или о предпосылках включения "языковой личности" в объект науки о языке (от содержания науки к ее истории) // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке. - М., 1986.
- 60.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987. - 216 с.
- 61.Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ, 1948, №2.
- 62.Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965. - 110с.
- 63.Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. - 215с.
- 64.Кацнельсон С.Д., Речемыслительные процессы // Вопр. языкознания. - 1984.-№4.
- 65.Кириллова Н.Н. Лексема и концепт "душа" во фразеологии разных языков // Проблемы идиозотнической фразеологии. - Спб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герценаб 2000. - С. 4-10.
- 66.Клоков В.Т. Лексика в функционально-идеологическом аспекте. Пособие по спецкурсу для студентов филологического факультета. - Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. - 32 с.
- 67.Клоков В.Т. Особенности лингвокультурологического состояния франкоязычной коммуникативной Среды в странах тропической Африки: Автореф. дис... д-ра филолог. наук. - Саратов, 1994. - 33 с.

68. Клоков В.Т. Символика и язык // Спецкурсы по романской филологии. Саратов, 1998. - С. 3-64.
69. Кодохов В.И. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст.- Л., 1973. - 214с.
70. Колесов В.В. История русского языка в рассказах. - М.: Просвещение, 1982. - 191 с.
71. Колтавская А.А. Цветобозначение сквозь призму культурологии // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. - Белгород: Изд. Белгородского университета, 1999. - С.43-44.
72. Колшанский Г.В. О природе контекста // Вопросы языкознания.- 1959. - №4.
73. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М., 1975.
74. Колшанский Г.В. Контекстная семантика.-М.: Наука, 1980. - 149с.
75. Король Г.В. Роль контекста в раскрытии значения окказионального сложного существительного. Вопросы грамматики и стилистики.- Рига, 1967.
76. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Издание третье, испр. и доп. - Спб.: "Златоуст", 1999. - 320 с.
77. Кубрякова Е.С. От концептуальной структуры - к семантике языкового знака // От слова к тексту: Материалы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 13-14 ноября 2000г.: В 3 ч. Ч. 1 / Отв. редактор Н.П. Баранова. - Мн.: МГЛУ, 2000. - С. 33-35.
78. Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи. Семантические этюды // Русская речь.- Петроград, 1923.
79. Ларина Т.В. Единицы речевого этикета как отражение национально-культурной специфики коммуникативного поведения // Актуальные

- проблемы романистики. Язык. Общество. Культура. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1999. - С.101-102.
80. Лейкина Б.М. К проблеме взаимодействия языковых и неязыковых знаний при осмыслении речи. Л.: Просвещение, 1974. - 147с.
81. Лившиц Б. Полутороглазый стрелец. - М., 1998.
82. Лихачев Д.С. Заметки о русском. М.: "Советская Россия", 1981. - 70 с.
83. Лихачев Д.С. О филологии. - М.: Высш. шк., 1989. - 208с.
84. Лобачев Б.З. Сопоставление русских и французских пословиц с точки зрения их расхождений в плане выражения// Семантика и грамматика языковых единиц. М., 1980.
85. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М.: Политиздат, 1991. - 525 с. - (Мыслители XX века).
86. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. - М.: Искусство, 1970. - 383 с.
87. Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам. Тарту, 1977, вып. 9. С. 55.
88. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий: Пособие для учителя. - Л.: Просвещение, 1983. - 416 с.
89. Лотман Ю.М. Вместо заключения // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Кн. для учителя. - М., 1988.
90. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера - история. - М.: "Языки русской культуры", 1999. - 464 с.
91. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. - М.: Издательство "Ось-89", 1999. - 192 с.
92. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. - М.: Наука, 1975. - 257 с.
93. Лясота Ю.Л. Понятие о контекстуальной (метафорической) группе// Уч. зап. ДВГУ. - Владивосток, 1962.

- 94.Макаров В.В. Семиотика и специфика национальной символики // Актуальные проблемы романистики. Язык. Общество. Культура. Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 1999. - С.105-106.
- 95.Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции “Мужчина/ Женщина”)// Фразеология в контексте культуры. - “Языки русской культуры”, 1999. - 336 с.
- 96.Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. - М.: *Ad Marginem*, 1995. - 547с.
- 97.Мандельштам О. Слово и культура. - М., 1987.
- 98.Манн Ю. Говорим, как думаем// Известия. 19.01.91
- 99.Матезиус В. О системном грамматическом анализе. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. - 558с.
- 100.Минкин Л.М. Новая теория прагматики и некоторые идеи современной лингвистики// Вісник Харківського державного університету, № 390. - Харків: Константа, 1998. - 182 с.
- 101.Михайлов В.А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. - Спб: Изд-во СПбГУ, 1992. - 200 с.
- 102.Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов. - М.: Издат. центр “Academia”, 1996.
- 103.Михеев М.Ю. Отражение слова “душа” в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. - М.: “Языки русской культуры”, 1999. - С. 145-163.
- 104.Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. - М.: Мысль, 1990. - 829 с.
- 105.Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). - М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. - 464 с.

106. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. - Ленинград: "Наука", 1984. - 206 с.
107. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях. - Воронежский ГУ, 1999. - 31 с.
108. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. - М.: "Триада", 1998. - 67с.
109. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. - Харьков, 1905.
110. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.- Т. I-II. - М.: Учпедгиз, 1958. - 536 с.
111. Потебня А.А. Слово и миф. - М., 1989.
112. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: Пер. с англ. - М.: Издательская группа "Прогресс", 1999. - 268 с.
113. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика // Семиотика и информатика. - М.: "Языки русской культуры", 1998. - С. 274-323.
114. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста.-Л.: Наука, 1983. - 215с.
115. Рыньков Л.Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в.- Челябинск, 1975. - 93 с.
116. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ (на материале произведений М. Пруста). - Белгород: Изд-во БГУ, 1998. - 160 с.
117. Седых В.Н. Франция в движении: Очерки разных лет. - М.: Сов. Россия, 1986. - 368 с.
118. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
119. Серно П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. - М.: ОАО ИГ "Прогресс", 1999. - С. 12-54.
120. Скворцов Л.И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи: Кн. для учащихся. - М.: Просвещение, 1996. - 158 с.
121. Сквородников А.П. О содержании понятия "национальный риторический идеал" применительно к современной российской

- действительности// Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюл. / Краснояр. гос. ун-т. Вып. 5. - Красноярск - Ачинск, 1997. - С. 27-37.
- 122.Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление. - М., 1963.
- 123.Смирнов В.П. Франция: страна, люди, традиция. - М.: Мысль, 1988. - 286 с.
- 124.Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. - М., 1967.
- 125.Сосина Р.В. Значение слова и контекст// Актуальные проблемы лексикологии.- Новосибирск, 1969.
- 126.Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. - М.: Просвещение, 1970. - 280 с.
- 127.Софронова Л.А., Чепелевская Т.И. (редколлегия) Автопортрет славянина. - М.: Изд-во "Индрик", 1999. - 258 с.
- 128.Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Академический Проект, 2001. - 990 с.
- 129.Стернин И.А. Общение: с мужчинами, с женщинами, в семье. - Воронеж-Пермь, ЗУУНЦ, 1999. - 73 с.
- 130.Страхов Н.Н. Литературная критика. - М., 1984.
- 131.Сухих С.А., Зеленская В.В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций. - Краснодар, 1997. - С. 64.
- 132.Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц.- М.: Наука, 1986. - 143с.
- 133.Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. - М.: "Языки русской культуры", 1999. - С. 13-24.
- 134.Толстой Н.И. Язык и народная культура. - М., 1995.
- 135.Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение.-Л.: Учпедгиз, 1959.- С.201-217.

136. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира // Понятие судьбы в контексте разных культур. - М., 1994.
137. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике, Вып. 5, 1970. - С. 250-299.
138. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная "анатомия" // Вопросы языкознания. 1995. №3.
139. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. - 271с.
140. Уфимцева Н.В. Речевое воздействие / Научно-информационный бюллетень Воронежской риторической ассоциации, психолингвистической ассоциации, вып. 5, ВГУ, 2000. - 23 с.
141. Фаст Дж. Язык тела. Холл Э. Как понять иностранца без слов. Пер. с англ. - М.: Вече, АСТ, 1997. - 432 с.
142. Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. - Новосибирск: Наука, 1969. - 90 с.
143. Формановская Н.И. Речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. - М.: Русский язык, 1982. - 126 с.
144. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. - М.: Русский язык, 1984. - 194 с.
145. Франк С.Л. Эстетика нигилизма / Сочинения. - М.: Правда, 1990.
146. Фулье А. Психология французского народа. - Москва, 1899. - 250 с.
147. Харченко В.К. Писатель Сергей Есин: язык и стиль. Монография. - М.: Современный писатель, 1998. - 240с.
148. Харченко В.К. Поведение: от реального к идеальному. - Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 1999. - 192 с.
149. Харченко В.К. Озерова Е.Г. Сложные слова в детской речи. Монография. - Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1999 - 159 с.
150. Чейф У.Л. Значение и структура языка. - М.: "Прогресс", 1975. - 432 с.

151. Шанский Н.М. В мире слов: Кн. для учителя. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Просвещение, 1985. - 255 с.
152. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении - М.: МАЛПИ, 1998. - 243 с.
153. Шаронов И.А. О допустимой резкости в русских стратегиях ведения диалога // Фразеология в контексте культуры. - М.: "Языки русской культуры", 1999. - С. 58-62.
154. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // ВЯ, 1984. № 6.
155. Юнг К.Г., Нойман Э. Психоанализ и искусство. Пер. с англ. - М.: REFL-book, 1996. - 304 с.
156. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики.-М., 1970, №16.
157. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". - М., 1975. - С. 193-230.
158. Якобсон Р. Работы по поэтике. - М.: Прогресс, 1987. - 464с.
159. Barthes R. Le degré zéro de l'écriture. - P.: Ed. du Seuil, 1972.-187p.
160. Barthes R. Introduction à l'analyse structurale des récits // Communications, 18.-P., 1966.-P.1-27.
161. Braudel F. L'Identité de la France. Les Hommes et les Choses. - P.: Editions Flammarion, 1992. - 246 p.
162. Butor M. Les "moments" de Marcel Proust // Les critiques de notre temps et Proust.-P.: Gallimard, 1971.- P.116-128.
163. Cooper D.E. Philosophie and the nature of language.-London, 1973. - 222 p.
164. Coquet J.C. Sémiotique Littéraire. - P.: Maine, 1973. - 270p.
165. Courtes J. Introduction à la sémiotique narrative et discursive. - P.: Hachette, 1976.-144p.
166. Descartes. Oeuvres et Lettres. - P.: Bibliothèque de Pléiade, 1953.

167. Fauconnier G. *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural languages*. Cambridge (MA): MIT, 1985.
168. Firth J.R. *A synopsis of linguistic theory*. Studies in linguistic analysis.- Oxford, 1957.
169. Genette G. *Figures III // Métonymie chez Proust*.-P.: Ed. du Seuil, 1972.- P.41-63.
170. Greimas A.-J. *Sémantique structurale*. - P.: Larousse, 1966.-208p.
171. Greimas A.-J. *Du sens. Essais sémiotiques*.-P., 1970.254p.
172. Hjelmslev L. *Prolégomènes à une théorie du langage*.- P.: Minuit, 1971.- 233p.
173. Hjelmslev L. *Le langage*.-P.: Gallimard, 1991.-203p.
174. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. - Cambridge, MA: THE MIT Press, 1984. - XIV, 284 p.
175. Kleiber G. *Contexte, interprétation et mémoire: approche standard vs. approche cognitive // Langue française*.-№ 103, septembre.-1994.-P. 9-23.
176. Kristeva J. *Narration et transformation // Semiotica*.-The Hague, ' 4, 1969.- P.422-448.
177. Kristeva J. *Le texte du roman*.-P.: Gallimard, 1970.-209p.
178. Kristeva J. *Le langage, cet inconnu: Une initiation à la linguistique*.-P.: Gallimard, 1981.-327p.
179. Kristeva J. *Le temps sensible / Proust et l'expérience littéraire*.-P.: Gallimard, 1994.-455p.
180. Lacan J. *Ecrits*. - P.: Seuil, 1996.
181. Langacker R. *Space grammar, analysability and the English passive // Language*, 58, 1982. - P. 22-80.
182. Lederer M. *la compréhension des textes et des discours // Comprendre le langage/ Collection Linguistique/ Didier Erudition*. - Paris, 1981. - P. 65 -67.
183. Lederer M. *La traduction aujourd'hui*. -P.: Hachette, 1994. - 224p.

- 184.Lipiansky E.M. L'âme française ou le National-Libéralisme/ Analralisme / Analyse d'une représentation sociale. - P., 1979. - 330 p.
- 185.Lot F. La France des origines a la guerre de Cent Ans, 5-e éd. 1941, p.8.
- 186.Lyons J. Semantics. L. etc.: Cambridge univ. press, 1978. Vol. I, II. - 897 p.
- 187.Malmberg B. Structural Linguistics and Human Communication. - Berlin-Göttingen-Heidelberg, 1963. - P.113
- 188.Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. - P., 1953.
- 189.Miller G.A. Language and Communication. - N.Y., etc., 1963.-298p.
- 190.Morris C.W. Writings on the general theory of signs. - The Hague, 1971.
- 191.Mounin G. Clefs pour la linguistique. - P.: Editions Seghers, 1968. - 191 p.
- 192.Quine W.O. Word and object. N.Y., 1960, P.197-250.
- 193.Riffatterre M. La métaphore filée dans la poésie surréaliste// Langue française.-P., 1969, P.50-55.
- 194.Rosolato G. L'oscillation métaphoro-métonymique// Topique, № 13.-P.: Larousse., 1974, P. 75-99.
- 195.Sapir E. Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality. Ed. David Mandelbaum. Berkeley: University of California Press, 1949.
- 196.Seleskovitch D. Language and cognition // Language Interpretation and Communication / Ed. by D.Gerver and H.W.Sinaiko. - New York and London, 1978. - P. 343 - 352.
- 197.Tubbs S., Moss S. Human communication. - N.Y., 1987. - 395 p.
- 198.Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

ЦИТИРУЕМЫЕ АВТОРЫ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Достоевский Ф.М. *Братья Карамазовы*: Роман в четырех частях с эпилогом / Вступительная статья К. Тюнькина; Иллюстрации В. Минаева; Ред. С. Чулков.-М.: Художественная литература, 1973.-815 с.
2. Маслаченко В. "*Мегаполис-Экспресс*", 1997.
3. Мориак К. Пруст / Вступительная статья А.Д.Михайлова; Пер. с фр.Н.Бунтман, А.Райской.-М.: Издательство Независимая Газета, 1999.-288с.
4. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 3. *Доктор Живаго*. - М.: Худож. лит., 1990. - 734с.
5. Пруст М. По направлению к Свану/ Пер. с фр. Н.М. Любимова.-М.: Республика, 1992.-368с.
6. Пруст М. Под сенью девушек в цвету/ Пер. с фр. Н.М. Любимова.-М.: Республика, 1992.-464с.
7. Пруст М. У Германтов/ Пер. с фр. Н.М. Любимова.-М.: Республика, 1993.-543с.
8. Пруст М. Содом и Гоморра/ Пер. с фр. Н.М. Любимова.-М.: Республика, 1993.-496с.
9. Пруст М. Пленница/ Пер. с фр. Н.М. Любимова.-М.: Республика, 1993.-382с.
- 10.Пушкин А.С. *Евгений Онегин*. Собрание сочинений в шести томах, Т. 4. - М.: "Правда", 1969.
- 11.Толстой А.Н. *Аэлита*. Повести и рассказы / Сост. и авт. вступ. статьи В.Г. Воздвиженский.-М.: Советская Россия, 1983.-334 с.
- 12.Чехов А.П. *Степь*. Избранные произведения.В 2-х т. Т. 1. - М.: Худож. лит., 1986. - 735 с.
- 13.A.D.G., *La Divine surprise*. - P.: Gallimard, Série noire n° 1429, 1971.

14. Baudelaire Ch. *Les Fleurs du mal*. - P.: Garnier-Flammarion, 1964. - 254 p.
15. Dard F. *A San-Pedro ou ailleurs*. - P.: Editions Fleuve Noir, 1988. - 222 p.
16. Dac P. et Rognoni L. *Bons Baisers de partout*. - P.: Le Cherche-Midi, 1982.
17. Desproges P. *La minute nécessaire de Monsieur Cyclopède*. - P.: Editions du Seuil, 1999.
18. Forlani R. "Grand-père" dans *L'Avant-Scène Théâtre*. n° 751, 1-er juin 1984.
19. Frank Ch. *Josepha*. - P.: Editions du Seuil, 1992. - 321 p.
20. Japrisot S. *La dame dans l'auto avec des lunettes et un fusil*. - P.: Editions Denoël, 1966. - 313 p.
21. La Fontaine (Jean de), *Le Rat et l'Eléphant*. Fables, VIII, 13.
22. Marie & Joseph, *La Grande Arpente des champs d'en bas*. - P.: Gallimard, Série noire n 2025, 1985.
23. Maupassant G. de. *Pierre et Jean*. - P: Editions Garnier Frères, 1959.
24. Modiano P. *Les boulevards de ceinture*. - P.: Editions Gallimard, 1972.
25. Nahum-Valensi M. et Atlas C. *Les Ados, peuple extraordinaire*. - P.: Mazarine, 1987.
26. Proust M. *A la Recherche du temps perdu*, édition publiée sous la direction de J.-Y. Tadié, Bibliothèque de la Pléiade, 4 vol., 1987-1989.
- 27.-t.1., 1987. *Du côté de chez Swann; A l'ombre des jeunes filles en fleurs (Première partie); Esquisses, Introduction, Notices, Notes et variantes, Résumé, Table de concordance*. Avec la collaboration de F.Callu, F.Goujon, E.Nicole, P.-L.Rey, B.Rogers et Jo Yochida.-1547p.
- 28.-t.2., 1988. *A l'ombre des jeunes filles en fleurs (Deuxième partie); Le Côté de Guermantes; Esquisses, Notices et variantes, Résumé, Table de concordance*. Avec la collaboration de D.Kaotipaya, T.Laget, P.-L.Rey et B.Rogers.-1991p.
- 29.-t.3., 1988. *Sodome et Gomorrhe; La Prisonnière; Esquisses, Notices, Notes et variantes, Résumé, Table de concordance*. Avec la collaboration de A.Compagnon et de P.-E.Robert.-1952p.

- 30.-t.4., 1989. *Albertine disparue; Le Temps retrouvé; Esquisses, Notices, Notes et variantes, Résumé, Table de concordanc, Notes bibliographiques, Index des noms de personnes, Index des noms de lieux, Index des oeuvres littéraires et artistiques.* Avec la collaboration de Y.Baudelle, A.Chevalier, E.Nicole, P.-L.Rey, J.Robichez et B.Rogers.-1708p.
31. Proust M. *A la Recherche du temps perdu.* Tome III: *La Prisonnière; La Fugitive; Le Temps retrouvé.* Bibliothèque de la Pléiade, 1954.-1323p.
32. Proust M. *A l'ombre des jeunes filles en fleurs.*-P.: Gallimard, 1965.-551p.
33. Proust M. *Le Côté de Guermantes.*-P.: Bookking International, 1994.-603p.
34. Proust M. *Les Plaisir et les Jours.*-P.: Gallimard, 1973.-310p.
35. Proust M. *Du côté de chez Swann.*- Moscou.: Editions du Progrès, 1970. - 436p.
36. Prudon H. *Plume de nègre.* - P.: Mazarine, 1987.
37. Roudé Ch. *Rue Paradis.* - P.: Le Livre de poche n 6399, 1987.
38. San-Antonio *Salut, mon pope!* - P.: Fleuve noir, 1985.
39. San-Antonio, *Baise-ball à Baule.* - P.: Fleuve noir, 1991.
40. Sarraute C., *Allo Lolotte, c'est Coco.* - P.: Flammarion, 1987.
41. Sempé-Gosciny *Le petit Nicolas.* - P.: Editions Denoël, 1994.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

1. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов.* - М., "Сов. Энциклопедия", 1966. - 608 с.
2. Бархударов С.Г. (председатель редакционной коллегии) *Словарь Русского Языка* (в четырех томах). Академия наук СССР, Институт языкознания. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957-1961.
3. Веденина Л.Г. (Под. ред.) *Франция. Лингвострановедческий словарь.* - М.: "Интердиалект +"/ "АМТ"; 1997. - 1040с.

4. Гак В.Г. *Французско-русский словарь активного типа*: Под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. - М.: Рус. яз., 1991. - 1056 с.
5. Гак В.Г., Ганшина К.А. *Новый Французско-русский словарь*. - М.: Рус. яз., 1995. - 1195 с.
6. Маковский М.М. *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образы мира и миры образов*. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. - 416 с.
7. Милько Т.В., Бреан Робер, Улянич Г.П. *La France et les Français. Франция и французы*. Пособие по интерактивному обучению французскому языку. - Харьков: Изд-во "Константа", 2003. - 120 с.
8. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой; РАН; Институт лингвистических исследований.-СПб.: Фолио-Пресс, 1998.-701 с.
9. Ушаков Д.Н. (Под. ред.) *Толковый словарь русского языка*. - М.: ОГИЗ, 1935.
10. Хайитов Б.Т. *Французско-русский лингвострановедческий словарь по фразеологии*. - М.: "Московский лицей", 1996. - 50 с.
11. Amar Y., Lattanzio E. *Parler au quotidien*. - P.: Omnivox, 1996. -71 p.
12. Bernet Ch., Rézeau P. *Dictionnaire du français parlé. Le monde des expressions familières*. - P.: Editions du Seuil, 1991. - 382 p.
13. Cellard J. *Ça mange pas de pain!* - P.: Hachette, 1982.
14. Duneton C. *La Puce à l'Oreille*. - P.: Editions Stock, 1987. - 414 p.
15. Merle P. *L'Argus des mots*. - P.: L'Archipel, 1997. - 286 p.
16. *Le Nouveau Petit Robert*. - P.: Dictionnaires Le Robert, 1993 - 2467 с.
17. Rat M. *Dictionnaire des Locutions françaises*. - P.: Librairie Larousse, 1981. - 448p.
18. Robert = *Le Grand Robert de la langue française ...* par Paul Robert, 2-e éd. par A. Rey. - P.: Le Robert, 1985, 9 vol.

19. T.L.F. = *Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIX-e et du XX-e siècle*, publ. sous la dir. de P. Imbs (vol. 1-7) puis de B. Quemada (vol. 8-14). - P.: 1971-1990.
20. Vandel Ph. *Le Dico français / français*. - P.: Editions Jean-Claude Lattès, 1993. - 349 c.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

RTP: *A la Recherche du temps perdu.*

CS: *Du côté de chez Swann.*

CG: *Le Côté de Guermantes.*

JFF: *A l'ombre des jeunes filles en fleurs.*

SG: *Sodome et Gomorrhe.*

Pr: *La Prisonnière.*

AD: *Albertine disparue.*

TR: *Le Temps retrouvé.*

JS: *Jean Santeuil.*

PJ: *Les Plaisir et les Jours.*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

Часть I

Глава 1.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И СОЦИУМ

1.1. Этнос, культура, язык (русский и французский суперэтноты).	8
1.2. Особенности национального межличностного взаимодействия.	22
1.3. Семантика высказывания и этнокультурные следы.	29
1.4. Специфика функционирования национального дейксиса.	38
1.5. Особенности вербализации русских и французских этноэйдём.	47
1.6. Унификация и дифференциация национальных дискурсов.	59
1.7. Современный национальный риторический идеал.	66

Глава 2

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ

2.1. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы.	75
2.2. Языковые структуры и типы концептуализации.	82
2.3. Этнокультурные тенденции языкового поведения.	87
2.4. Предпочтительный способ выражения мысли: преувеличение или смягчение.	99
2.5. Большая конкретность в выборе лексики / относительно абстрактный и образный характер лексики.	119
2.6. Высказывание и контекст: автономность или зависимость.	129
2.7. Резкость / корректность в стратегиях ведения диалога	135
2.8. Контактная проксемика / Дистантная проксемика.	142
2.9. Соборность / Партикулярность.	148
2.10. Оценочность / Нейтральность.	161
2.11. "Автопортреты".	174
2.12. Русизмы и галлицизмы.	180

Часть II

Глава I

МАРСЕЛЬ ПРУСТ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ СИМВОЛ ФРАНЦИИ

1.1. Художественный текст как объект исследования этнокультурной семантики высказывания.	185

1.1.1. Контекст и его роль в процессе формирования идиотнического аспекта языковых единиц.	189
1.2. Специфика повествовательных конструкций романа Марселя Пруста “В поисках утраченного времени”.	195
1.3. Метафоризация и метонимизация как авторские способы построения семантико-смысловой структуры текста.	206
1.4. Дискурсные и образно-символические доминанты романа “В поисках утраченного времени”.	231
1.5. Этнокультурные и идиолектные черты языковой личности Марселя Пруста.	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	245
<i>Библиография</i>	248
<i>Цитируемые авторы и произведения</i>	262
<i>Использованные словари</i>	264
<i>Список принятых сокращений</i>	266

Уважаемые читатели!

Издательство "Компания Спутник +" и редакция журналов «Аспирант и соискатель», «Актуальные проблемы современной науки», «Вопросы гуманитарных наук», «Естественные и технические науки», «Вопросы экономических наук», «Вопросы филологических наук», «Юридические науки» и «Педагогические науки» предлагают Вам опубликовать:

- монографии, научные труды малыми тиражами (от 50 экз.);
- научные статьи для защиты диссертаций в наших журналах;
- книги, стихи малыми тиражами (от 50 экз.);
- авторефераты диссертаций (100 экз. за 1-3 дня).
- Все издания регистрируются в Книжной палате РФ и рассылаются по библиотекам России и СНГ.
- Осуществляем компьютерный набор и верстку, а также полиграфические работы (визитки, бланки, листовки, переплет).
- Приглашаем к сотрудничеству авторов учебной, справочной краеведческой и другой популярной литературы.
- Оказываем помощь в реализации книжной продукции.

Тел. (095) 730-47-74 (с 9 до 18) <http://www.sputnikplus.ru>

E-mail: sputnikplus2000@mail.ru

Научное издание

Седых Аркадий Петрович

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЭТНОС
(НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ)
*Монография***

Дизайн обложки: О.А. Попова, Н.П. Будякова

Издательство «Компания Спутник+»

109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8а

Тел.: (095) 730-47-74

ЛР № 066478 от 30.03.99

Налоговые льготы в соответствии с ОК 005-93

Том 2 95 3000 – Книги и брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000182.01.03 от 15.01.2003 г.

Подписано в печать 06.01.2004. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,81. Тираж 500 экз. Заказ 1.

Отпечатано в ООО «Компания Спутник +»

ПД № 1-00007 от 28.07.2000

